

Вятский государственный гуманитарный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 12

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Дорожкин А. М., Соколова О. И.</i> Понятие «неопределенность» в современной науке и философии	5
<i>Лобанов С. Д.</i> О понятии вещи, или вещь-ориентированной философии	13
<i>Ермолина Л. А.</i> Человек в пространстве и времени как в культурно-смысловом поле	19
<i>Халтурин А. Н.</i> Этнические потребности: социально-философский дискурс	22

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Костин А. А.</i> Югославия в американской политике сдерживания СССР в 1947–1963 гг.	27
<i>Збоев А. В.</i> Деятельность спецслужб США против Болгарии в 1949–1955 гг.	36
<i>Зорин А. В.</i> Советский Союз и Чехословакия накануне холодной войны: американский взгляд.....	49
<i>Ситникова Е. В.</i> «Епархиальные отголоски»: церковно-общественная газета в контексте преобразований в области печати.....	57
<i>Смирнов М. А., Смирнова А. А.</i> Деятельность губернской власти и общественных организаций Вятской губернии по оказанию социальной помощи населению в начальный период Первой мировой войны.....	63
<i>Васина Т. А.</i> Духовные росписи как источник по истории семьи населения Пудемского завода конца XVIII – начала XIX в.	67
<i>Рашевский В. В., Иванов А. С.</i> Образы нефтяных городов Ханты-Мансийского округа начала 1960-х гг. в геологических нарративах	73

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кайгородова И. Н., Крутова И. Н.</i> Регулятивно-прагматические функции синтаксических идиом	82
<i>Семененко Н. Н., Лисицына Г. А.</i> Ментальный стереотип как смыслообразующий фактор в ценностных паремических репрезентациях.....	85
<i>Андреева М. И.</i> Семантический состав эмотивов на примере эмотивов, номиналирующих эмоцию <i>joy</i> (<i>радость</i>)	91
<i>Шулятиков И. С.</i> Термин «концепт» в современной лингвистике	98
<i>Столетова А. С.</i> Сотрудничество писательских организаций Европейского Севера России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей).....	102
<i>Жэнь Фэй.</i> Молчание и его роль в коммуникации (на материале произведений А. П. Чехова)	109
<i>Тун Хуэй.</i> Лексика со значением слухового восприятия в рассказе Юрия Коваля «Капитан Клюквин»	115
<i>Земляная А. С.</i> Проблема разграничения голоса рассказчика и персонажа в художественных текстах Джейн Остин	121
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	127
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	129

CONTENTS

- Dorozhkin A. M., Sokolova O. I.* The concept of uncertainty in the modern science and philosophy
- Lobanov S. D.* About the concept of thing, or thing-oriented philosophy
- Ermolina L.* Man in space and time as in the cultural and semantic space
- Khalturin A. N.* Ethnic needs: social – philosophical discourse
- Kostin A. A.* Yugoslavia in the American policy of containment of the USSR, 1947–1963
- Zboyev A. V.* The Activities of US Intelligence against Bulgaria in 1949–1955
- Zorin A. V.* The USSR and Czechoslovakia on the eve of the Cold War: American view
- Sitnikova E. V.* "Diocesan echoes": church and society newspaper in the context of change in print
- Smirnov M. A., Smirnova A. A.* Activities of the provincial authorities and NGOs Vyatka province for social assistance to the population in the initial period of the First World War
- Vasina T. A.* The lists of parishioners' families are documents of the families history of the Pudem factory population in the late 18th – early 19th centuries
- Rashevskiy V. V., Ivanov A. S.* Images of the oil cities of Khanty-Mansi Autonomous okrug early 1960s in geological narratives
- Kaygorodova I. N., Krutova I. N.* Regulativno-pragmatic functions of syntactic idioms
- Semenenko N. N., Lisitsyna G. A.* Mental stereotype as a factor in the value of the semantic representations paremic
- Andreeva M. I.* The semantics of emotives (exemplified by the joy-nominating emotives)
- Shulyatikov I. S.* The term "concept" in the modern linguistics
- Stoletova A. S.* Cooperation of writer's organizations in the european north Russia in 1950–1960-ies. (for example Arkhangelsk and Vologda regions)
- Ren Fei.* Silence and its role in communication (on material of works of A. P. Chekhov)
- Tong Hui.* Lexicon with the meaning of acoustical perception in Yury Koval's story «Captain Klyukvin»
- Zemlyanaya A. S.* Problem of distinguishing the narrator and character's voices in Jane Austen's fiction

Понятие «неопределенность» в современной науке и философии

В данной статье намечается схема исследования понятия неопределенности. Анализируются и систематизируются основные представления о научной и философской неопределенности в современных исследованиях. Авторами статьи неопределенность рассматривается как понятие, выражающее определенный феномен, связанный с субъектно-объектным отношением. Это позволяет выделить четыре аспекта исследования понятия неопределенности. Неопределенность есть понятие, которое может отображать: свойства объекта, условия взаимодействия объекта и субъекта, особенности субъективного восприятия, особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием. На примере современных исследований делается вывод о том, какие из феноменов обуславливают онтологическую, а какие – гносеологическую неопределенность. Авторы статьи ставят под сомнение перспективность современных исследований онтологической неопределенности. Отмечается, что наиболее перспективными являются исследования других аспектов данного понятия.

The research scheme of the concept of uncertainty is outlined in this article. The main ideas about scientific and philosophical uncertainty in the modern researches are analyzed and systematized. The authors of this article consider the uncertainty as the concept that reflects certain phenomenon which is connected to the subject-object relationship. This allows to emphasize four aspects of research of the concept of uncertainty. The uncertainty is the concept which can reflect: object properties, conditions of interaction of object and subject, specifics of subjective perception, features of the interaction of new knowledge with the existing one. Using the example of current research the authors determine phenomena which determine the ontological and epistemological uncertainty. The authors of this article doubt the prospects of the modern research of the ontological uncertainty. The most promising research is the research of other aspects of this concept.

Ключевые слова: неопределенность, наука, философия, субъект, объект, модель, риск, субъектно-объектное взаимодействие, субъективное восприятие, выбор, новое знание.

Keywords: uncertainty, science, philosophy, subject, object, model, risk, subject-object interaction, subjective perception, choice, new knowledge.

Понятие «неопределенность» можно считать сегодня одним из популярных понятий, используемых не только в философских исследованиях, но и в работах в области гуманитарных, социальных, естественных наук, рассматривающих это понятие в различных исторических контекстах и ситуациях. Однако зачастую авторы публикаций используют этот термин стихийно, не углубляясь в его смысл. В данной работе мы попытаемся выявить подходы к этому смыслу.

Понятие «неопределенность» приобретает известность в научных кругах в начале XX в. в связи с открытиями в квантовой механике. Принцип неопределенности, описанный В. Гейзенбергом, доказывает наличие в физической картине мира онтологической неопределенности. С гносеологической точки зрения неопределенность понимается как невозможность применения понятий устоявшейся теории для описания новых явлений [1].

Таким образом, развитие естественных наук начала XX в. и философское осмысление этого процесса возводят понятие неопределенности в ранг популярных и часто используемых как в науке, так и в философии. Но прежде чем начать использовать это понятие в частнонаучном или философском аспекте, необходимо обратить внимание на тот факт, что первоначально понятие «неопределенность» использовалось исключительно для характеристики познавательной ситуации именно в науке. Между тем, отождествляя философию и науку, некоторые исследователи идеи неопределенности механически приравнивают научную неопределенность к философской. Так, В. С. Диев в статье «Риск и неопределенность в философии, науке, управлении» не находит различий между философской и научной неопределенностью, объясняя это тем обстоятельством,

что граница между наукой и философией «постоянно сдвигается, и из “ничейной”, читай философской, проблема может стать научной» [2]. Используя известную метафору Б. Рассела о философии как «ничейной земле» между наукой и религией, В. С. Диев заключает, что «вопрос о существовании объективной неопределенности и случайности вышел из философской проблематики и перешел “на землю” естествознания, где на него был дан положительный ответ» [3].

Мы полагаем, что с заявлением В. С. Диева о таком решении проблемы неопределенности можно согласиться лишь отчасти. Действительно, в рамках естествознания можно говорить о том, что существует онтологическая неопределенность. Однако это не дает нам основания полагать, что проблема неопределенности является решенной в полной мере. Мы считаем, что не стоит ограничивать понятие неопределенности исключительно его онтологическим смыслом, и предлагаем рассматривать данное понятие через систему субъектно-объектных отношений. В данной статье мы намечаем схему исследования понятия неопределенности, основываясь на анализе и систематизации основных представлений о научной и философской неопределенности в современных исследованиях.

Мы утверждаем, что неопределенность есть понятие, выражающее определенный феномен (или даже несколько), который, так или иначе, связан с познавательным субъектно-объектным отношением. При этом даже в самой простой схеме этих познавательных отношений, такой, когда субъект выступает в качестве пассивной стороны, можно выделить по крайней мере четыре из таких феноменов.

Неопределенность есть понятие, которое может отображать: свойства объекта (1); условия взаимодействия объекта и субъекта (2); особенности субъективного восприятия (3); особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием (4).

Теперь более детально рассмотрим вопрос о том, какие из этих феноменов обуславливают онтологическую, а какие – гносеологическую неопределенность.

Объективная неопределенность

Этот тип неопределенности чаще всего используется в совокупности с такими понятиями, как моделирование, риск, вероятность. Легко увидеть, что объективная или «онтологическая неопределенность» сквозь призму нашей схемы появляется лишь в одном случае, когда она отображает некие свойства объекта. В этом смысле гейзенберговская неопределенность как характеристика объекта самого по себе, независимо от субъекта (невозможность существования одновременно точных значений координаты и импульса), является действительно классическим примером онтологической неопределенности.

Однако следует обратить особое внимание на тот факт, что в неклассической науке вследствие невозможности непосредственного наблюдения за объектами микромира, наблюдение за реальными физическими явлениями заменяется описанием поведения идеализированных объектов: физический эксперимент заменяется мыслительным экспериментом. Но тогда понятие «неопределенность» возникает вследствие невозможности проведения реального (наблюдаемого) эксперимента над исследуемыми объектами и поэтому не может быть выведено за рамки теоретического естествознания.

Процесс идеализации неразрывно связан с моделированием – построением теоретических систем, заменяющих реальные объекты. Моделирование имеет важное познавательное значение, поскольку позволяет представить в наглядной форме познаваемые объекты или связи между частями объекта как целого. Исследование неопределенности через призму данного приема исследования является сегодня одним из приоритетных в естественных науках.

Это отмечается в статье Е. Ю. Куликовой [4], где особое внимание уделяется анализу неопределенностей, который исходит из используемых данных, методов и моделей, применяемых для оценки ожидаемого риска. Автор не упоминает, о каком риске идет речь, но из контекста становится ясным, что это риск окончательного вывода. «Анализ неопределенностей предусматривает определение изменений и неточностей в результатах моделирования, которые являются следствием отклонения параметров и предположений, применяемых при построении модели» [5]. Поскольку неопределенность является неким параметром, который характеризует модель, то это означает, что ее можно увеличить или уменьшить, другими словами, исчислить.

Однако попытка Е. Ю. Куликовой увязать понятие «неопределенность» с тем обстоятельством, что естествознание изучает модели, является, с нашей точки зрения, не совсем удачной. Заявление о том, что естествознание изучает только модели, а не действительность, реальность, вряд ли будет поддержано философами и естествоиспытателями. Во всяком случае, учебники по философии науки [6] отмечают, что одной из особенностей естественнонаучной теории является то, что объект естествознания не реальность, а идеализированные объекты. В определенной мере эти идеализированные объекты можно считать моделями, но опытное, экспериментальное

естествознание работает с реальными объектами, а также использует приборы, фиксирующие определенные состояния реальных объектов. Вопрос о том, в какой мере чувственную информацию, исходящую не от самого объекта, а от приборов, можно назвать всего лишь моделью самого объекта, является, с нашей точки зрения, очень спорным. Здесь более адекватным будет не понятие «модель», а «предмет» исследования. Нельзя сбрасывать со счетов принцип теоретической нагруженности факта, весьма хорошо представленный в философии науки, особенно через его последствия для формирования естествознания, у П. Фейерабенда.

Кроме того, следует обратить особое внимание на соотношение понятий «модель» и «моделируемый объект». Осуществление процесса моделирования возможно исключительно в результате установления соответствия между моделью и реальным объектом. Только при наличии этого допущения прием моделирования позволяет исследовать области реальности в их полноте и целостности.

Кроме анализа неопределенности в естественнонаучных исследованиях к разряду онтологических следует отнести и исследования неопределенности в области экономики. Чаще всего неопределенность понимается как условие, принимаемое для составления более точного прогноза будущей экономической ситуации. В данном случае близким по содержанию выступает понятие риска. Задачи исследования неопределенности в таком случае зачастую сводятся к попыткам расчета степени неопределенности: «Для оценки риска сначала необходимо “измерить” неопределенность, возникающую в результате принятия решений субъектом, т. е. определить и дать количественную характеристику вероятности возможных событий» [7]. На основании этого можно заключить, что в экономике неопределенность используется для характеристики ситуации нестабильности, когда прогностические суждения носят сугубо вероятностный характер.

В экономических работах понятие риска используется намного чаще, чем в естествознании, и здесь, так же как в анализируемой выше работе, понятие «риск» не раскрывается. Опять же из контекста работы можно сделать вывод о том, что риск в подобных работах есть риск, обусловленный несопадением реальной экономики и моделей экономического развития.

Системный подход как междисциплинарное направление исследования систем разного рода для описания объективной картины мира использует понятие вероятности. Вероятность (а следовательно, неопределенность) есть изначально заложенный параметр развития системы. Другими словами, сложный характер систем и наличие многообразия связей между ними предполагает, что говорить о том или ином сценарии развития системы мы можем лишь со значительной долей вероятности.

Н. М. Урманцев в статье «Свобода человека и неопределенность его выбора» интерпретирует это так: «Следствием действия случайности... является некоторая принципиальная неопределенность хода событий и процессов, а значит, неопределенность представляет фундаментальные начала мира, его устройства и развития: неустойчивость, изменчивость, спонтанность (непредсказуемость будущего, не выводимость полностью достоверного знания из ранее известного), порождаемость нового» [8]. Другими словами, наличие на жизненном пути человека так называемых точек бифуркации означает ситуацию нестабильности, когда осуществляется выбор дальнейшего пути. «Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью характеризуется будущее вообще... Отсюда и постоянный веер возможностей (человек – имманентная “точка бифуркации”, постоянное о-пределение (наделение пределом), означивание и выбор)» [9].

Подводя некий итог приведенным суждениям о понятии объективной неопределенности, заключим, что процедура моделирования, являющегося одной из главных процедур теоретического познания в приведенных концепциях, накладывает отпечаток на понятие «неопределенность». Неопределенность здесь носит исключительно вероятностный характер.

По нашим представлениям, понятие онтологической неопределенности чаще всего используется в работах, посвященных естественнонаучным и экономическим проблемам. При этом практически все они характеризуют неопределенность как невыявленную адекватность, или неадекватность модели оригиналу. Довольно часто (особенно в последних работах) употребляется понятие риска как невыявленного несоответствия модели оригиналу. Основным недостатком этих работ мы усматриваем в том, что не выявлено основание, по которому оригинал определяется таковым. Это известная юмовская проблема, однозначного решения которой до сих пор не найдено.

Мы называем эту неопределенность онтологической, так как в данном случае сравниваются две онтологические реальности: модельная и «настоящая». Однако при этом возникает еще один вопрос: насколько модельную реальность можно считать онтологической? Конечно, существует так называемое «физическое» моделирование, когда реальный процесс заменяется его

физическим аналогом. Но подобного рода приемы сейчас довольно редки. Рискнем отметить, что перспективы выявления онтологической неопределенности весьма туманны. Гораздо перспективнее обратить внимание на другие аспекты этого понятия.

Неопределенность и субъектно-объектное взаимодействие

Более сложным представляется неопределенность, выражающая второй из отмеченных нами феноменов – как условие связи субъекта и объекта. В полном смысле слова онтологической она не является. Однако и гносеологической ее назвать нельзя.

Ответ на вопрос о взаимодействии субъекта и объекта познания имеет исторический характер. Концепцию принципиального разделения субъекта и объекта познания впервые в истории философии мы встречаем у Рене Декарта. Согласно принципу изолированности субъекта от объекта понятие неопределенности может использоваться либо для обозначения неизвестных свойств объекта, либо для характеристики субъективной стороны познавательного процесса, но никак не для взаимодействия субъекта и объекта. Отсутствие взаимосвязи между субъектом и объектом познания считается одним из противоречивых пунктов философии Р. Декарта.

Признавая ошибочность концепции Р. Декарта об изолированности мыслящего «Я», познание мы будем представлять как движение знания от субъективного к объективному, как воспроизведение в знании субъекта свойств объекта.

Типичной, но явно не фиксируемой ошибкой является попытка обнаружения неопределенности между реальностью и нашим воспроизведением реальности. Но кто эту познаваемую реальность представляет? В рамках уже представленного нам субъектно-объектного отношения познаваемая реальность есть сам объект исследования, а наше знание – чувственный или рациональный образ самого этого познаваемого объекта. В таком случае уместно задать вопрос: кто и когда будет фиксировать эту познаваемую реальность и наше отношение к реальности? В ходе познания мы, стремясь к истине, в наиболее доступной степени создаем знание об объективной реальности наиболее адекватно. В силу абсолютности истины на данный момент наше знание есть объективная реальность. Поэтому говорить о неопределенности в данном случае не имеет смысла.

О неопределенности как понятию в системе субъектно-объектных отношений можно говорить в смысле соотношения между желаемым знанием и наличным знанием. В этом случае возникает другой вопрос: откуда берется это желаемое знание? Здесь представляется возможным отметить новый, никем еще не рассматриваемый аспект понятия «неопределенность»: наличное, настоящее знание одного субъекта может быть соотнесено с наличным знанием другого субъекта, обладающего более глубокими и основательными знаниями о реальности, например знание ученика и учителя. Учитель может и вправе посчитать знания ученика о реальности недостаточными. Он должен убедить ученика в этом. Тогда ученик может и должен характеризовать свои знания как неточные, неполные, неопределенные. Здесь в наше изначальное субъектно-объектное рассмотрение вводятся субъект-субъектно-объектные отношения.

Таким образом, субъективное восприятие не является изолированным образованием. Знание субъекта представляет собой способ нахождения определенного места субъекта в объективном мире, его самоориентацию в мире объектов-вещей и других субъектов. Понятия «субъект» и «объект» становятся в данном случае взаимопереходящими. Определяя свое место в мире, субъект выступает для себя в качестве объекта познания. Вместе с тем знание в данном случае интерсубъективно.

Специальному анализу неопределенности в аспекте коммуникации посвящена статья О. Б. Соловьева [10]. Главным образом, под неопределенностью О. Б. Соловьев понимает состояние непонимания как нарушения системы коммуникационного взаимодействия. Сложность выстраивания коммуникации напрямую зависит от того, что понимание как феномен находится «на границе между миром внешнего (экстериоризированного) и миром внутреннего (интериоризированного). Это точка проникновения мира внутреннего, субъективного в мир внешний, объективный. Но это также и точка обратного перехода, когда внешний мир становится внутренним, строится в феноменальном, символическом пространстве мыслящего «я». Первый переход осуществляется как объективация субъективного содержания мыслительной деятельности, второй – как идентификация субъекта с объективно данным ему культурой смысловым содержанием предметной деятельности и коммуникации» [11].

«Эффект неопределенности» возникает в ситуации нарушения коммуникативной связи между субъектами. Но вместе с тем, по мнению автора, неопределенность может быть преодолена в результате доступа субъекту коммуникации социальных кодов, «социокультурного плана объективной предзаданности понимания индивидуальному человеческому сознанию и менталь-

ного плана субъективной интерпретации смысла» [12]. Итак, неопределенность понимается в данном случае как нарушение коммуникации и результат непонимания.

Р. В. Шамолин в статье «Гуманизм и неопределенность субъективной идентичности» отмечает, что «в нашем существовании мы имеем дело с неопределенностью в двух случаях: когда фиксируем ее присутствие в попытках схватить неотчуждаемую суть собственной идентичности и когда, обращаясь к миру явлений, пытаемся удержать о нем стабильное представление» [13]. Процесс преодоления субъективной идентичности, по мнению автора, имеет истоки в философии гуманизма, утверждается в концепции абсолютного субъекта в Новое время; индивидуальные свойства субъекта стираются и замещаются свойствами всеобщего. Субъект становится неопределенным. Данные размышления подчеркивают перспективность более детального исследования предпосылок формирования понятия неопределенности в истории философии. Но это задачи последующих исследований.

Теперь обратимся к анализу неопределенности как характеристики субъективного восприятия.

Неопределенность и особенности субъективного восприятия

Современное представление о субъективности позволяет выделить два основных значения этого понятия. Субъективное может пониматься как знание и как личное переживание. В предыдущем пункте мы показали, что субъективное и объективное не могут быть жестко противопоставлены как знание субъекта об объекте и сам этот объект. Здравый смысл указывает на то, что в эмпирическом знании субъекта отражается объект познания. Вместе с тем субъективное знание есть всегда знание конкретного человека. А поскольку оно основывается на индивидуальных особенностях познавательных способностей человека, его органов чувств, другими словами, физических составляющих, следовательно, знание начинается с субъективной стороны, которая является для других неопределенной, недоступной, закрытой.

Однако не следует исключать возможности возникновения неверного, искаженного знания, заблуждения относительно объекта, которое можно понимать в смысле неадекватности личного субъективного знания объекту.

На эту особенность субъективного восприятия впервые обратили внимание софисты, подчеркивающие значение индивидуальных предпочтений, пристрастий, мнений в формировании субъективного знания. В Новое время это послужило основой трактовки такого рода субъективных, личностных характеристик в смысле неопределенностных, т. е. мешающих конструированию истинного знания о мире. Таким образом, неопределенность, субъективность понимались как недостаток, от которого необходимо избавиться в процессе восхождения к истине. Данная когнитивная установка имеет место и в современной теории познания. Действительно, объективность – необходимое условие истинного знания.

Другое направление исследования неопределенности лежит в плоскости рассмотрения субъективного как личностного переживания субъекта. Внимание к этой стороне познавательного процесса является одной из ключевых особенностей неклассической философии и науки.

В этом смысле особый интерес вызывает статья О. Н. Первушиной «Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы». Основываясь, главным образом, на научно-психологической литературе, автор заявляет, что ситуацию, которую можно классифицировать как неопределенностную, невозможно свести к ситуации выбора: «В случае столкновения с неопределенностью состояние человека иное: он встречается с чем-то новым, неизвестным, неожиданным и не имеет возможных вариантов решения и поведения – эти варианты необходимо сначала породить, изобрести, а затем уже анализировать, взвешивать, выбирать» [14]. С этой точки зрения ситуация неопределенности понимается как неструктурированная, не предполагающая наличие веера возможностей, ориентиров, направляющих поведение человека.

О. Н. Первушина отмечает, что психика человека устроена таким образом, что он стремится устранить неопределенность, иметь достаточную долю уверенности, стабильности, человек пытается найти логичное объяснение происходящим процессам и принимать осознанные решения. Этот тезис принимается современными психологами на основе уже разработанных концепций в истории психологии.

С антропологической точки зрения это дает нам основание понять стремление человека найти в жизни свое место, предназначение, смысл. «Для развития общества и отдельного человека необходимы определенные ориентиры. В периоды хаоса, когда все рушится, неопределенность становится беспредельной. Возникает настоятельная потребность в уменьшении этой неопределенности за счет появления островков стабильности, устойчивости, определенности. Наступает черед невостребованных вариантов развития, ценностно-смысловых установок, целевых ориентиров» [15].

Общий обзор примеров использования данного понятия в психологической науке также демонстрирует статья Е. Ю. Лихачевой. В психологии неопределенность может пониматься как психологическое переживание в предельных, кризисных ситуациях. Автор формулирует общее видение неопределенности следующим образом: «Неопределенность – это отсутствие у субъекта ситуации ее целостного видения, ее контекста, значения и смысла, возможностей и тенденций ее дальнейшего развития. Ситуация неопределенности включает внешнюю (объективные характеристики) и внутреннюю (психологическое переживание) стороны» [16].

Таким образом, неопределенность не всегда присутствует в познании. Это есть некое отношение, установка к познанию внешнего мира, принятие его изменчивости, нестабильности. Неопределенность связана с принятием субъектом принципиально нового, необычного, не поддающегося осмыслению в рамках заданной парадигмы. С точки зрения психологии принять неопределенность готов не каждый человек. Существует зависимость от индивидуальных особенностей человеческой психики.

Что касается анализа ситуаций неопределенности в философской литературе, то на несводимость таких ситуаций к процедуре выбора из нескольких известных альтернатив указывается нами уже давно [17] и неоднократно.

К неопределенности, по мнению Н. В. Мишиной, приводит специфика человеческого сознания как наличие свойства «воспринимать информацию в “неявном” виде. Субъект, получая поток информации, осознает только часть ее, а остальную хранит в неэксплицированном виде (Х. Дрейфус, М. Полани, В. А. Лекторский и др.) Знание, существующее как неявный компонент, жестко не структурировано, не концептуализировано. Это дает возможность каждому воспринимающему субъекту выбирать из потока информации “свое” и интерпретировать по-своему» [18].

Данный подход Н. В. Мишина распространяет не только на философское знание, но и на научное. «Долгое время в науке наличие неопределенных понятий рассматривалось как факт ее недостаточно высокого уровня. Однако возможны ситуации, когда стремление к созданию жестких определений, различные уточнения и исправления могут даже препятствовать пониманию. И напротив, более эффективными оказываются гибкие, вероятностные соотношения между подразумеваемым содержанием знания и способами ее выражения» [19]. Данная диссертация была защищена более 20 лет назад, а современная наука и философия (что демонстрирует наш обзор проблемы) по-прежнему зачастую не принимает эти установки. Наличие определений, жестко обоснованных доказательств является условием успешности теории, и не только научной, но и философской. Стирание индивидуальных свойств мыслящего субъекта, его личное понимание, видение процесса, интуитивное выдвигание гипотез остается за рамками исследований. Вместе с тем очевидно, что не только логические доказательства, решение проблемы, структура ответа на вопрос, но сама постановка вопроса, интенции субъекта к вопрошанию составляют процесс интеллектуального творчества. Эта сторона мыслительного процесса играет существенную роль в осуществлении познания субъектом объекта, вместе с тем установление связи между субъектом и объектом становится достаточно проблематичным. Именно для характеристики такого рода связи можно использовать понятие «неопределенность».

Особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием

Более сложным, хотя бы гипотетически, является вариант отношения наличных знаний субъекта с его будущими знаниями. Субъект, имеющий определенную познавательную практику и фиксирующий прогрессирующие шаги в познании реальности, вправе считать, что его прошедшие знания по отношению к наличному, казавшиеся точными и полными, ныне должны характеризоваться им как неполные и неточные. Неопределенность используется здесь как характеристика уже прошедшего знания, которое, исходя из современного состояния, уже кажется таким. Но такое отношение между прошедшим и новым знанием может быть неоднократным. Обладая познавательной практикой, в ходе которой мы узнаем, что любое из прошедших знаний характеризуется этим состоянием, мы наличное знание можем характеризовать как неопределенное. В этом смысле неопределенность можно трактовать как наличие специфической познавательной установки.

Н. М. Урманцев применяет понятие «неопределенность» для описания состояния «неустойчивости» человека в изменяющемся мире: «Стараться уйти от неисполнимого желания определенности и законченной осмысленности и встать на почву того, что Алан Уотте назвал “мудростью неопределенности”, и открыть для себя то, что А. Камю пытался найти для себя – возможностью удовлетвориться неизвестностью. Если мы принимаем неопределенность в качестве своей философии, это могло бы помочь нам относиться с большим уважением и терпимостью к различным взглядам на жизнь и получать большое удовольствие от разнообразия причудливых и удивительных толкований действительности» [20].

Показательным в данном случае является обращение к понятиям абсолютной и относительной истины. Относительное знание есть неполное знание об объекте. Процесс познания бесконечен: обращаясь к анализу одной стороны объекта, мы неизбежно наталкиваемся на неизвестные ранее его стороны. Знание расширяется. В этом смысле истина недостижима, абсолютное знание об объекте во всем многообразии его свойств не может быть определенным.

Однако возникает вопрос: нужно ли считать абсолютно любое знание неопределенным полностью? В этом смысле можно вспомнить концепцию В. И. Ленина о зернах абсолютности в относительности истины. В соответствии с этим неопределенным в абсолютном смысле наше знание не является. Здесь неопределенность другого уровня, поскольку нам не известен неопределенный элемент наших знаний.

Не стоит сбрасывать со счетов зависимость познания от целей, которое оно преследует. Зачастую нам не требуется наличие всей полноты знания об объекте, нас интересует только определенная сторона объекта. Познание направлено на устранение незнания об объекте. И неопределенность в данном случае устраняется, поскольку она понимается как незнание. Но следует отметить, что цели познания также могут расширяться. Допустим, что учитель считает знания ученика достаточными для определенного уровня. Но со временем, расширяя сферу его познания, он будет ставить перед учеником новые задачи. Произойдет развитие знания, предыдущего знания станет недостаточно для ответов на новые вопросы. Те же процессы характерны для истории развития знания в целом, истории науки. Сталкиваясь с новыми сторонами реальности, не имеющими объяснения в наличествующей теории, старая картина мира сменяется новой.

Мы рассмотрели основные направления исследования неопределенности в современной науке и философии через призму субъектно-объектных отношений. Эти исследования могут носить как исторический характер (предпосылки возникновения понятия неопределенности в науке и философии, исторический ракурс исследования субъектно-объектных отношений), так и философско-теоретический характер.

При всем этом исследование неопределенности в данной работе не выходило за рамки простейшей схемы обозначения отношений между субъектом и объектом, при котором субъект выступает в качестве пассивно воспринимающей стороны процесса. Однако, как известно, внимание к активной роли познающего субъекта начинается уже со времен И. Канта. А это означает, что схема субъектно-объектных отношений усложняется, что не может не отразиться на исследовании роли неопределенности в процессе познания. Это открывает новые возможности для дальнейшего исследования феномена неопределенности.

Мы осознаем, что данная статья не представляет собой решения проблемы неопределенности, а намечает возможные (не рискуем сказать перспективные) пути исследования ситуации неопределенности. Убеждены мы лишь в одном – без использования и анализа данного понятия современной философии просто не обойтись.

Примечания

1. *Дорожкин А. М.* Научный поиск как постановка и решение проблем. Н. Новгород, 1995. С. 35.
2. *Диев В. С.* Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 83.
3. Там же. С. 83.
4. *Куликова Е. Ю.* Понятие «неопределенность» и прогнозирование оптимального вектора развития природно-технической геосистемы // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2006. № 6.
5. Там же. С. 14.
6. Например: *Философия науки в вопросах и ответах*. М., 2008. С. 125.
7. *Диев В. С.* Указ. соч. С. 86.
8. *Урманцев Н. М.* Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 2. С. 120.
9. Там же. С. 120.
10. *Соловьев О. Б.* Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2008. Т. 2, вып. 1.
11. Там же. С. 63.
12. Там же. С. 66.
13. *Шамолин Р. В.* Гуманизм и неопределенность субъективной идентичности // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2011. Т. 5, вып. 1. С. 73.
14. *Первушина О. Н.* Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2007. Т. 1, вып. 1. С. 12.
15. Там же. С. 13.

16. Лихачева Е. Ю. Смыслообразование как механизм преодоления неопределенности (на материале имитационных игр) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Психологические науки. 2010. № 3. С. 23.
17. Дорожкин А. М. Понятие неопределенности в естествознании (гносеологические проблемы): дис. ... канд. филос. наук. М., 1978.
18. Мишина Н. В. Генетические основания и логические формы выражения неопределенности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991.
19. Там же.
20. Урманцев Н. М. Неопределенность бытия и свобода человека // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5. С. 114.

Notes

1. Dorozhkin A. M. Scientific search as formulation and solution of problems [Nauchnyy poisk kak postanovka i reshenie problem]. *N. Novgorod*, 1995. P. 35.
2. Diev V. S. Risk and uncertainty in philosophy, science, management [Risk i neopredelennost' v filosofii, nauke, upravlenii]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2 (14). 2011. P. 83
3. Ibid. P. 83.
4. Kulikova E. Yu. The concept of uncertainty and predicting the optimal vector of natural- technical geosystems [Ponyatie «neopredelennost'» i prognozirovanie optimal'nogo vektora razvitiya prirodno-tekhnicheskoy geosistemy]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal)*. No 6. 2006.
5. Ibid. P. 14.
6. The philosophy of science in questions and answers [Filosofiya nauki v voprosakh i otvetakh]. Moscow. 2008. P. 125.
7. Diev V.S. Risk and uncertainty in philosophy, science, management [Risk i neopredelennost' v filosofii, nauke, upravlenii]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2 (14). 2011. P. 86.
8. Urmantsev N. M. Human freedom and uncertainty of his choice [Svoboda cheloveka i neopredelennost' ego vybora]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2. 2007. P. 120.
9. Ibid. P. 120.
10. Solov'yev O.B. Uncertainty: intentional and aspectual horizons of understanding [Neopredelennost': intentsional'nye i aspektual'nye gorizonty ponimaniya]. *Vestnik NGU. Seriya: Psikhologiya*. Vol. 2.1. 2007.
11. Ibid. P. 63.
12. Ibid. P. 66.
13. Shamolin R. V. Humanism and the uncertainty of subjective identity [Gumanizm i neopredelennost' sub"ektivnoy identichnosti]. *Vestnik NGU. Seriya: Psikhologiya*. Vol. 5.1. 2011. P. 73.
14. Pervushina O. N. Man and uncertainty: on the approaches to the problem [Chelovek i neopredelennost': na podstupakh k postanovke problemy]. *Vestnik NGU. Seriya: Psikhologiya*. Vol. 1.1. 2007. P. 12.
15. Ibid. P. 13.
16. Likhacheva E. Yu. Interpretation as a mechanism for coping with uncertainty (based on simulation games) [Smysloobrazovanie kak mekhanizm preodoleniya neopredelennosti (na materiale imitatsionnykh igr)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. No 3. 2010. P. 23.
17. Dorozhkin A. M. The notion of uncertainty in natural science (epistemological issues) [Ponyatie neopredelennosti v estestvoznanii (gnoseologicheskie problemy)]. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*. Moscow. 1978.
18. Mishina N. V. Genetic basis and logical expressions of uncertainty [Geneticheskie osnovaniya i logicheskie formy vyrazheniya neopredelennosti]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*. Moscow. 1991.
19. Ibid.
20. Urmantsev N. M. The uncertainty of life and the freedom of man [Neopredelennost' bytiya i svoboda cheloveka]. *Vestnik ChitGU*. No 5. 2008. P. 114.

О понятии вещи, или вещь-ориентированной философии

Сегодня главное для нас – прийти в чувство. Нам надо научиться *видеть* больше, *слышать* больше, больше *чувствовать*. Наша задача – не отыскивать как можно больше содержания в художественной вещи, тем более не выжимать из нее то, чего там нет, наша задача – поставить содержание на место, чтобы мы вообще могли увидеть вещь.

Сьюзен Сонтаг. 1964 г.

В статье рассматривается связь двух направлений современной философии – поворота к эмоциям (эмоциональный поворот) и поворота к вещи (реалогический поворот). Эта связь ведет к проблеме вещи, острием которой служит отношение человека и вещи, содержание которого образуется интервалом между ними. Предлагается решение проблемы вещи через понятие и деление вещи. В качестве исходного определения мира допускается следующее: мир есть совокупность (порядок) вещей. Выделяются пространственные, временные, операциональные определения вещи, вещи как единства материи и формы, вещи-изделия, а также связь понятий *меры человека* и *меры вещи* (или человекообразность). Дается анализ отношения вещи и арте(факта). Утверждается, что образ есть посредник между человеком и вещью. Кратко прослеживается отношение вещи и слова (в значении собрания людей).

The article discusses the connection between the two trends of modern philosophy – the turn to emotions (emotional orientation) and twist to things (realogicheskie rotation). This link leads to the problem of things, the point of which is the relationship of man and things, the content of which is formed by the interval between them. The proposed solution of things through the notion and division of things. As the source of the world allowed determining the following: the world is a combination (order) of things. Allocated spatial, temporal, operational definitions of things, things as the unity of matter and form, things-products, as well as the relationship of concepts of human measure and measure things (or human dimensionality). The analysis of the relations of things and Arte(the fact). It is argued that the image is the mediator between man and thing. Briefly traces the relationship of things and words (in the sense of meeting people).

Ключевые слова: поворот к эмоциям, поворот к вещи, метафизика вещи, вещь-ориентированная философия, прагматургия, понятие и деление вещи, мера вещи, мера человека, факты, артефакты.

Keywords: the turn to emotions and the turn to things, metaphysics, things, thing-oriented philosophy, pragmaturgy, the notion and division of things, measure things, measure of man, facts, artifacts.

О повороте к эмоциям

В современной философии принято отмечать направления её развития через *повороты*: онтологический, лингвистический, феноменологический, трансмодернистский, герменевтический, прагматический и т. д. К такому повороту относится и *эмоциональный (emotional turn)*, связанный с обращением к *живым чувствам* и *эмоциям* людей.

Обращение к чувствам (эмоциям) и культивирование их – это своего рода освобождение их на волю или в их собственную стихию, спасение от рассудочных интерпретаций. Следует отметить, что подобное обращение далеко не единственное в истории, это, к примеру, концепции *эмотивной этики* Франца Brentano, Макса Шелера и Анри Бергсона [1], с первенством волевого и ценностного начала, а также романтизм, сентиментализм, импрессионизм и т. д. Один из современных подходов к решению труднейшей проблемы сознания состоит в выделении «квалиа (qualia)», чувственных качеств, сферой которой является «народная психология», связанная поведением людей и наделением их сознанием. Точность измерений – основа строгого, объективного познания, и одной из характеристик научных приборов, хотя и в метафорическом значении, служит *чувствительность*.

В этом движении чувства и эмоции вновь и вновь возрождаются, становятся современными. Что это такое, *чувство* и *чувства современности*?

Это вопрос, ведущий к вопросу о ценностях или о том, что принимается или не принимается людьми, а также об их выборе в условиях принятия решений, например, в отношении существующего *положения вещей*.

Обращение к чувствам связано с проблемой отчуждения человека от природы, мира, других людей и самого себя. Эта проблема имеет юридические корни в значении отчуждения собственности, своего начала, самостоятельности, «самости», или «аутентичности». Например, отчуждение происходит тогда, когда человек перестает быть самим собой, личностью и превращается в бездушную вещь в *порядке вещей*. Отчуждение может отождествляться с предметностью (овнешнением), *овеществлением*, или *объективацией* человеческого начала – труда [2]. В «мягкой» форме отчуждение переходит в значения явлений и понятий, связанных с дилеммами «свое»/«чужое», «тождественное»/«иное», «близкое»/«далекое».

О повороте к вещи

Насколько собственное существование и окружающий их мир вызывают интерес у людей? или так: заинтересованность в мире и существовании? Через интерпретацию слова «интерес» (от лат. *inter-esse*) открывается еще одно значение вещей: «*Inter-esse* значит: быть среди вещей, между вещей, находиться в центре вещи и стойко стоять при ней» [3].

Кроме того, *inter-esse* образует мир. Мир – это все существующее в определенном порядке. Мир прежде всего состоит из вещей. Здесь можно принять определение Лейбница: «Я называю *миром* все следствия и всю совокупность существующих вещей, чтобы уже нельзя было утверждать, будто могут существовать еще многие миры в разные времена и в разных местах» [4].

Понимание человека как малого мира (микрокосмоса), перевернутое Шопенгауэром на «мир – это макроантропос», не теряет своего значения через века. Когда в 1648 г. при дворе Христины Шведской Рене Декарт, великий геометр и философ, танцует вместе с балетмейстером Антуаном де Болье в балете «Рождение мира», совершается взаимное действие двух миров, или порядков вещей, – вещи протяженной (*res extensa*, материи) и вещи мыслящей (*res cogitans*, ума).

Здесь вполне уместна аналогия между рождением большого мира, происходящего без присутствия и участия человека, и рождением малого мира повседневной жизни человека: и там, и там участвуют стихии земли, воды, огня и воздуха, к которым присоединяется стихия человеческого существования.

Отсюда внимание к вещам, которое закрепляется выделением сфер культуры и культурологии (включая антропологию и этнографию), а также отдельных гуманитарных дисциплин, например античная и средневековая *scientia rerum* (наука вещах), *реизм* (Т. Котарбинский), *реалогия*, или *вещеведение* (Г. С. Кнабе, М. Эпштейн, Ю. Л. Шапова и др.), *имущественное право*, *социология вещей* и т. д., а также исследования, посвященные истории вещей (Ю. Липс и др.) и значению вещи в отдельных культурах [5]. Своеобразной вехой на этом пути стал призыв основоположника современной феноменологии Э. Гуссерля «*К самим вещам!*». В одном из направлений современной философии – *объектно-ориентированная мысль* – предлагается не разделять *объект* и *вещь* [6], поэтому допустимо другое его название, а именно: *веще-ориентированная философия*, или *метафизика вещей*.

В Германии с 1918 по 1930 г. развивалось художественное движение «новая вещественность» (*Neue Sachlichkeit*) с обостренным вниманием к предметности существования людей. В 1922 г. в Берлине вышли в свет три номера журнала «Вещь» под редакцией Эля Лисецкого и И. Г. Эренбурга, придерживающихся конструктивистского направления. Первая треть XX в. – это время становления *дизайна* в качестве самостоятельного рода деятельности и дисциплины, связанных с организацией предметной среды существования человека, прежде всего вещей. В 1940-е и 1950-е гг. расцвет получило направление «неореализма» со стремлением выразить действительность такой, какая она есть.

«Вещи к нам куда ближе любых ощущений» [7]. В этом высказывании Мартина Хайдеггера весьма точно выражена проблема вещи. Если учесть кальку слова «вещь» в латинском языке «*res*», то откроется путь к пониманию определения «вещи» в значении «то, что есть», «что вообще есть», «нечто», а именно: «вещество», «сущее», «дело», «реальность», «ребус», «республика», «*Rerum Novarum*» (знаменитая энциклика папы Льва XIII), *realpolitik*, *res judicata* (окончательное решение), *corpus delicti* (вещественное доказательство), *rebus sic stantibus* (оговорка неизменных обстоятельств) и т. д., а греческий язык ведет к пониманию мировоззрения или явлений: *πράγμα* (вещь, дело) – прагматизм и *χρήμα* (вещь, предмет, дело, нечто, имущество, деньги и т. д.) – хремастика (наука об обогащении) и хремафобия (боязнь брать в руки деньги); и т. д. [8]. Интересно, что в России до XIX в. наука о лекарствах носила наименование «врачебное веществословие», что

служило переводом названия работы основателя фармакогнозии Диоскорида (I в. н. э.) “De Materia medica”.

Подобная всеохватность – на грани чрезмерности и пустоты содержания – образует дилемму *отстраненное (далекое)/близкое*, лежащую в основе проблемы вещи. Восприятие любой вещи является одновременно и абстрактным, «чистым», так как отвлекается от самого себя в пользу вещей, и конкретным, поскольку связывает человека с вещами, служит посредником в отношении между *этим* человеком и *той* вещью.

Острые проблемы вещи образует еще одна фундаментальная дилемма. Это дилемма *предметное/непредметное*, которая имеет форму *понятие о вещи/понятия вещи*.

О понятии вещи

В содержание понятия о вещи входит представление вещи, постановка вещи «перед» чувствами и созерцанием человека («Вот вещь!», например, «Вот ключ!»), в глубину, «под», в основу явлений и признаков (свойств) в виде «субстанции», «субстрата», «подстава», или «по ту сторону» – вещи в себе. Это своего рода *пространственное* определение вещи, где вещь отождествляется с предметом или объектом внимания, познания и т. д. Здесь слова суть обозначения, имена вещей. Отнесение (референция) имен к вещам составляет сложнейшую проблему, одним из решений которой является их отождествление при допущении, что имена обладают силой (энергией), а не пустым знаком: «...*имя вещи есть сама вещь*» [9]. Эта формула прямо противоположна определению Д. С. Милля, согласно которому *имя обозначает (не есть) вещь* [10].

Вещь в таком подходе определяется через отношение к другим вещам, т. е. вещь имеет относительную природу, например: «“Вещь” называется по-китайски *дун-си*, “восток – запад”» [11]. В современных терминах такой подход называется «сетевым» [12], одним из примеров которого служит Интернет вещей (IoT), вычислительная сеть физических объектов, способная быть источником процессов с ограниченным участием человека на основе взаимодействия самих вещей.

В качестве рабочего определения вещи при таком подходе можно предложить следующее: «*Вещь – это то, что имеет место*». Такое определение предполагает, что вещь – это единство формы и материала (материи), имеет те или иные размеры, а также объемлет некое пространство. Например, вода (материя) приобретает ту или иную форму, воплощая во внешнем образе внутреннюю структуру (состав). Кроме того, то, какое место занимает вещь в жизни людей, определяет предназначение вещи, или её функцию. Отсюда следует деление вещей на простые и сложные, материальные и духовные, бытовые и возвышенные, полезные (утилитарные) и ненужные и т. д.

Итак, *мерой вещи* является её значение (место) среди вещей.

Другой подход основывается на понятии вещи – это *временное* определение вещи, в котором предполагается единство смысла вещи и её восприятия. Это обстоятельство хорошо выражается в латинском языке, где *sensus* означает и «чувство», и «смысл», а также в немецком языке, в котором *Sinn* – это также и «смысл», и «чувство». Здесь вещь отличается от предмета (объекта), и это обстоятельство предполагает не формальное понятие (*дефиницию*), а *концепт вещи*. «Концепт» (от лат. *conceptus*) означает «понятие», но, как и в случае со словом *maler* (художник, работник по окраске поверхностей), приобретает отдельное от логической «дефиниции» значение «схватывания» посредством синтеза мышления, интуиции, созерцания, чувств, воли, воображения и т. д., в чем-то аналогичное восприятию, перцепции (лат. *perception*). Здесь процесс схватывания (понимания) длится подобно самой жизни. *Время показывает*, что такое эта вещь.

Способ существования вещи заключается в её образе, а именно: в сознании человека, образе действия с вещью или образе в самой вещи, отличающей её от других вещей. Это ведет к труднейшей проблеме отношения образа и вещи, одним из решений которой является тема беспредметности, или общего признака образа вещи и времени.

Кроме того, по способу существования вещи могут делиться на *реальные* (например, золото) и *вымышленные* («золотая гора»).

Итак, *мерой вещи* служит *концепт*, или заключенное в ней *время-смысл*.

Третий подход связан с *изготовлением вещи*. В этом случае пространственные и временные определения вещи соединяются в одно. Необходимо отличать *вещь как изделие* и *факт*. Факт (от лат. *factum* – сделанное, свершившееся) указывает на независимое от человека положение вещей, установленное посредством наблюдения и закрепленное в языке. «Упрямость» фактов связана с их достоверностью в этом месте и в это время.

Вещь-изделие ведет к аналогии с творением, в простейшем виде – способностью к соединению формы и материи (*ens creatum*), прежде всего в *утвари*, ручной работы. По точному замечанию Мартина Хайдеггера, изделие занимает «своеобразное срединное положение между вещью и творением» [13]. Изделие включает в себе возможности природы и человека, общества и индивида. В ряд с теургией, металлургией, хирургией, галургией можно поставить *прагматургию* (работу с вещью, аналог *техники*, от греч. *technē* – искусства и умения изготовления вещей).

Вопрос о вещи как единства формы и материала имеет одним из своих решений проблему *ничто*, или беспредметного мира. В общем виде, «беспредметность» равносильна отсутствию значения или бессмысленности. В самом деле, как возможны вещи без формы и материала? Однако в вопросе о вещах смысл беспредметности устанавливается двояким допущением: 1) отрицания первичного материала (материи) и создания вещей «из ничего», например, в виде «чистого восприятия»; 2) отрицания материальной формы, определенности, предметности и создания вещей из предельного и предельным; это – прежде всего форма вообще (или идея), несущая печать вечности (вещи), а также образ пути, потока жизни или судьбы. Например, Е. А. Турчинов переводит *Дао [Путь]* (в «Дао-Дэ цзине») через *вещь* с коннотацией *существо* [14]. Здесь вещи – это воплощение некой идеи (праформы).

Решением дилеммы *предметность/беспредметность* может быть предложенное Георгом Зиммелем решение противоречия между индивидуальным (личным) и отречением (растворением в другом – теле и природе) в виде *стиля, общим*, опосредующего эти крайности: «В человеческом произведении стиль есть нечто промежуточное между неповторимостью индивидуальной души и абсолютной всеобщностью природы» [15]. Здесь вещи обладают своеобразной *выразительностью, образом или видом*, что отличает её от безликой *штуки, или штуковины* (от нем. Stück – части, куса однородного, отличной(-го) от Sache и Ding, собственно вещей).

Другое решение дилеммы *предметность/беспредметность* можно найти в высказывании М. Хайдеггера: «Вещь веществует» [16]. Это веществование, по Хайдеггеру, *собирает* [17]. Интересно, что и Хайдеггер (через древневерхненемецкое слово *thing*, и М. Фасмер (в «Этимологическом словаре») относят исконное значение слова «вещь» к «вече», или собранию людей, где вещь – то, о чем происходит совет).

Так и превосходящее образность («Черный квадрат» <прямоугольник> К. Малевича) «ничто» или идея, воплощенная в вещи, обретают свой образ в создании общего для формы и материала вещи.

Вещь служит операциональным понятием у Юлии Кристевой в работе «Черное солнце», где также прослеживается взаимосвязь вещи, объекта и непредставимости (беспредметности). Здесь Вещь имеет значение бессознательной материи, «Вещи-матери(-и)», порождающего начала, или *архаической Вещи*: «Будем называть Вещью реальное, противящееся означиванию, полюс притяжения и отталкивания, обитель сексуальности, из которой будет выделен объект желания» [18]. Уход вещи от означивания (понимания) – это «настойчивость без присутствия», равное ослепляющему высшему благу, свету представления при отсутствии представления, ясному и черному одновременно.

Ролан Барт в поиске ответа на вопрос «Когда вещь начинает что-то значить?» выделяет две коннотации, связанные с решением этого вопроса. Первую он называет *экзистенциальной*, поскольку в этом случае исходным является нечеловеческое существование вещей, ведущее к бесконечной субъективности при попытках понять вещи. Вторая – *технологическая*, где вещь есть нечто созданное, воспроизводимое во множестве копий и потребляемое, стремящееся в бесконечную социальность. Барт замечает, что «у вещи всегда есть смысл, который не покрывается ее применением» [19].

Последнее замечание Барта можно признать за решение указанной им *дилеммы вещи*: нечеловеческое существование/человеческое производство и потребление. Другими словами, смысл вещи существует *post factum*, есть приращение по отношению к сделанному. Это связано с тем, что в самом общем виде вещи, созданные человеком, делятся на два типа, исходя из материала: *телесные (res corporales)* и *бестелесные (res incorporales)* [20]. Человек в определенной мере создает «горизонт» своего существования через создание окружающей среды (*«enacted» environment, «созданная» окружающая среда*) [21], а главное – *образов сознания и бессознательно-го, прежде всего воображением*. Здесь находится главное отличие вещи от факта. Дело в том, что если факт – это уже совершенное, то преобразование (осуществление) образов в вещь является фундаментальной проблемой существования людей. Образ – это посредник между человеком и вещью, закрепляемый символом.

Артефакты несут в себе «нагрузку» технического, искусственного произведения, «добавленной реальности» по отношению к естественному миру. Отсюда следует проблема реальности

артефактов. Если вещи служат точкой отсчета реального положения дел, то от артефактов для «доказательства» их права на существование требуется действие, или *эффект* (ab effectu, «на основании действия») [22].

Здесь коренится другое важнейшее отличие факта и вещи. Факты, артефакты и вещи имеют общий признак, а именно «сделанное» по способу своего существования. Но вещи и артефакты в силу их связанности с действием несут в себе некое достоинство, в то время как факты принципиально находятся вне ценностного измерения.

В. Н. Топоров показал, что вещь имеет значения продукта «низкой» деятельности для того, что «потребно» и «полезно» (от «польга», «легко») до сакрального, священного, но главное – к чему «прилепляется» душа. Именно привязанностью к ничтожным вещам объясняется образ Плюшкина (добавим: отчасти синдром Диогена): «Это был не ключник, а сам барин, хозяин дома и поместья и, может быть, еще важнее – того “вещного” хаоса, который составлял содержание и смысл этой комнаты, ибо именно она, по замыслу автора, определяла с достаточной полнотой и надежностью ее хозяина, а хозяин в свою очередь был творцом-демиургом этого “вещного” мира» [23]. Однако здесь можно согласиться с характеристикой, которую дал Плюшкину Алексей Ремизов: «Плюшкин – венец человеческого хозяйства». Вещи несут в себе свою меру, свой огонь – это время (маятник), заканчивающийся их конечным сроком, после которого они распадаются в пыль и пепел. В итоге «ни человека, ни людей» (Ремизов А. «Огонь вещей»).

Понятие ценности определяется значимостью для человека. В связи с этим ценность вещи (и артефакта) прежде всего понимается в значении *близости* человеку. С этой точки зрения и бытовые вещи (одежда, посуда, мебель, обувь, разного рода инструменты) и «высокие», священные вещи (символы веры, памяти и т. д.) имеют то общее, что настолько близки человеку, что открывают и сохраняют в нем человеческое начало.

По верному замечанию М. Хайдеггера, «вопрос “что такое вещь?” – это вопрос “кто такое человек?”» [24].

Итак, *мера вещи* заключается в её *человекоразмерности*, или так: *мера вещей и мера человека суть одно и то же*.

Заключение

Замечание Жана Бодрийера о том, что «бытовые вещи (о машинах здесь речи нет) стремительно размножаются, потребностей становится все больше, процесс производства заставляет вещи рождаться и умирать все быстрее, в языке не хватает слов, чтобы их именовать» [25], есть достаточно точный диагноз современного состояния проблемы отношения вещей и человека. Умножение вещей приобрело такой масштаб, что конкретные предметы обозначаются просто – «вещь». Более того, это становится новым мотивом старой темы «восстания вещей».

В связи с этим можно привести другое верное замечание: «Мир вещей не оставляет в покое» [26].

Отсюда берут начало расстояние, интервал, дистанция, могущие доходить до пропасти в отношении человека и вещи, а также смысла и вещи.

Здесь находится источник *веще-ориентированной философии*, важнейшая перспектива которой заключается в значении вещи как собирания людей.

Примечания

1. Брентано Ф. О происхождении нравственного познания / пер. с нем. А. А. Анипко. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского ф-та СПбГУ; Алетейя, 2000; Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избр. произв. / пер. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 259–337; Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1994.

2. См., например: Лукач Г. Предисловие (1967 г.). Овеществление и сознание пролетариата // Лукач Л. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / пер. с нем. С. Н. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 83–84; 179–302.

3. Хайдеггер М. Что значит мыслить? / пер. А. С. Солодовниковой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высш. шк., 1991. С. 136.

4. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 135.

5. Например: *Вещь* в японской культуре. – М.: Вост. лит., 2003; Турчинов Е. А. Вещь и вещьность в китайской и европейской философии // Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. С. 85–95.

6. См., например: Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь: Гиле Пресс, 2015. С. 17.

7. Хайдеггер М. Исток художественного творения. Вещь и творение // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. А. В. Михайлова. М.: Изд-во «Гнозис», 1993. С. 60.
8. Ср.: «Вещи в себе и вещи являющиеся, все сущее, что вообще есть, на языке философии называется вещью» // Там же. С. 55.
9. Лосев А. Ф. Вещь и имя // Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 810 и др.
10. См.: Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательств в связи с методами научного исследования / пер. с англ. В. Н. Ивановского; предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 152.
11. Жюльен Ф. Великий образ не имеет формы, или Через живопись – к не-объекту / пер. А. В. Шестакова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 282.
12. Ср.: «Объекты являются «производными» некоторых устойчивых множеств или сетей отношений». Ло Д. Объекты и пространства / пер. В. Вахштайна // Социология вещей. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 223.
13. См.: Хайдеггер М. Вещь и творение. С. 65.
14. См.: Турчинов Е. А. Вещь и вещьность в китайской... С. 85–87.
15. Зиммель Г. Рама картины. Эстетический опыт / пер. с нем. Л. Кортуновой // Социология вещей. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 52.
16. Хайдеггер М. Вещь и творение. С. 321, 323 и др.
17. Там же. С. 321.
18. Крестева Ю. Черное солнце. Депрессия и меланхолия. М.: Когито-центр, 2010. С. 10. URL: <http://fb2.traumlibrary.net>. (дата обращения 02.12.2015).
19. Барт Р. Семантика вещи. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 417–418.
20. Можно согласиться с замечанием Никласа Лумана о «предметной схеме староевропейского представления о мире»: «Вплоть до Нового времени мир описывали с помощью предметной схемы. Предполагалось нечто, учреждающее единство элементов смысла. Можно сказать, что смысл использовался, но не понимался. В качестве описания мира схема вещей имела универсальное значение. Соответственно в роли основного различия выступало различие *res corporales/res incorporeales*, обеспечивающее обобщение схемы». Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. С. 103, 413, прим.
21. Там же. С. 187.
22. См. подробнее: Онтология артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О. Е. Столяровой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012.
23. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 58.
24. Цит. по: Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. С. 82.
25. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. С. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. С. 7.
26. Понж Ф. На стороне вещей. М.: Логос, 2000. С. 130.

Notes

1. Brentano, F. On the origin of moral cognition, Ed. with us A. A. Anipko. – SPb.: Laboratory of metaphysical studies of the philosophical faculty, Saint Petersburg University; Aletheia, 2000; Scheler, M. Formalism in ethics and material ethics of values //sheler M. FAV. prod. /translated by A. V. Denezhkina. – Moscow: Gnosis, 1994. – P. 259-337; A. Bergson Two sources of morality and religion, Transl. with FR. A. B. Hoffman. – M.: Kanon, 1994.
2. See, for example: Lukács, Preface (1967). The reification and the consciousness of the proletariat // L. Lukacs History and class consciousness. Studies in Marxist dialectics, Transl. with it. S. N. Earth. – M.: Logos- Altera, 2003, P. 83-84; 179 – 302.
3. M. Heidegger What is called thinking? /Translated by A. S. Solodovnikov //Heidegger M. Conversation on a country road. Selected articles of the late period of creativity. – M.: Higher. Sch., 1991. – P. 136.
4. Leibniz G. W., Experiments of theodicy on the goodness of God the freedom of man and the beginning of evil //Soch. 4 T. T. 4. – M.: Mysl, 1989. – P. 135.
5. For example: Thing in Japanese culture. – M.: Eastern. lit-RA, 2003; Turchynov EA. Thing and essence in Chinese and European philosophy //the Path of philosophy East and West: the knowledge of the beyond. – SPb.: «The alphabet-classics», «the Petersburg Oriental studies», 2007. – P. 85 – 95.
6. See, for example, Harman G. Четверки object: things Metaphysics after Heidegger /per. s angl. A. Morozov and O. Myshkin. – Perm: Guilé Foundation Press, 2015. – P. 17.
7. Heidegger M. Source of artistic creation. Thing and creature //Heidegger M. Works and reflections of different years /transfers A. V. Mikhailov. – M.: Publishing house «Gnosis», 1993. – P. 60.
8. Wed.: «The things in themselves and things which, of all things, ««what is, in the language of philosophy is called the thing». P. 55.
9. Losev A. F. The Thing and the name //Losev A. F., Genesis – name – space/Comp. and edited by A. A. Takho-godi Moscow: Mysl, 1993. – S. 810, etc.

10. See: Mill D. S. the System of syllogistic and inductive logic: principles of evidence in connection with the methods of scientific investigation /Translation from English. V. N. Ivanovskogo; forew. and ADJ. V. K. Finn. Ed. 5th, Rev. and extra. – M.: LENAND, 2011. – P.152.
11. Julien Francois. The great image has no form, or Through the painting – to a non-object in / Translated by A. V. Shestakov. – M: Ad Marginem Press. – P. 282.
12. Wed.: «Objects are «derived» some stable sets or networks of relations». – D. lo Objects and space, Transl. Wachstein V. //Sociology of things/ – M.: Publishing house. home «Territory of the future, 2006. – P. 223.
13. See: Heidegger, M. The Thing and creation, p. 65.
14. See: Turchynov E. A. The Thing and its materiality in China, pp. 85-87.
15. Zimmel G. A picture Frame. Aesthetic experience /Transl. with it. The subject to Kortunova L. // Sociology of things. – M.: Publishing House. house territory of the future, 2006. – P. 52.
16. Heidegger M. The Thing //C. 321, 323, etc.
17. Ibid., p. 321.
18. Kristeva Yu Black sun. Depression and melancholia. – M.: Kogito-CENTR, 2010. – S. 10. URL: <http://fb2.traumlibrary.net>. (accessed 02.12.2015).
19. Barth R. Semantics things. The System Of Fashion. Articles about semiotics of culture /Per. with FR. S. N. Zenkin. – M.: Publishing house of them. Sabashnikova, 2004. – P. 417 – 418.
20. We agree with the observation by Niklas Luhmann about «subject to the scheme of old European view of the world»: «until the early modern period the world was described by using the subject scheme, it was Assumed something establishing the unity of the elements of sense. We can say that the meaning was used, but not understood. As the description of the world the scheme of things have a universal value. Accordingly the main differences was the difference in res corporales/incorporales res, providing a generalization of the scheme”. – Luhmann N. Of the social system. Essay of General theory, Transl. I. D. Gaziev. – SPb.: Science, 2007. – P. 103, 413 approx.
21. Ibid., p. 187.
22. See, read more: the Ontology of artifacts: an interrelation between «natural» and «artificial» components of the life-world /under the editorship of O. E. Stolyarova. – M.: Publishing house «Delo» Rankhigs, 2012.
23. Toporov V. N. Thing from an anthropocentric perspective (the hoarder's apology) // Toporov V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image: studies in the mythopoetic field: favorites. – M.: «Progress» – «Culture», 1995. – P. 58.
24. Op. by: Toporov V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image: studies in the mythopoetic field: favorites. – M.: «Progress» – «Culture», 1995. – P. 82.
25. Baudrillard J. The system of things /Translated by S. Zenkin. – M.: Rudomino, 1999. – P. 7.
26. Pong F. Side of things. – M.: Logos, 2000. – P. 130.

УДК 130.2

Л. А. Ермолина

Человек в пространстве и времени как в культурно-смысловом поле

В данной статье использованы современные научные изыскания по теме пространства и времени, проанализировано бытие человека в пространственно-временных координатах, существование человека в природных и социальных ритмах, рассмотрены социальное время и пространство, определено понятие «ритм». Автор рассмотрел наличие социальной составляющей как способ понимания феноменов пространства и времени. В тексте статьи помимо более обширного временного социального пространства автор выделяет социальное пространство человека и делает различия между ними. Также автор создал два вектора в социальном пространстве, а именно развертывание пространства в ширину и в глубину. Важная роль отведена культуре как фактору восприятия человеком этих феноменов. Культура помогает человеку осмыслить пространство и время в историческом контексте, а также создает культурно-смысловое поле, необходимое для самоопределения и бытия человека. Мифологическое сознание представлено как более глубокое понимание места человека в пространстве и времени, в отличие от современного представления о них. В статье сделан акцент на то, что у людей в прошлые исторические эпохи было единое понимание о мире, которое охватывало все слои жизни и наполняло бытие человека. При этом в статье рассмотрены различные символы древних славян, которые являются яркими представителями системы понимания о мире.

This article used modern scientific research on the topic of space and time, analyzed the existence of man in the space-time coordinates of human existence in the natural and social rhythms, considered a social time and space, defined the concept of rhythm. The author has considered the existence of a social component as a way of understanding the phenomena of space and time. The text of the article in addition to the more extensive temporary social space the author identifies the social space of the person and makes the difference between them. Also author created two vectors in the social space, namely, the deployment of the space width and depth. An important role is

played by culture as a factor of human perception of these phenomena. Culture helps a person to understand the space and time in a historical context, and creates cultural and semantic field necessary for self-determination and human existence. Mythological consciousness is presented as a deeper understanding of man's place in space and time, as opposed to the modern ideas about them. The article focuses on the fact that people in previous historical epochs was a common understanding of the world, which covered all sectors of life and filled man's existence. In the article various symbols of the ancient Slavs who are outstanding representatives of understanding about the world.

Ключевые слова: пространство, время, человек, бытие, культура, понимание мира, ритм.

Keywords: space, time, people, being, culture and understanding of the world, the rhythm.

Человек живет, находится во времени и пространстве, общность людей также функционирует в пространственно-временном поле. Являясь живым существом обладая телесной оболочкой и сознанием, человек погружен в реальность материального мира. Вся его деятельность протекает в пространстве и во времени, которые выступают в качестве неизменных атрибутов бытия любого явления.

Все общество, развиваясь в пространственно-временных координатах, не может не оказать глубокого влияния на восприятие данных существенных характеристик бытийности мира. Время становится социальным, т. е. «коллективным перцептуальным временем, универсалией культуры, содержание которой лежит в основе концептуального времени, конституирующегося в феномене истории как осознанной процессуальности социальной жизни» [1]. Оно тесно увязывается с развитием общества, его историей, культурой, мировоззренческими установками социума.

Понятие социального времени имеет отличительные признаки по сравнению с понятием просто времени. Человеческое общество воспринимает время как нечто имеющее однонаправленность, в связи с чем все события социальной жизни как бы нанизаны на стрелу времени, ведущую из прошлого через настоящее на будущее. Отрезки времени бытия общества получают свое наименование в определенных терминах. В связи с этим в нем выделяются эры, эпохи, периоды, т. е. те временные рамки, которые позволяют проследить определенную ритмичность и цикличность социального времени.

Социальное время, будучи тесно связанным с развитием общества, приобретает определенную конфигурацию. «Прежде всего ритм понимается как более или менее равномерное чередование, – как некоторое повторение в процессе, а отсюда вытекает и соразмерность временных величин» [2].

Ритм – это то, что лежит в основе всего живого. «Ритм – это то, посредством чего одно уникальное сущее только и способно вступить в соприкосновение с другим уникальным сущим и в чем оба способны максимально сохранять свой собственный стиль, не редуцируясь целиком к «иному» [3].

Ритмы социального времени имеют свойство накладываться друг на друга. Эпоха может занимать протяженность в тысячелетия или в несколько столетий, представляя таким образом мегаритм социальной временной составляющей, внутри этого промежутка времени отчетливо проявляются более короткие интервалы, которые можно назвать периодами. Это явление характерно для социального времени в отличие от времени физического, по Аристотелю, единственного и абсолютного.

Одновременно с ритмичностью социального времени другой его важнейшей стороной является цикличность. Уже в античной философии господствующее положение занимала идея о цикличности всех событий в жизни не только природы, но и общества.

Тесно связано со временем осознание человеком пространства. Пространство каждым человеком понимается многосложно: это и территория, ареал, это и пространство другого мира, социальное пространство отдельного человека, и социальное пространство во времени. Можно ввести понятие временного социального пространства – представление о пространстве, связанное с социумом в каком-либо историческом временном интервале. Так, например, понятие монголо-татарского ига сразу дает представление о захвате одной социальной общностью определенной территории в течение нескольких веков.

Помимо более обширного временного социального пространства существует просто социальное пространство человека, оно выражает три основных уровня бытия общества: территориальное – размещение на территории города, области и т. д. основных компонентов инфраструктуры: жилого сектора, производства, дорог, мест отдыха и т. д.; производственное – собственное пространство труда, общественной деятельности, пространство связей и коммуникаций; пространство духовной культуры, в котором циркулируют смыслы, символы сюжеты, выраженные в знаковой форме и т. д.

Можно также выделить в этом пространстве свои центр и периферию. Центр выступает как концентрация (на определенной территории) власти, ресурсов, информации, капиталов, инноваций и т. д. Периферия как бы заказывает процессы, идущие из центра, усваивает их и тем самым повышает общий уровень функционирования бытия социума как проявления его развития.

В социальном пространстве ключевым является воспроизводственная деятельность людей. Социальное пространство «представляет движение человеческого бытия в виде определенной координации людей, их действий и предметных условий, средств и результатов их же жизненного процесса, в формах их непосредственно совместимых взаимодействий» [4].

Осознание человеком себя в пространственно-временных рамках обусловлено не просто его субъективным пониманием и домыслами, а ценностными культурными представлениями его народа, страны, эпохи и т. д. Многие из того, что мы не можем рационально осмыслить, представлено в мифологической форме. Мифологическое сознание – это более глубокое понимание места человека в пространстве-времени, в отличие от современного понимания, сведенного к восприятию времени суток, минут, часа, событийного ряда какой-нибудь отдельной личности.

Феномен культуры – важнейший объект исследования, подразумевающий проблемы целостности общества, механизма функционирования социальных отношений, взаимоотношений общества и природы.

Наши предки воспринимали свою жизнь в рамках природных и социальных циклов. Обращение к дохристианским языческим верованиям позволяет вскрыть глубинные пласты культуры, равно как и выявить мировоззренческие основы представлений древних славян, являющиеся одной из базисных составляющих духовной культуры восточнославянских этносов.

С древнейших времен человек, чувствуя себя бессильным перед природой и ее стихиями; пытаясь понять их суть, раскрыть механизм влияния на него природы, обезопасить себя от неуправляемой стихии, составлял целый комплекс взаимодействия с этими силами, создавая охранительную символику в концепции определенного образа мироздания. Единое понимание о мире пронизывало все слои жизни, бытия человека, его ощущения в пространстве-времени. Ряд символов повторялся в древней резьбе по дереву, в архитектуре, предметах домашнего обихода, образцах плетения и вязания, различных оберегах, обрядовых и культовых приспособлениях, изображениях божеств.

Язычество – термин, которым обозначаются самые разнородные и разного исторического уровня религиозные проявления: и мифологизированная религия античного мира, и представления первобытных племен, и дохристианские верования славян, финнов, германцев, кельтов или домусульманская религия татар. Однако во всеобщности, всеохватности термина «язычество», одностороннего по происхождению и многогранного по существу, есть одно несомненное достоинство: общий термин пригоден для всех ранних религиозных воззрений вплоть до появления выросших из язычества мировых религий.

Учет хронологических ориентиров позволил выяснить принципиально важное обстоятельство: эволюция религиозных представлений происходила не путем полной их смены, а путем напластования нового на сохраняющееся старое, при постоянном разворачивании культурных кодов в различные периоды пространства-времени.

Так, мир славян-язычников включал четыре части бытия: земли, двух небес и подземно-водной зоны. У многих народов земля изображалась как округлая плоскость, окруженная водой. Вода конкретизировалась или как море, или же в виде двух рек, омывающих землю, отражающих тот факт, что, где бы человек ни был, он всегда находился между каких-либо двух рек или речек, ограничивающих его ближайшее сухопутное пространство.

Наиболее древними обережными символами были узоры, связанные с тремя стихиями, которым поклонялись славяне: символы земли, воды, огня. Символы земли – засеянное поле (ромб, разделенный на четыре части с точками внутри каждой), знак плодородия (свастика). Символ воды – хляби небесные (волнистые линии). Символ огня – крест (огонь земной), громовый знак (шести- или восьмилучевая звезда). Кроме этих основных знаков языческая символика включает изображение солнца, радуги, фигур богини на вершине строения, подковы и др. А также крест.

Крест – символ солнца и огня, уходящий в неолитическую первобытность. Славяне-язычники широко практиковали их своих языческих святилищах. Слово «окрест» означает «округу», пространство вокруг нас. То есть крестом обозначали и свое местоположение на карте, и окружающее пространство, здесь виден четкий пример параллели между единичным и частным в представлении человека. Человек как бы выделял себя, используя взаимоотношение Я и Мир, но также и «создавал» собственное «Я», покрывая свою одежду, утварь, все, с чем он был связан космическими символами, подтверждая, что только поддержка природных стихий, божеств может обеспечить ему

благоприятную жизнь в этом мире. Используя символические изображения в орнаментах, знаках, человек отождествлял себя с миром, наполненным различными энергиями и духами (например, известные у многих народов танцы в трансовом состоянии в костюмах божеств).

Трехчастное разделение системы мироустройства на нижний, средний и верховный миры прослеживается в культуре очень многих народов. Правда, у коренных народов Горной Шории в России представление о верхнем светлом мире, или Рае, несколько отличается от известного изображения Мирового древа, где корни – это преисподняя, ствол – это наш мир и крона – это светлый мир богов. У шорцев существует понимание Рая как миров, которые спрятаны в горах. При этом существуют специальные врата в эти миры, где торжествуют гармония и добро, они идентичны нашему объективному миру, но время там течет по-другому. В этот мир можно войти, но выйдя из него, можно обнаружить, что в нашем мире прошла не одна сотня лет. Это подтверждает представления древних о наличии разных пространственно-временных континуумов.

Культура – источник формирования смыслов, благодаря чему люди способны отделяться от непосредственных условий своего существования и порождать идеальные модели, программы, символические формы, через которые они могут воздействовать на реальность как субъекты. В этом отношении культура всегда «шире», чем совокупность пространства производства и общения, поскольку она выступает как метасистема (метапространство), позволяющая осмысливать и оценивать социально-производственные процессы и отношения.

В современном глобальном мире нет такой фундаментальной опоры на традиционные культуры. Согласно Маршаллу Маклюэну, множественность каналов ведет к множественности сообщений, и даже если изначально сообщение одно, оно распространяется по разным каналам. Это сообщение модифицируется во множество различных сообщений, при этом значительность первого сообщения, глобальность и универсальность информационного посыла становится менее значимой, а значит, и фундаментальное понимание мироустройства ставится под сомнение, возникает множество гипотез и домыслов. При этом возможность коммуникации на основе формирования неких общих принципов и норм – общих культурных кодов – затрудняется, а значит, нарушается и формирование единых смыслов о пространстве и времени и месте в них человека.

Примечания

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Мысль, 1989. С. 71.
2. Акимова Л. А. Социология досуга. М.: Лабиринт, 2003. С. 144.
3. Там же.
4. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. С. 65.

Notes

1. Ageev V. S. *Mezhgruppovoe vzaimodejstvie: social'no-psihologicheskie problemy* [Intergroup interaction: socially-psychological problems]. M. Mysl. 1989. P. 71.
2. Akimova L. A. *Sociologiya dosuga* [Sociology of leisure.] M. Labyrinth. 2003. P. 144.
3. Ibid.
4. Ageev V. S. *Mezhgruppovoe vzaimodejstvie: social'no-psihologicheskie problemy* [Intergroup interaction: socially-psychological problems]. P. 65.

УДК 101.1: 316

А. Н. Халтурин

Этнические потребности: социально-философский дискурс

В представленной статье рассматриваются проблемы этнокультурного взаимодействия как механизма интеграции потребностей народов и общества в целом. В связи с этим возникает необходимость философского осмысления категории «потребность». В работе представлен краткий анализ различных подходов в интерпретации понятия, приводятся наиболее аргументированные классификации потребностей. Одним из классификационных видов признаются этнические потребности, которые выступают в двух ипостасях – индивидуальные этнические и общественные этнические потребности. Фундаментальной этнической потребностью человека считается потребность в этничности, в этнической самоидентификации. Базовой общественной потребностью выступает потребность национальной общности в воспроизводстве своего этнического бытия и этнического сознания. Потребности коренных народов и этнических диаспор несут различный этнокультурный потенциал, однако вместе они составляют субстанциальную основу потребностей российского народа.

The presented article considers the problems of ethnic and cultural cooperation as a mechanism to integrate the needs of people and society as a whole. In this regard, there is a need of philosophical understanding of the category of «need». This paper presents a brief analysis of various approaches to the interpretation of the concept, are the most reasoned classification of the needs. One of the classification of species recognized ethnic needs, which act in two ways – individual ethnic and social ethnic needs. The fundamental human need is considered an ethnic need for ethnicity, for ethnic identity. The basic social need advocates the need for national unity for the reproduction of their ethnic existence and ethnic consciousness. The needs of indigenous peoples and ethnic communities have the different ethno-cultural potential, but together they form the substantial basis of needs of the Russian people.

Ключевые слова: этнокультурное взаимодействие, этнические потребности, этнические интересы, национальные общественные объединения, этническое представительство.

Keywords: ethno-cultural interaction, ethnic needs, ethnic interests, national associations, ethnic representation.

Этнокультурное взаимодействие выступает сегодня одним из важнейших механизмов, связующих этнические потребности и интересы народов российского общества. В целом этнокультурное взаимодействие можно определить в качестве деятельности социальной общности в различных сферах общественной жизни, направляемой потребностями сообщества. В связи с этим есть смысл рассмотреть имеющиеся в литературе социально-философские интерпретации категории общественных потребностей.

О системе общественных потребностей упоминал уже в поэме «О природе вещей» Тит Лукреций Кар, один из талантливых учеников Эпикура. Приведем отрывок из этого произведения.

«Судостроение, полей обработка, дороги и стены, платье, оружие, права, а также и все остальные жизни удобства и все, что способно доставить усладу: живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй – все это людям *нужда* указала, и разум пытливый этому их научил в движеньи вперед постепенном. Так изобретенья все понемногу наружу выводит время, а разум людской доводит до полного блеска. Видели ведь, что одна за другой развиваются мысли, и мастерство, наконец, их доводит до высших пределов» [1].

Как это ни парадоксально, но слово «нужда» используется здесь в прямом значении термина «потребности» исходя из современного его представления. В одном из советских словарей потребность объясняется как «нужда или недостаток в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом; внутренний побудитель активности» [2].

Таким образом, нужда как потребность в мировоззрении Лукреция, а значит, и представителей эпикуреизма является одним из объективных побудительных начал общественной деятельности человека.

С начала 1970-х гг. потребности в качестве объекта социально-философского анализа рассматривали В. Г. Афанасьев, Г. Е. Глезерман, М. В. Демин, В. Ж. Келле, М. С. Коган, А. В. Маргулис и др. Существенный вклад в исследование проблемы формирования потребностей личности внесли В. П. Мотяшов, А. Г. Здравомыслов, Т. А. Марченко, Н. М. Кейзеров и др.

Современная философская энциклопедия трактует потребность как «состояние организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом, выражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности...» [3].

Т. А. Марченко трактует потребность как «противоречие между социальным субъектом (человеком, социальной группой, классом, обществом в целом) и объективными условиями его жизнедеятельности, которое разрешается и воспроизводится в процессе осознаваемого деятельностного субъективно-объективного взаимодействия» [4].

Часть исследователей выделяют экономическую природу потребностей. В политэкономическом смысле общественными следует признать те потребности социума, которые могут быть удовлетворены в процессе общественного воспроизводства и являются результатом этого процесса. Процесс общественного воспроизводства в данном контексте понимается расширительно, т. е. его результатом выступает и сам человек [5].

В социальной психологии потребность понимается как внутреннее состояние, испытываемое социальной группой, общностью и выражающее их зависимость от объективных условий существования и развития. Ее суть рассматривается как источник активности деятельности социальных субъектов (социальных групп, классов, общностей) [6].

В рамках позитивной теории мотивации психолог А. Маслоу разработал иерархическую структуру потребностей, известную как «пирамида потребностей» [7]. В классификации потребностей А. Маслоу выделяет две группы. Первую группу составляют «базовые потребности»: 1) биологические (физиологические) потребности; 2) потребности в безопасности; 3) потребность в уважении; 3) потребность в самоактуализации. Вторая группа представляет «базовые когнитивные потребности»: 1) желания знать и понимать; 2) эстетические потребности.

Синергетический подход позволил определить потребности как самоорганизующуюся систему, возникающую в процессе теоретической и практической деятельности, отражающую естественные, социально-экономические, духовно-нравственные и другие нужды человека. Среди общественных потребностей выделяют социально-экономические и духовно-нравственные. Социально-экономические потребности определяются как ведущие общественные потребности личности и общества, поскольку от уровня их реализации зависит удовлетворение всех иных потребностей. Иными словами, социально-экономические потребности косвенно формируют духовно-нравственные потребности. Духовно-нравственные потребности формируются на основе материального производства, однако обладают при этом относительной самостоятельностью. Реализация потребностей представляет собой процесс, ограниченный возможностями экономической системы [8].

Выделим в системе потребностей этнические потребности, которые рассмотрим в двух плоскостях: этнические индивидуальные потребности (человека) и этнические общественные потребности (общности, социальной группы).

Этнические индивидуальные потребности человека составляют классификационную группу потребностей в экологической концепции Н. Ф. Реймерса. Классификацию потребностей человека составляют: а) биологические; б) этолого-поведенческие (психологические); в) этнические; г) социальные (и социально-психологические); д) трудовые; е) экономические.

Исходя из представлений о человеке и человечестве как системном образовании, Н. Ф. Реймерс полагает, что «биологическому» человеку свойственны биологические и этолого-поведенческие потребности, «природно-трудовому» человеку – трудовые и этнические, а «социальному» человеку – экономические и социальные потребности.

Группу этнических потребностей человека (с позиции экологии) образуют: 1) этническая самостоятельность, т. е. осознанность объективного существования своего этноса; 2) принадлежность к этнически самостоятельной группе; 3) определенная численность этноса, дающая уверенность в устойчивости его существования; 4) пейзаж «родной природы», адекватный истории формирования и развития этноса; 5) архитектура, культурные ландшафты, организация населенных мест и т. д., в целом «экология культуры» [9].

Таким образом, важнейшей этнической потребностью человека становится потребность в этнической самоидентификации, потребность в определении своей этничности на основании различных маркеров и символов этнических границ.

Общественные этнические потребности, в отличие от индивидуальных потребностей, связаны напрямую с жизненными повседневными проблемами существования этнической группы, национальной общности в терминах социальной философии. Общественные потребности направлены, прежде всего, на решение проблемы жизнеобеспечения, поддержание и развитие традиционной этнической культуры, сохранение родного языка. Особое значение в определении этнических потребностей имеет культура. Из всех компонентов культуры наиболее отчетливо выраженными этноспецифичными коммуникативными функциями обладает язык. В то же время язык выполняет сигнификативную функцию, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенной этнической группе. Систему этнических потребностей составляют также потребность в сохранении и, по возможности, в приращении ареала обитания [10].

Система общественных этнических потребностей есть открытая система, она формируется, развивается, накапливает и разрешает противоречия внутри себя, эволюционирует. Развитие национальной общности можно рассматривать как реализацию системы общественных этнических потребностей.

Таким образом, общественные этнические потребности связаны в конечном итоге с социальным производством (воспроизводством) и функционированием самой этнической общности. Фундаментальный характер этнических потребностей заставляет народы и иные этнические образования осуществлять свою деятельность во всех сферах общественной системы, поэтому целесообразно выделять этнические потребности в политической, производственно-экономической, социальной и духовной сферах жизнедеятельности общества.

Удовлетворение этнических потребностей становится неременным условием сохранения и развития материальной и духовной культуры этносов или этнических групп.

Теоретико-методологические исследования этнических потребностей имеют вполне конкретное практическое назначение. Напомним, что осознанные обществом, социальной группой, национальной общностью, индивидами потребности выступают в качестве их интересов. Возникает закономерный вопрос, какие субъекты гражданского общества правомочны представлять общественные этнические потребности?

Советская национально-территориальная система автономных округов и автономных республик использовала институт этнического представительства прежде всего в политической сфере. Образование национальных округов, например, стало фактором национального строительства, так как кадровый аппарат органов власти и управления, юстиции и школы включил представителей местных национальностей. Государственный аппарат всех национальных округов в значительной мере состоял из представителей местных народностей, осуществлял деятельность на их родном языке и с учетом их специфических особенностей, тем самым был достигнут значительный успех в деле коренизации государственного аппарата. Представительство округов в Совете национальностей Верховного Совета СССР позволяло малым народностям Севера выражать свои специфические нужды и запросы в высшем органе власти многонационального государства [11].

Практика образования национально-территориальных автономий аборигенных народов расширяется в настоящее время на зарубежном Севере.

Исследование механизмов этнокультурного взаимодействия на Европейском Севере России показало, что выразителем этнических интересов в их наиболее системном изложении становятся субъекты гражданского общества, и, в первую очередь, национальные общественные объединения и организации.

Вместе с тем следует заметить, что этнические потребности диаспоры, находящейся в ситуации этнического меньшинства, существенно образом отличаются от системы потребностей коренных народов. Аналогичным образом деятельность национально-культурной автономии, выражающей интересы сравнительно небольшой этнической группы, оторванной от материнского этноса, отличается от уставных целей и задач общественного движения, представляющего интересы всего автохтонного народа или значительной его части в отдельно взятом регионе. В первом случае деятельность автономий в основном ограничивается духовной сферой, во втором – уставная деятельность связана с удовлетворением потребностей во всех сферах общественной системы.

Несмотря на достаточно разнообразный арсенал способов представления интересов коренных народов, наиболее системный характер имеют решения высших органов общественных организаций – съездов народов, конференции и т. д. Во многих регионах органы государственной власти принимают специальные нормативно-правовые акты в целях выполнения решений, принятых на главных форумах общественных движений. Наделение национальных движений и организаций широким кругом полномочий, включая право законодательной инициативы, позволяет сопоставить их работу с деятельностью этнических парламентов в скандинавских правовых системах. В отличие от саамских форумов, решения съездов коренных народов содержат системное изложение наиболее актуальных этнических интересов во всех подсистемах общества – материально-производственной, политической, социальной, духовной, туристической, информационной. Российская правовая система позволяет народам осуществлять более тесное взаимодействие со структурами государственной власти по удовлетворению этнических потребностей и интересов.

Таким образом, этнокультурное взаимодействие есть своеобразный механизм реализации общественных потребностей, воплощенных в форме этнических интересов. В свою очередь, потребности одновременно являются и предпосылкой, и результатом воспроизводства национальной общности. При этом следует констатировать, что в системе потребностей целесообразно выделять потребности коренных народов и этнических общностей диаспорального типа. Они не противостоят друг другу, а взаимодополняют друг друга, поскольку нет предмета для разногласий. Содружество народов становится, в свою очередь, фундаментальной общественной потребностью складывающейся этнической общности – российский народ.

Примечания

1. Тит Лукреций Кар. О природе вещей: поэма / пер. с лат. Ф. Петровского; вступ. ст. и коммент. Т. Васильевой. М.: Мир книги; Литература, 2006. С. 250.
2. Ядов В. А. Потребности // Большая Советская Энциклопедия. Т. 20. М.: Сов. энцикл., 1975. С. 439.
3. Юдин Э. Г. Потребность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.

4. Марченко Т. А. Потребность как социальное явление: монография. М.: Высш. шк., 1990. С. 18.
5. Фадеечева Г. В. Система общественных потребностей и ее макрорегулирование в условиях глобализации. М.: Экон. фак. МГУ, ТЕИС, 2004. 167 с. URL: <http://vsevolodovna.narod.ru/ru/mn/index.html> (дата обращения: 10.08.2015).
6. Уледов А. К. Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 85–97.
7. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. С. 63. (Сер. «Мастера психологии»)
8. Сильвестрова Т. Я. Генезис и сущность общественных потребностей: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Спец.: 09.00.11 – социальная философия. Чебоксары, 2006. С. 9–10.
9. Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия молодая», 1994. С. 312.
10. Соблиров Х. Х. Этнические потребности и национальные интересы в российском социокультурном пространстве: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2004.
11. Радвогин А. В. Национальный округ – субъект советской автономии. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1129939> (дата обращения: 20.08.2015).

Notes

1. Titus Lucretius Carus *O prirode veshchej: poehma* [On the nature of things: a poem] / translated from the Latin. F. Petrovsky; Preface and comments T. Vasileva. M. Mir knigi; Literatura. 2006. P. 250.
2. Yadov V. A. *Potrebnosti* [Needs] // *Bol'shaya Sovetskaya EHnciklopediya* – The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 20. M. Sov. Encyclopaedia. 1975. P. 439.
3. Yudin E. G. *Potrebnost'* [Need] // *Novaya filosofskaya ehnciklopediya* – New philosophical encyclopedia: in 4 volumes / Institute of philosophy, RAS; Nat. General science fund; repres. of scientific-ed. board V. S. Stepin. 2nd publ., rev. and add. M. Mysl. 2010.
4. Marchenko T. A. *Potrebnost' kak social'noe yavlenie: monografiya* [Need as a social phenomenon: monograph]. M. Vyssh. sch. 1990. P. 18.
5. Fadeicheva G. V. *Sistema obshchestvennyh potrebnostej i ee makroregulirovanie v usloviyah globalizacii* [System of public needs and macroregulatory in the context of globalization]. M: Econ. Fac. Moscow State University. TEIS. 2004. 167 p. Available at: <http://vsevolodovna.narod.ru/ru/mn/index.html> (reference date: 10.08.2015).
6. Uledov A. K. *Obshchestvennaya psihologiya i ideologiya* [Social psychology and ideology]. M. 1985. Pp. 85–97.
7. Maslow A. *Motivaciya i lichnost'* [Motivation and personality] / transl. from English. 3rd publ. SPb. Piter. 2008. P. 63. (Ser. "Masters of psychology")
8. Silvestrova T. J. *Genezis i sushchnost' obshchestvennyh potrebnostej: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Spec.: 09.00.11 – social'naya filosofiya* [Genesis and nature of social needs: abstract dis. ... D. Philosophy. Spec.: 09.00.11 – Social Philosophy]. Cheboksary. 2006. Pp. 9-10.
9. Reimers N. F. *EHkologiya (teorii, zakony, pravila, principy i gipotezy)* [Ecology (theory, laws, rules, principles and hypotheses)]. M. Magazine "Young Russia". 1994. P. 312.
10. Soblirov H. H. *EHtnicheskie potrebnosti i nacional'nye interesy v rossijskom sociokul'turnom prostranstve: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnic needs and national interests of the Russian socio-cultural space: abstract dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Nalchik. 2004.
11. Radvogin A. V. *Nacional'nyj okrug – sub"ekt sovetskoj avtonomii* [National district is the subject of Soviet autonomy]. Available at: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1129939> (reference date: 20.08.2015).

УДК 94(497.1)"1947/1963" + 94(73)"1947/1963" + 94(470)"1947/1963"

А. А. Костин

Югославия в американской политике сдерживания СССР в 1947–1963 гг.*

В статье анализируются место и роль Югославии в американской политике сдерживания СССР в период от провозглашения доктрины Г. Трумэна до трагической гибели Дж. Кеннеди. Автором выявлены основные этапы развития американско-югославских отношений в ракурсе конфронтации между Вашингтоном и Москвой. Определено влияние доктрины Трумэна на югославскую позицию по греческому вопросу, изучены изменения политики Соединённых Штатов в связи с советско-югославским конфликтом 1948 г. и оценка его последствий американским внешнеполитическим истеблишментом. Охарактеризованы усилия США по включению Югославии в оборонительную систему Запада, выявлены факторы, повлиявшие на процесс подготовки и на содержание Балканского пакта. Показана динамика югославского курса Соединённых Штатов в 1955–1963 гг., дана оценка новым подходам администрации Кеннеди по использованию югославской ситуации в сдерживании СССР.

The article analyzes the place and role of Yugoslavia in the American policy of containment of the USSR in the period from the declaration of the Truman Doctrine to the tragic death of J. Kennedy. The author reveals the main stages of the development of US-Yugoslav relations from the perspective of a confrontation between Washington and Moscow. Established the effect of the Truman Doctrine on the Yugoslav position in the Greek question, examined changes in United States policy in connection with the Soviet-Yugoslav conflict and evaluation of its impact on US foreign policy. Characterized US efforts to include Yugoslavia in the defensive system of the West, reveals the factors that influenced the process of preparation and the maintenance of the Balkan Pact. Described the dynamics of the Yugoslav rate of the United States in 1955–1963, assessed the new approaches of Kennedy administration to the use of the Yugoslav situation in containing the Soviet Union.

Ключевые слова: холодная война, внешняя политика США, доктрина Трумэна, политика сдерживания, американско-югославские отношения, советско-югославский конфликт, НАТО, Балканский пакт.

Keywords: Cold War, U.S. foreign policy, Truman doctrine, Containment, US-Yugoslav relations, Tito-Stalin split, NATO, Balkan pact.

Первые призывы к изменению внешней политики Соединённых Штатов – преодолению инерции рузвельтовского курса на сотрудничество с СССР и переходу к сдерживанию коммунизма – прозвучали в американском внешнеполитическом истеблишменте в 1946 г. из уст Дж. Форрестала и Дж. Ф. Кеннана [1]. Начало воплощению этого идейного посыла было положено 12 марта 1947 г., когда президент Г. Трумэн выступил в Конгрессе со специальным посланием «О политическом положении в Греции и Турции». В нём были озвучены концептуальные основы американской политики сдерживания СССР в балкано-средиземноморском регионе [2], предусматривавшей оказание экономической, финансовой и военной помощи Греции и Турции. Не последнюю роль в формировании идейной базы внешней политики Вашингтона на данном направлении сыграли отношения администрации с новым югославским режимом И. Броза Тито. Прочные позиции коммунистической партии в Югославии давали Вашингтону основания рассматривать свою политику в этой балканской стране в русле американско-советских отношений.

Место ФНРЮ в американской внешней политике во второй половине 1940-х гг. в значительной степени определялось ходом гражданской войны в Греции. За спиной греческих коммунистов стояли просоветские режимы в соседних балканских странах – Югославии, Болгарии, Албании. 9 июня 1946 г. ФНРЮ подписала с Народной Республикой Албания Договор о дружбе и

взаимопомощи. 7 августа 1947 г. был опубликован официальный протокол об итогах югославо-болгарских переговоров, результатом которых явилось уточнение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. Американские обозреватели видели в этом соглашении опасность для Греции и предполагали, что на переговорах обсуждались вопросы создания автономного македонского государства [3].

На оказание помощи Греции и Турции президент запросил у Конгресса 400 млн долларов. Он заявил, что без такой помощи невозможно противостоять иностранному вмешательству в Грецию со стороны её северных соседей. СССР в доктрине Трумэна не упоминался по причине дипломатического такта, а также потому, что доказать прямое советское вмешательство в греческие дела было невозможно. В своём выступлении Трумэн подчеркнул необходимость «помочь свободолюбивым народам обезопасить свои свободные институты и свою территориальную целостность от агрессоров, стремящихся навязать им свои тоталитарные режимы» [4]. На сессии Генеральной ассамблеи ООН, проходившей в сентябре – ноябре 1947 г., западные державы сумели провести резолюцию с осуждением ФНРЮ, Болгарии и Албании [5]. Таким образом, Югославия в политике США на юге Балкан и в Восточном Средиземноморье во второй половине 1945–1947 гг. стала занимать значимое место, отношения между ФНРЮ и США ухудшались пропорционально обострению советско-американских противоречий.

Июнь 1948 г. стал поворотным моментом в формировании советского блока и развитии американской доктрины сдерживания. Одним из факторов, оказавших влияние на эти процессы, стал конфликт между Советским Союзом и Югославией. 23 июня на 6-м заседании II совещания Информационного бюро коммунистических и рабочих партий единогласно принятой резолюцией «О положении в коммунистической партии Югославии» маршал Тито и руководство КПЮ обвинялись в отходе от марксистско-ленинских идей и переходе на позиции национализма, а существующий в стране режим исключался из коммунистического содружества [6].

Конфликт между Москвой и Белградом оказал влияние как на политику США на балкано-средиземноморском направлении, так и на всю американскую стратегию сдерживания. Он продемонстрировал возможность возникновения коммунистического национализма в Восточной Европе и вынудил Вашингтон внести значительные коррективы в американскую концепцию национальной безопасности. Отдел государственного департамента по планированию политики (ОПП) немедленно начал анализировать ситуацию, и уже 30 июня его глава Дж. Кеннан представил доклад «Отношение правительства США к событиям в Югославии», который, по словам историка У. Мискэмбла, «определил американскую политику в 1949 г.» [7] Признав возможность дальнейшей дезинтеграции советской зоны в ближайшем или отдалённом будущем, Кеннан указал на необходимость использовать югославскую ситуацию для создания прецедента «особых» взаимоотношений между западными странами и государствами социалистического блока [8]. Глава ОПП подчеркнул, что разрыв имеет большую важность: «Новый фактор фундаментального и глубокого значения введён в коммунистическое движение демонстрацией того, что Кремлю может успешно бросить вызов один из его собственных фаворитов. ...Возможность отступничества от Москвы, которая прежде была невероятна для коммунистических лидеров других стран, будет с этого времени присутствовать в той или иной форме в сознании каждого из них». Кеннан резюмировал: если Белград станет искать более тесных отношений с Западом, то Соединённые Штаты «не будут препятствовать этому... при условии, что Югославия готова занять лояльную по отношению к нам позицию и сотрудничать в международных делах» [9].

Документ, подготовленный главой Отдела планирования политики, получил поддержку заместителя госсекретаря Р. Ловетта, а затем и главы внешнеполитического ведомства Дж. Маршалла. Доклад Кеннана был передан в Совет национальной безопасности как официальное мнение Госдепартамента. Уже 6 июля его положения были утверждены директивой СНБ № 18 и стали руководством к осуществлению югославской политики Соединённых Штатов [10]. С позицией Кеннана были согласны в американском посольстве в Белграде. В донесениях в Государственный департамент 7 июля и 31 августа 1948 г. советник американского посольства в Белграде Р. Римз подчёркивал: «Наша политика должна пониматься практически полностью в пределах её влияния на СССР. Наша стратегия – поиск максимального использования растущих возможностей расширения трещины между СССР и Югославией и распространения влияния позиции Тито на советских сателлитов» [11].

Указывая, что «титоизм осуществляет разрушительную эрозию внутри сферы влияния Кремля», руководитель ОПП выступал против любых попыток вынудить Тито ослабить государственно-политический контроль в Югославии, опасаясь, что это может подорвать его власть. «Как бы мы ни относились к Тито, – объяснял Кеннан, – он теперь действует в наших интересах, эффективно атакуя советский империализм внутри коммунистической семьи. Тито, пожалуй,

наш самый ценный актив в борьбе за сдерживание и ослабление русской экспансии. Он должен иметь возможность своим самобытным вариантом коммунизма доказать, что восточноевропейская страна может выйти из-под контроля Москвы и при этом успешно развиваться» [12].

Американская политика в Югославии должна была балансировать между оказанием Тито достаточной помощи, чтобы предотвратить крах его режима, и продолжением применения давления, чтобы вынудить его прекратить помощь греческим партизанам. 14 февраля Государственный департамент обсудил и поддержал эти рекомендации [13]. Во второй половине 1949 г. они принесли успех. 28 сентября 1949 г. Москва направила Белграду ноту, заявлявшую, что «Советский Союз отныне считает себя свободным от обязательств», вытекающих из договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией, заключённого 11 апреля 1945 г. 29 ноября 1949 г. была опубликована новая резолюция Информбюро «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» [14]. Ситуация была накалена до предела, и на Западе не исключали военной акции Кремля против ФНРЮ. Югославское министерство иностранных дел начало публично выступать против СССР, а граница между Югославией и Грецией была закрыта, что явилось серьёзным ударом по позициям греческих коммунистов [15]. По мнению Дж. Иатридиса, хотя поражение прокоммунистических сил в Греции стало результатом комбинации внутренних и внешних факторов, раскол между ВКП(б) и КПЮ и прекращение помощи со стороны Югославии также нанесли весьма значительный урон коммунистам в Греции [16].

Кеннан, рассматривавший политику Соединённых Штатов в отношении ФНРЮ в рамках стратегии сдерживания, несколько преувеличил перспективы советско-югославского раскола. Предположение, что трещины в коммунистическом мире могут усилиться «до точки, когда будут два оппозиционных друг другу блока – сталинская группа и инакомыслящая фракция, либо свободных союзников, либо объединённых под лидерством Тито», выглядело слишком оптимистично. Этот тезис был квинтэссенцией сути документа «Политика Соединённых Штатов в отношении советских сателлитов в Восточной Европе», представленного Отделом Кеннана на рассмотрение Совета национальной безопасности и утверждённого 13 декабря 1949 г. президентом Трумэнном [17]. Как показали дальнейшие события, надежды на расширение раскола были преждевременны. Более взвешенное суждение о последствиях конфликта в Коминформбюро было представлено ЦРУ. В меморандуме «Отношения стран-сателлитов с СССР и Западом», подготовленном 7 ноября 1949 г., разведывательное ведомство сообщало Совету национальной безопасности, что условия, позволившие Тито ослушаться Сталина, больше нигде в Европе не сложились [18]. Аналитики ЦРУ проявили глубокое понимание специфики режима Тито, который не был простым ставленником Кремля и тем отличался от новых лидеров других стран Восточной Европы. Он и его окружение заслужили большой авторитет у населения страны в ходе длительной и самоотверженной борьбы с оккупантами в годы войны. Несмотря на игнорирование этого обстоятельства, предложенная Кеннаном тактика позволила сохранить Югославию вне сферы советского контроля и использовать её положение в интересах США.

В 1950 г. на политику сдерживания оказали влияние два важных фактора. Первым стала директива Совета национальной безопасности № 68 «Цели и программы национальной безопасности Соединённых Штатов» от 14 апреля. Документ гласил, что «слабым местом политики Кремля являются его отношения с государствами-сателлитами и их населением. Национализм по-прежнему остаётся самой мощной эмоционально-политической силой. ...При первой же возможности получить независимость, как это было в случае Тито, государство-сателлит попытается отделиться от Кремля» [19]. Члены СНБ вслед за Кеннаном также преувеличили возможности югославского прецедента для дезинтеграции советского блока. Вторым фактором стал начавшийся 25 июня 1950 г. корейский конфликт. Он подтолкнул членов СНБ принять в августе 1950 г. решение «оказать Югославии чрезвычайную военную помощь согласно Программе взаимной помощи обороне [20]» [21]. 29 ноября Трумэн официально обратился к Конгрессу для получения санкции на оказание Югославии дополнительной помощи в размере 38 млн долл. [22] Так как ФНРЮ не являлась членом НАТО, требовалось, чтобы Конгресс внёс поправки в Закон о взаимной помощи обороне. Обе палаты поддержали проект Чрезвычайного закона о помощи Югославии, и 29 декабря 1950 г. он был подписан президентом [23].

Начало военной поддержки Белграда Вашингтоном было положено под прикрытием гуманитарной помощи – продовольственные поставки югославской армии в условиях грозившего стране голода. В течение следующего года США расширили каналы военной помощи Югославии. 16 апреля 1951 г. Трумэн объявил о своём решении в рамках Закона о взаимной помощи обороне предоставить Югославии 29 млн долл. для поддержки её вооружённых сил [24]. Первый в истории НАТО главнокомандующий силами альянса генерал Д. Эйзенхауэр записал тогда в своём дневнике, что проблема европейской безопасности может быть решена созданием «Соединённых

Штатов Европы». Наряду со странами-участниками Североатлантического договора, Западной Германией, Испанией среди вероятных членов нового политического объединения Эйзенхауэр видел и Югославию [25]. В августе 1951 г. он подчеркнул большое значение Югославии для обеспечения безопасности южного фланга НАТО [26]. Важным шагом в укреплении американо-югославского сотрудничества стало подписание 14 ноября 1951 г. Соглашения о военной помощи между США и Югославией [27]. На ФНРЮ было распространено действие Закона о взаимной безопасности от 10 октября 1951 г. [28] Это санкционировало использование почти 7,5 млрд долл. на оказание военной, экономической и технической помощи американским союзникам, в первую очередь в Западной Европе [29].

Серьёзным препятствием на пути расширения американской помощи Белграду и эффективной интеграции Югославии в западную систему безопасности стало обострение антикоммунистических настроений в США. В условиях холодной войны уже сама идея поддержки коммунистической страны для борьбы с коммунизмом выглядела довольно абсурдной. Большинство сотрудников американской дипломатической службы говорили о трудностях оказания помощи Тито в тот период. Американский посол в ФНРЮ в 1953–1957 гг. Дж. Риддлбергер вспоминал: «Убедить американский Конгресс выделить деньги для коммунистического диктатора... это довольно неприятное занятие» [30]. Говоря об оказании помощи Белграду, помощник и затем заместитель директора Отдела торговой политики Госдепартамента в 1951–1954 гг. У. Армстронг подчеркнул: «В атмосфере маккартизма это было не так-то просто» [31].

Военные поставки расчищали дорогу для стратегического сотрудничества Вашингтона и Белграда в сфере совместной обороны против потенциальной советской угрозы. О вступлении ФНРЮ в НАТО, как это сделали 18 февраля 1952 г. Греция и Турция, речь идти не могла. Во-первых, югославы, стремясь получить защиту со стороны Запада, в то же время не желали дать лишний повод для обвинений со стороны мирового коммунистического движения в предательстве идей марксизма. Во-вторых, американцы понимали, что вступление коммунистической страны в НАТО выглядело бы по меньшей мере странно. Тем не менее независимость Югославии от Москвы с военно-стратегической точки зрения давала Соединённым Штатам неоспоримое преимущество перед Советским Союзом, отвечая целям его сдерживания в балкано-средиземноморском районе. Военное сотрудничество Белграда и Вашингтона было инструментом давления на Кремль, создавая угрозу безопасности советского блока в юго-восточной Европе [32]. В меморандуме «Возможности войны с Советским Союзом, 1951–1952: использование атомного оружия» от 23 мая 1951 г. член Отдела планирования политики К. Саваж указывал: «Югославия, Греция, Турция. Эти три государства имеют для нас большое значение в борьбе против советского империализма. Они представляют собой грозный бастион против агрессии в районе восточного Средиземноморья. Их совместные военные силы сейчас больше, чем всех европейских членов Североатлантического союза» [33].

Давая оценку возможному развитию ситуации в мире на два года вперёд, аналитики ЦРУ 24 сентября 1951 г. говорили о будущем присоединении «Греции, Турции, Испании, Югославии и Западной Германии» к НАТО, которое «должно быть завершено в предстоящий период» и станет «главным приращением в силе НАТО». При этом автор прогноза сетовал, что «многочисленные политические и психологические препятствия» мешают вкладу последних трёх стран в западно-европейскую оборону [34]. Высокопоставленный сотрудник Госдепартамента Дж. Кэмпбелл суммировал приоритеты американской стратегии в тот период: «Наш подход к военной программе был следующим: во-первых, его основная цель заключалась в повышении обороноспособности Югославии, во-вторых, так или иначе было очень важно начать подключение Югославии к западной обороне в целом. ...Поэтому в умах многих в Соединённых Штатах, кто был связан с югославской политикой, созревала идея каким-то образом постепенно подвести югославов к более тесным связям с НАТО» [35].

18 февраля 1952 г. Греция и Турция стали членами альянса. Говоря о вероятности того, что турки и греки могут обратиться к союзникам с просьбой выразить отношение к возможному соглашению Белграда с Афинами и Анкарой, госсекретарь Д. Ачесон в послании белградскому посольству подчеркнул, «что ситуация ещё не созрела для того, чтобы предпринимать такие шаги в НАТО» [36]. Подключение Югославии к военному планированию альянса стало предметом дискуссии в ноябре – декабре 1952 г., когда переговоры между Белградом, Анкарой и Афинами вышли на уровень подготовки соглашения о сотрудничестве. Позиция Госдепартамента была изложена 5 декабря в письме в американское посольство в Париже. Ачесон выразил поддержку трёхсторонних переговоров, подчеркнув приоритет интересов Североатлантического альянса. Госсекретарь высказал недовольство политикой Белграда, надеявшегося без взаимных обязательств получить гарантии защиты со стороны Запада в случае советского нападения. Поэтому он выступил за невоенный характер готовящегося трёхстороннего соглашения [37].

В январе 1953 г. в США завершилось 20-летнее правление демократической администрации. На пост президента вступил республиканец Д. Эйзенхауэр, назначивший госсекретарём Дж. Ф. Даллеса. 21 февраля Даллес выразил озабоченность обязательствами взаимной помощи, предложенными Белградом и Афинами в ходе подготовки трёхстороннего соглашения: «Для того чтобы избежать вовлечения НАТО (в возможный вооружённый конфликт с СССР на Балканах. – А. К.), обязательства не должны идти дальше обязательств консультироваться относительно общих мер, которые могут потребоваться, и не должны распространяться на обязательства оказывать помощь» [38]. В итоге из текста подписанного в Анкаре 28 февраля 1953 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией все военные условия были тщательно удалены [39].

Через 5 дней умер Сталин. Во внешней политике Москвы в течение двух-трёх последующих лет сохранялась инерция сталинских установок, однако смерть советского лидера всё же снижала в восприятии Запада риск советского вторжения в Югославию. Переговоры о создании военного альянса Белграда, Афин и Анкары были продолжены. Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи между Турецкой Республикой, Королевством Греция и Федеративной Народной Республикой Югославия был подписан в Блде 9 августа 1954 г. Статьей II предусматривалось оказание помощи, в том числе военной, стороне, подвергшейся вооружённой агрессии. Но в статье X ограничивались рамки совместной обороны: «Положения настоящего Договора не затрагивают... каким-либо образом права и обязательства Греции и Турции по Североатлантическому договору» [40]. Югославия наряду с Турцией, Грецией и Италией стала ключевым звеном в цепи стран, ограждавших средиземноморский бассейн от советского проникновения. ФНРЮ осталась вне структуры НАТО, но в случае советского наступления на своих союзников по Балканскому пакту была обязана прийти им на помощь. Вашингтон закрыл брешь в южном фланге НАТО, косвенно подключив Белград к средиземноморской стратегии альянса. Балканский пакт стал неотъемлемой частью политики сдерживания.

Процессу интеграции ФНРЮ в западный блок помешала нормализация отношений СССР с Югославией, произошедшая в 1955–1956 гг. Белый дом и Госдепартамент столкнулись с сопротивлением законодателей, установивших в июле 1956 г. 90-дневный мораторий на помощь Югославии и требовавших сокращения военных поставок. Администрация Эйзенхауэра с большим трудом противостояла нажиму Конгресса [41]. Белград отказался от военной помощи США и к 1 апреля 1958 г. добился вывода американской военной миссии. Однако полностью урегулировать советско-югославские разногласия не удалось. В мае 1958 г. между Москвой и Белградом начался новый конфликт, вызванный неприятием Кремлём новой Программы Союза коммунистов Югославии. Вашингтон рассчитывал на продолжение военного сотрудничества с ФНРЮ, но натолкнулся на внеблоковую, «равноудалённую» позицию югославы, интересовавшихся получением долгосрочных кредитов [42], но сопротивлявшихся такому военному сотрудничеству, которое, по их мнению, противоречило принципам независимости и равноправного сотрудничества.

В январе 1961 г. президентом США стал демократ Дж. Ф. Кеннеди. Считая Восточную Европу «наиболее уязвимым регионом», он предложил начать там наступление на коммунизм. Успеха новый президент рассчитывал добиться не силой, а «более гибкими и реалистическими инструментами», направленными на «поощрение недовольства стран, расположенных за железным занавесом», на ослабление связей Восточной Европы с СССР [43]. Югославия в новой стратегии заняла особое место. В Госдепартаменте внимательно следили за социально-экономическими преобразованиями в стране – совершенствованием системы «рабочего самоуправления», поощрением свободы частной инициативы в сельском хозяйстве, децентрализацией управления экономикой. Очков в пользу Белграда добавляло его стремление сохранять независимую от СССР позицию [44].

С приходом новой администрации американское посольство в Белграде возглавил один из авторов стратегии сдерживания Дж. Кеннан, опыт которого должен был способствовать укреплению позиций США в регионе. Для дальнейшего сдерживания СССР Кеннан считал необходимым содействовать сохранению ФНРЮ в статусе успешного, независимого от Москвы социалистического государства с целью поощрения стремления советских сателлитов выйти из-под контроля Кремля [45]. Позицию авторитетного специалиста поддержал глава Государственного департамента Д. Раск, соглашаясь, что Югославия – это «выдающийся пример успешного неповиновения коммунистической страны советскому империализму» [46]. По расчёту Госдепартамента, советские сателлиты, увидев успех югославской модели, должны были пойти на такие же преобразования, что в итоге вело к «эволюции» коммунистического мира в направлении к национальной независимости и открытому демократическому обществу [47]. Для этого ФНРЮ должна была интенсивно развиваться, что во многом зависело от продолжения американской помощи. Кроме того, начатая весной 1961 г. экономическая реформа, вносившая в югославскую экономику

ку элементы рыночных отношений и открывавшая возможности расширения внешнеторговых связей, способствовала, по мнению Вашингтона, интеграции Югославии в экономические структуры Запада и, в конечном итоге, стимулировала её политическую либерализацию.

Однако Белград не спешил установить тесные отношения с администрацией Кеннеди. Вторжение на Остров свободы противников кубинской революции в апреле 1961 г. и Берлинский кризис августа того же года мешали установлению доверия между США и ФНРЮ и активизировали антикоммунистические настроения в американском обществе, особенно среди конгрессменов. В октябре – ноябре 1961 г. в Сенате прошли слушания по вопросу продажи Югославии 130 устаревших американских самолётов за 1625 млн долл. Сделка была заключена ещё администрацией Эйзенхауэра за четыре дня до его отставки, а затем получила одобрение Кеннеди. Протесты сенаторов привели к прекращению поставки электронного оборудования для уже проданных самолётов [48]. В результате Кеннеди был вынужден заявить находившемуся в США министру иностранных дел ФНРЮ К. Поповичу, что его страна больше не сможет покупать современную американскую военную технику, кроме запчастей для обслуживания уже приобретённой [49].

Недовольство законодателей подогревалось улучшением советско-югославских отношений. 4–21 декабря 1962 г. Тито посетил Москву, где выразил одобрение позиции Н. С. Хрущёва в Карибском кризисе, подчеркнув, что его преодоление стало возможным благодаря конструктивной позиции советского лидера [50]. Тем не менее визит югославского президента в Москву не означал преодоления всего комплекса разногласий между Белградом и Москвой. К тому же югославские представители в США продолжали выражать готовность страны в получении американских кредитов. Администрация Кеннеди опасалась оттолкнуть Тито, понимая, что это вынудит его пойти на ещё большее сближение с Кремлём. 14 мая 1963 г. президент одобрил поставки югославам товаров и военного оборудования в размере 2 млн долл. А 16–25 октября в ходе турне Тито по Северной и Южной Америке состоялся первый официальный визит югославского президента в Соединённые Штаты. Принимая Тито в Белом доме, 17 октября Кеннеди выразил готовность продолжать поддержку Югославии и высоко оценил независимость её внутренней и внешней политики. В совместном коммюнике по итогам встречи подчёркивалось, что «теперь, когда в непосредственной помощи больше нет необходимости, отношения между обеими странами могут развиваться во всех других сферах, в особенности, в области расширения обычной торговли, экономических, культурных, научных и других контактов» [51].

Тем самым Кеннеди окончательно утвердил новые подходы в югославской политике США, оформление которых началось ещё с 1956 г. в правление республиканской администрации. Кеннеди, как и Эйзенхауэру, пришлось считаться с внеблоковой позицией Белграда и взамен тесного военного сотрудничества оказывать ему иную возможную помощь. Вашингтону фактически приходилось обеспечивать успешность югославского варианта социализма, чтобы поддерживать привлекательность ФНРЮ в глазах других восточноевропейских стран как примера независимости от Кремля. Тито использовал борьбу двух сверхдержав в югославских интересах. Характер взаимодействия Вашингтона и Белграда определялся динамикой отношений последнего с Москвой. Когда синусоида советско-югославских контактов находилась в фазе положительных значений, как это было в 1956 и 1962 гг., Белому дому и Государственному департаменту требовалось немало усилий противостоять нажиму Конгресса, добивавшегося свёртывания помощи коммунистической Югославии. На этапе отрицательных показателей 1958 и 1968 гг. Белград проявлял интерес к американским кредитам, но продолжал балансировать в точке равноудалённости.

Трагические выстрелы в Далласе 22 ноября 1963 г. оборвали жизнь 35-го президента, но следование новым принципам политики в отношении Югославии было продолжено его преемниками из обеих партий.

Все три администрации – Трумэна, Эйзенхауэра и Кеннеди – в стремлении сохранить независимость ФНРЮ от Кремля ради значительных геополитических преимуществ были готовы закрыть глаза на идеологическую верность Тито марксизму. После начала конфликта в Информбюро Югославия заняла важное место в политике сдерживания СССР. Однако если до 1955 г. Соединённые Штаты прилагали усилия по вовлечению Югославии в свои оборонительные структуры, то с 1956 г. они были вынуждены от этого отказаться из-за твёрдой позиции Белграда. Американцам пришлось сделать ставку на экономическую поддержку титоизма. Несмотря на ключевую роль Югославии в создании движения Неприсоединения, она по-прежнему виделась Вашингтону «маяком» для остальных социалистических стран как успешный пример развития вне контроля Москвы. США продолжили использовать Белград в своей политике сдерживания СССР, изменились лишь подходы – вместо военной интеграции Югославии в оборону Запада была сделана ставка на оказание ей материально-технической и финансовой помощи.

Примечания

1. Юнгблуд В. Т. «Новая и очень нужная парадигма»: «длинная» телеграмма Дж. Ф. Кеннана как альтернатива принципам Ялты // Вехи американской истории: сб. статей, посв. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. В. Согрина / ред.-сост. Т. Ю. Лаврентьева и Л. М. Троицкая. М., 2015. С. 134–135.
2. Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки: советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 202; Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.) М., 2005. С. 117–118; Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблуд. Киров, 2014. С. 460; Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 443; Печатнов В. О. От союза – к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. С. 157; Системная история международных отношений. События и документы. 1918–2003: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 3: События. 1945–2003. М., 2003. С. 75; и др.
3. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 275–276.
4. Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman. 1947. Wash., 1963. P. 177–179, 239; Системная история международных отношений. Т. 4: Документы. 1945–2003. М., 2004. С. 60.
5. Советский Союз в Организации Объединённых Наций. Т. 1. М., 1965. С. 272–274.
6. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: документы и материалы. М., 1998. С. 455–461; Советско-югославские отношения. 1945–1956: документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 318–324.
7. Miscamble W. George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, 1992. P. 190.
8. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1948. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1974. P. 1079; The State Department Policy Planning Staff Papers / Foreword by G. F. Kennan. Vol. II: 1948. N. Y., 1983. P. 317.
9. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1080; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. P. 318–321; Miscamble W. Op. cit. P. 192; Mitrovich G. Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca; L., 2000. P. 37–38; Райкова В. А. «Доктрина сдерживания» в контексте политической философии и деятельности Дж. Ф. Кеннана (1930–1980-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 193–195.
10. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1079.
11. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1091, 1104; Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 84.
12. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. P. 14–24.
13. FRUS. 1949. Vol. V: Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976. P. 863–868.
14. Совещания Коминформа. С. 701–704; Советско-югославские отношения. С. 462, 484–487.
15. Miscamble W. Op. cit. P. 195; Mitrovich G. Op. cit. P. 38.
16. Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / ed. by J. O. Iatrides. Hanover, 1981. P. 216–219.
17. FRUS. 1949. Vol. V. P. 42–54.
18. Miscamble W. Op. cit. P. 207.
19. FRUS. 1950. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1977. P. 247; National Security Council: NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68-5.htm>; Рус. пер. см.: Холодная война. Директива СНБ-68. (Меморандум Ачесона). URL: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php>; История США в документах. Директива СНБ-68. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/direktiva-snb-68.php>.
20. Англ. – Mutual Defense Assistance Program. Закон о взаимной помощи обороне был принят американским Конгрессом и подписан президентом Г. Трумэном 6 октября 1949 г. Дополнил экономическую помощь, оказываемую Соединёнными Штатами западноевропейским государствам по Плану Маршалла, помощью военной, направленной на укрепление обороноспособности союзников США. См.: A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. N. Y., 1968. P. 1356–1364.
21. FRUS. 1950. Vol. IV: Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1980. P. 1439–1440; Lees L. Keeping Tito Afloat: The United State, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania State University Press, 1997. P. 88.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1322. Л. 70; U. S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. 1948–1957 / ed. by N. Ceh. Boulder. N. Y., 2002. P. 238–240.
23. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1322. Л. 268–269; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 1507–1508; Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. N. Y., 1967. P. 25, n. 11; Lees L. Op. cit. P. 94.
24. Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the Presidents. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1951. Wash., 1965. P. 232; FRUS. 1951. Vol. IV: Europe: Political and Economic Developments. Part 2. Wash., 1985. P. 1783, 1815, n. 2; Lees L. Op. cit. P. 105.
25. The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. XII: NATO and the Campaign of 1952. Baltimore, 1989. P. 415.
26. Lees L. Op. cit. P. 109.
27. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 35. П. 144. Д. 14. Л. 121–124; U. S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. P. 315; FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. P. 1863.

28. The Mutual Security Act of 1951 // United States Statutes at Large. Containing the Laws and Concurrent Resolutions Enacted During the First Session of the Eighty-Second Congress of the United States of America 1951 and Reorganization Plan, Amendment to the Constitution, and Proclamations. Vol. 65. Wash., 1952. P. 373–387. URL: http://www.constitution.org/uslaw/sal/065_statutes_at_large.pdf.
29. Military Assistance Agreement Between the United States and Yugoslavia, November 14, 1951. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/yugo001.asp.
30. Hess, J. Oral History Interview with James W. Riddleberger, Washington, April 26, 1972. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/riddle3.htm>.
31. McKinzie, R. Oral History Interview with Willis G. Armstrong, Washington, June 12, 1973. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/armstron.htm>.
32. Mastny V. NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–56 // Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. Working Paper No. 35. Washington, March 2002. URL: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ACFB01.pdf>.
33. FRUS. 1951. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1979. P. 839; Lees L. Op. cit. P. 107.
34. Lees L. Op. cit. P. 109.
35. McKinzie, R. Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>.
36. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII: Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Wash., 1988. P. 595.
37. Ibid. P. 598–600.
38. Ibid. P. 623–624.
39. Tekst Ankarskog sporazuma, 28. februar 1953. // Balkanski pakt: 1953/1954. S. 311–313; Treaty of Friendship and Collaboration Between the Turkish Republic, The Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia, February 28, 1953 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu001.asp.
40. Tekst Bledskog ugovora, 9. avgust 1954. // Balkanski pakt: 1953/1954. S. 722–726; Treaty of Alliance, Political Cooperation, and Mutual Assistance Between the Turkish Republic, the Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia (Balkan Pact), August 9, 1954 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu002.asp.
41. The U. S. in World Affairs. 1956. N.Y., 1957. P. 310; Congressional Record. 1956. Wash., 1956. Vol. 102. Pt. 12. P. 5703, 6271, 6277; Качура Ю. Б. Кеннеди и Югославия: основные подходы и практика политики США в 1961–1963 годах. Киев, 1989. С. 4.
42. Hoffman J., Neal F. Yugoslavia and the New Communism. N. Y., 1962. P. 652; Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушёл: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. 283–293.
43. Documents on American Foreign Relations, 1960 / ed. by R. P. Stebbins and E. P. Adam. N. Y., 1961. P. 96, 68–69.
44. Department of State Bulletin. 1962. Vol. 47. July 16. P. 102. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510012284621;view=1up;seq=108>.
45. Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U. S. Foreign Policy. N. Y., 1988. P. 208.
46. Department of State Bulletin. 1962. 583 p. Vol. 47. February 26. P. 343. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510012284621;view=1up;seq=349>.
47. Department of State Bulletin. 1962. Vol. 47. March 16. P. 393. <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510012284621;view=1up;seq=399>.
48. U. S. News and World Report. 1961. № 17 (Oct. 23); № 18 (Oct. 30). P. 4.
49. The Washington Post and Times Herald. 1962. May 31. P. 4; Космач Е. Н. Политика США в отношении Югославии в 1943–1980 гг. Минск, 2007. С. 236–237.
50. Тумо И. Б. Избранные статьи и речи. М., 1987. С. 245–246.
51. Department of State Bulletin. 1963. Vol. 49. Nov. 11. P. 739–740. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077199217;view=1up;seq=211;Mayers D. Op. cit. P. 215; Космач Е. Н. Указ. соч. С. 236–237>.

Notes

1. Jungblud V. T. «Novaya i ochen' nuzhnaya paradigma»: «dlinnaya» telegramma Dzh. F. Kennana kak al'ternativa principam YAlty ["New and necessary paradigm": "long" telegram of J. F. Kennan as an alternative to the principles of Yalta] // Vekhi amerikanskoj istorii: sb. statej, posv. 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V. V. Sogrina – Landmarks of American history: collected articles, dedicated to. The 70th anniversary of Dr. Hist. Sciences, Professor V. V. Sogrin / ed.-comp. T. Y. Lavrentieva and L. M. Troitskaya. M. 2015. Pp. 134–135.
2. Batuk V., Evstafiev D. Pervye zamorozki: sovetско-amerikanskіe otnosheniya v 1945–1950 gg. [First frost: Soviet-American relations in 1945–1950] M. 1995. P. 202; Bystrova N. E. SSSR i formirovanіe voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945–1955 gg.) [USSR and the formation of a military bloc confrontation in Europe (1945–1955)] 2005. Pp. 117–118; Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SSHA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.- Counter courses: the policy of the USSR and the USA on the Balkans, the Middle East in 1939–1947. / resp. edited by V. T. Jungblud. Kirov. 2014. P. 460; Pechatnov O. V. Stalin, Ruzvel't, Trumehn: SSSR i SSHA v 1940-h gg.: dokumental'nye ocherki [Stalin, Roosevelt, Truman: USSR I USA in 1940s: documentary essays]. M. 2006. 443 p.; V. O. Pechatnov Ot soyuza – k holodnoj vojne: sovetско-amerikanskіe otnosheniya v 1945–1947 gg. [From the Union – to the cold war: Soviet-American relations 1945–1947] M. 2006. P. 157; Sistemnaya istoriya

mezhdunarodnyh otnoshenij. Sobytiya i dokumenty. 1918–2003: v 4 t.- Systemic history of international relations. Events and documents. 1918-2003: in 4 volumes / ed. by A. D. Bogaturov. Vol. 3: Events. 1945-2003. M. 2003. P. 75; and others.

3. *Balkanskij uzел, ili Rossiya i «yugoslavskij faktor» v kontekste politiki velikih derzhav na Balkanah v XX veke* – Balkan node, or Russia and "Yugoslav factor" in the context of the policy of the great powers in the Balkans in the twentieth century. M. 2005. Pp. 275–276.

4. Public papers of the presidents of the United States, Harry S. Truman. 1947. Wash., 1963. Pp. 177–179, 239; Systemic history of international relations. Vol. 4: Documents. 1945-2003. M. 2004. P. 60.

5. *Sovetskij Soyuz v Organizacii Ob"edinyonnyh Nacij* – The Soviet Union at the United Nations. Vol. 1. M., 1965. Pp. 272–274.

6. *Soveshchaniya Kominforma, 1947, 1948, 1949: dokumenty i materialy* – The meeting of Cominform, 1947, 1948, 1949: documents and materials. M. 1998. Pp. 455–461; *Sovetsko-yugoslavskie otnosheniya. 1945–1956: dokumenty i materialy* – Soviet-Yugoslav relations. 1945-1956: documents and materials. Novosibirsk. 2010. Pp. 318–324.

7. *Miscamble W. George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950*. Princeton, 1992. P. 190.

8. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1948. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1974. P. 1079; The State Department Policy Planning Staff Papers / Foreword by G. F. Kennan. Vol. II: 1948. N. Y., 1983. P. 317.

9. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1080; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. P. 318–321; *Miscamble W. Op. cit. P. 192*; *Mitrovich G. Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956*. Ithaca; L., 2000. Pp. 37–38; Raykova V. A. «Doktrina sderzhivaniya» v kontekste politicheskoy filosofii i deyatel'nosti Dzh. F. Kennana (1930–1980-e gg.): dis. ... kand. ist. nauk ["Doctrine of deterrence" in the context of political philosophy and activity J. F. Kennan (1930–1980-ies): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. St. Petersburg. 2009. Pp. 193-195.

10. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1079.

11. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1091, 1104; Potekhin A. V. *Diplomatiya SSHA v Vostochnoj Evrope. 1945–1950 gg.* [U.S. Diplomacy in Eastern Europe. 1945-1950] Kiev. 1991. P. 84.

12. The State Department's Policy Planning Staff Papers. Vol. W: 1949. Pp. 14-24.

13. EFRUS. 1949. Vol. V: Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976. Pp. 863–868.

14. The Meeting Of Cominform. Pp. 701-704; Soviet-Yugoslav relations. Pp. 462, 484-487.

15. *Miscamble W. Op. cit. P. 195*; *Mitrovich G. Op. cit. P. 38*.

16. Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / ed. by J. O. Iatrides. Hanover, 1981. Pp. 216–219.

17. FRUS. 1949. Vol. V. Pp. 42–54.

18. *Miscamble W. Op. cit. P. 207*.

FRUS. 1950. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1977. P. 247; National Security Council: NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). Available at: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68-5.htm>; Rus. transl. see: *Holodnaya vojna. Direktiva SNB-68. (Memorandum Achesona)* – the Cold war. Directive NSC-68. (Memorandum Of Acheson). Available at: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php> (in Russ.); US History in documents. Directive NSC-68. Available at: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/direktiva-snb-68.php> (in Russ.).

20. Eng. – Mutual Defense Assistance Program. The law on mutual assistance to defense was passed by Congress and signed by President Truman on 6 October 1949. It complemented the economic assistance provided by the United States to Western European States under the Marshall Plan, military assistance aimed at strengthening the defense capability of U.S. allies. See: A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. N. Y., 1968. Pp. 1356–1364.

21. FRUS. 1950. Vol. IV: Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1980. P. 1439–1440; Lees L. Keeping Tito Afloat: The United State, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania State University Press, 1997. P. 88.

22. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 82. Sh. 2. File 1322. Sh. 70; U. S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. 1948–1957 / ed. by N. Ceh. Boulder. N. Y., 2002. Pp. 238–240.

23. RGASPI. F. 82. Sh. 2. File 1322. Sh. 268-269; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 1507–1508; *Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics*. N. Y., 1967. P. 25, n. 11; *Lees L. Op. cit. P. 94*.

24. Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the Presidents. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1951. Wash., 1965. P. 232; FRUS. 1951. Vol. IV: Europe: Political and Economic Developments. Part 2. Wash., 1985. P. 1783, 1815, n. 2; *Lees L. Op. cit. P. 105*.

25. The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. XII: NATO and the Campaign of 1952. Baltimore, 1989. P. 415.

26. *Lees L. Op. cit. P. 109*.

27. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (dalee – AVP RF)*- Foreign policy archives of the Russian Federation (hereinafter AVP RF). F. 0144. Sh. 35. Folder 144. File 14. Sh. 121-124; U. S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. P. 315; FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. P. 1863.

28. The Mutual Security Act of 1951 // United States Statutes at Large. Containing the Laws and Concurrent Resolutions Enacted During the First Session of the Eighty-Second Congress of the United States of America 1951 and Reorganization Plan, Amendment to the Constitution, and Proclamations. Vol. 65. Wash., 1952. Pp. 373–387. Available at: http://www.constitution.org/uslaw/sal/065_statutes_at_large.pdf.

29. Military Assistance Agreement Between the United States and Yugoslavia, November 14, 1951. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/yugo001.asp.
30. Hess, J. Oral History Interview with James W. Riddleberger, Washington, April 26, 1972. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/riddle3.htm>.
31. McKinzie, R. Oral History Interview with Willis G. Armstrong, Washington, June 12, 1973. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/armstron.htm>.
32. Mastny V. NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–56 // Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. Working Paper No. 35. Washington, March 2002. Available at: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ACFB01.pdf>.
33. FRUS. 1951. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1979. P. 839; Lees L. Op. cit. P. 107.
34. Lees L. Op. cit. P. 109.
35. McKinzie, R. Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>.
36. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII: Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Wash., 1988. P. 595.
37. Ibid. Pp. 598–600.
38. Ibid. Pp. 623–624.
39. Tekst Ankarskog sporazuma, 28. februar 1953. // Balkanski pakt: 1953/1954. S. 311–313; Treaty of Friendship and Collaboration Between the Turkish Republic, The Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia, February 28, 1953 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu001.asp.
40. Tekst Bledskog ugovora, 9. avgust 1954. // Balkanski pakt: 1953/1954. Pp. 722–726; Treaty of Alliance, Political Cooperation, and Mutual Assistance Between the Turkish Republic, the Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia (Balkan Pact), August 9, 1954 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu002.asp.
41. The U. S. in World Affairs. 1956. N.Y., 1957. P. 310; Congressional Record. 1956. Wash., 1956. Vol. 102. Pt. 12. Pp. 5703, 6271, 6277; Kachura J. B. [Kennedy and Yugoslavia: basic approaches and practice of U.S. policy in 1961–1963]. Kiev. 1989. P.4.
42. Hoffman J., Neal F. Yugoslavia and the New Communism. N. Y., 1962. P. 652; Anikeev A. S. *Kak Tito ot Stalina ushyol: YUgoslaviya, SSSR i SSHA v nachal'nyj period «holodnoj vojny» (1945–1957)* [How Tito went from Stalin: Yugoslavia, the USSR and the USA in the initial period of the cold war (1945–1957)]. M. 2002. Pp. 283–293.
43. Documents on American Foreign Relations, 1960 / ed. by R. P. Stebbins and E. P. Adam. N. Y., 1961. P. 96, 68–69.
44. Department of State Bulletin. 1962. Vol. 47. July 16. P. 102. Available at: <http://babelhathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510012284621;view=1up;seq=108>.
45. Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U. S. Foreign Policy. N. Y., 1988. P. 208.
46. Department of State Bulletin. 1962. 583 p. Vol. 47. February 26. P. 343. Available at: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510012284621;view=1up;seq=349>.
47. Department of State Bulletin. 1962. Vol. 47. March 16. P. 393. Available at <http://babelhathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510012284621;view=1up;seq=399>.
48. U. S. News and World Report. 1961. № 17 (Oct. 23); № 18 (Oct. 30.). P. 4.
49. The Washington Post and Times Herald. 1962. May 31. P. 4; Kosmach E. N. *Politika SSHA v otnoshenii YUgoslavii v 1943–1980 gg.* [US policy towards Yugoslavia in 1943–1980] Minsk. 2007. Pp. 236–237.
50. Tito I. B. *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. M. 1987. Pp. 245–246.
51. TDepartment of State Bulletin. 1963. Vol. 49. Nov. 11. P. 739–740. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077199217;view=1up;seq=211>; Mayers D. Op. cit. P. 215; Kosmach E. N. Op. cit. Pp. 236–237.

УДК 94(73)"1949/1955" + 94(497.2)"1949/1955"

А. В. Збоев

Деятельность спецслужб США против Болгарии в 1949–1955 гг.*

Статья посвящена операциям специальных ведомств США в отношении Болгарии в 1949–1955 гг., которые были характерны для балканской и восточноевропейской политики Вашингтона в целом на начальном этапе холодной войны. Советско-американская конфронтация 1940-х гг. активизировала разработку Государственным департаментом и вновь созданным Центральным разведывательным управлением программ в рамках политики «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма. В 1948 г. для проведения тайных операций против СССР и его союзников было создано Управление политической координации (УПК). Балканские республики стали одними из первых объектов его деятельности по ослаблению позиций просоветских режимов и подготовки антикоммунистического сопротивления. В отношении Болгарии как од-

ного из наиболее уязвимых союзников Москвы, в частности, планировались меры полувоенного, политического и психологического характера. Автор рассматривает содержание этих мер, участие политических эмигрантов в их осуществлении, а также проблемы, возникшие при их реализации. Делается вывод об ограниченности эффекта тайных операций вследствие расхождения интересов и возможностей эмигрантских групп, американских спецслужб и официального Вашингтона.

The article is devoted to the covert operations of the USA against Bulgaria in 1949–1955, that were typical for the U.S. Policy in the Balkans and Eastern Europe at the beginning of the Cold War. The Soviet-American confrontation of the 1940s boosted development of programs in the framework of the policy of "Containment" and "Rollback" of Communism by the State Department and the newly created Central Intelligence Agency. Implementation of covert operations against the USSR and its Allies was charged to the Office of Policy Coordination in 1948. Balkan republics became one of the first objects of OPC's activities in the weakening of the pro-Soviet regime and to preparing the anti-communist resistance. In regard to Bulgaria as one of the most vulnerable allies of Moscow, planned paramilitary actions, political and psychological warfare. The author examines contents of these measures, participation of political refugees, and appeared problems. Concluded, that limited effect of covert operations was caused by divergence of interests and capabilities of the emigre groups with those of the U.S. Intelligence and the U.S. Government.

Ключевые слова: Болгария, холодная война, внешняя политика США, ЦРУ, Управление политической координации, СНБ-58, тайные операции, психологическая война, политическая эмиграция.

Keywords: Bulgaria, Cold War, U.S. Foreign Policy, CIA, Office of Policy Coordination, NSC-58, covert operations, psychological warfare, political emigration.

Оформление советской сферы влияния в Восточной Европе по итогам Второй мировой войны стало одним из ключевых факторов в отношениях СССР с его бывшими союзниками по Большой тройке в послевоенные годы. После победы над странами Оси западные лидеры стали рассматривать коммунистическую экспансию как новую главную угрозу и своей национальной, и международной безопасности [1]. На Потсдамской конференции и сессиях СМВД дипломатия Лондона и Вашингтона активно добивалась проведения парламентских выборов и реорганизации просоветских правительств Болгарии, Венгрии и Румынии, однако эти усилия натолкнулись на упорное противодействие Москвы и поддерживаемых ею компартий. Подписание в Париже 10 февраля 1947 г. мирного договора стран Антигитлеровской коалиции с бывшими германскими союзниками в ещё большей степени ограничило возможности Запада воздействовать на внутривнутриполитические процессы по ту сторону «железного занавеса». Ни дипломатическими нотами, ни апелляциями к международным договорённостям, ни обращениями к посредничеству ООН не удалось воспрепятствовать монополизации власти коммунистами в странах Восточной Европы и превращению их в форпосты СССР. Патовая ситуация побуждала западных стратегов искать иные способы воздействия.

К 1947 г. холодная война приобрела отчётливые очертания. План Маршалла и «доктрина Трумэна» наполнили конкретным содержанием стратегию «сдерживания» коммунизма, направленную на предотвращение дальнейшего распространения советского влияния и коммунистической идеологии. Республиканская администрация президента Д. Эйзенхауэра и госсекретаря Дж. Даллеса, считая и такой подход недостаточным, в начале 1950-х гг. взяла на вооружение концепцию «отбрасывания» коммунизма (к границам собственно СССР) и освобождения наций из-под коммунистического господства [2].

Новый внешнеполитический курс Соединённых Штатов нашёл отражение в череде законодательных актов и директив и в создании ряда новых структур, в чьи функции вошли разработка и осуществление мер по подрыву советского влияния. Так, 18 сентября 1947 г. вступил в силу Закон о национальной безопасности, по которому при президенте США создавались Совет национальной безопасности (СНБ) и Центральное разведывательное управление (ЦРУ) [3].

Ещё до официального принятия на вооружение доктрины т. н. информационно-психологической войны, провозглашённой в директиве СНБ 4/а (17 декабря 1947 г.), многие её элементы использовались американским руководством в отношении союзных Москве государств. Пропаганда западных ценностей и американской военной и экономической мощи стала важным фактором, способствовавшим сближению Югославии с США после конфликта со Сталиным [4].

Во второй половине 1940-х гг. американское руководство уделяло особое внимание различным невоенным и полувоенным инструментам внешней политики, психологической войне и тайным операциям. В директиве СНБ-10/2 от 18 июня 1948 г. было заявлено, что в ответ на «злостную скрытую деятельность СССР... открытая международная деятельность правительства Соединённых Штатов должна быть дополнена тайными операциями» [5]. Их разработка и осуществ-

вление были поручены созданному в структуре ЦРУ Управлению специальными проектами (Office of Special Projects, OSP), вскоре переименованному в Управление политической координации (Office of Policy Coordination, OPC) [6] и преобразованному в 1951 г. в Директорат планирования (Deputy Director for Plans, DDP) [7]. Возглавлял эти отделения в 1948–1959 гг. (за исключением января – августа 1951 г., когда пост занимал Аллен Даллес) Фрэнк Гардинер Уизнер, опытный разведчик, бывший руководитель операций УСС в Юго-Восточной Европе.

Большую заинтересованность американские военные и разведывательные службы проявляли в отношении Балканского региона, представлявшегося одним из наиболее вероятных направлений возможной советской экспансии [8]. Проходившая здесь граница между советским и западным блоками не была ещё окончательно зафиксирована. В 1945–1949 гг. ареной скрытого противоборства двух лагерей была Греция, где шла гражданская война прозападного правительства с коммунистическими партизанами; в 1948 г. конфликт Тито со Сталиным, приведший к разрыву связей Югославии с Коминформом, пробил крупную брешь в советском «поясе безопасности». К концу 1940-х гг. Албания оказалась изолированной от остальных стран народной демократии, усилилась угроза западным границам Болгарии и Румынии – далеко не самым сильным союзникам СССР, связанным ограничениями мирного договора 1947 г.

Вновь Балканы превратились в «уязвимое подбрюшье», на этот раз – для СССР, и стали целью первых операций американских и британских спецслужб [9]. Наиболее известной и изученной из них была неудачная попытка свержения в Албании режима Энвера Ходжи руками диверсантов, предпринятая в начале 1950-х гг. [10] О подрывных операциях в отношении других стран известно гораздо меньше, однако опубликованные рассекреченные материалы ЦРУ позволяют в некоторой степени пролить свет на новые неизвестные страницы тайной политики Вашингтона в период холодной войны.

Отношения США с Болгарией (с 1946 г. – Народная Республика Болгария, НРБ), где к власти в сентябре 1944 г. в составе коалиции антифашистских партий пришли коммунисты, изначально развивались в напряжённом ключе. Госдепартамент долгое время отказывался признавать болгарское правительство демократическим и легитимным. Восстановленные после войны отношения (осень 1947 г.) просуществовали чуть более двух лет и были прекращены в феврале 1950 г. в результате очередного дипломатического скандала. Исчерпание возможностей традиционных рычагов воздействия развязывало руки американским спецслужбам.

24 апреля 1950 г. [11] Госдепартаментом США и ЦРУ была утверждена разработанная Отделом политической координации «основная политическая, психологическая и военизированная программа» в отношении Болгарии, получившая название QKSTAIR (позже – BGCONVOY). С целью подрыва власти коммунистов в стране предполагалось организовать подпольные группы, установить связь между ними и американской разведкой и подготавливать обстановку для антиправительственного восстания посредством пропаганды, «экономической войны» и других действий. Помимо этого Болгария была объектом программ SYBILLE и ZRNAUNTLE, направленных на взаимодействие с болгарскими эмигрантами для сбора информации и осуществления подпольной деятельности, и ряда других [12].

Эмигранты из стран Восточной Европы, в большом количестве хлынувшие за пределы «железного занавеса» от преследований со стороны коммунистов, стали объектами пристального внимания западных спецслужб. Беженцами из Болгарии за рубежом было организовано несколько десятков организаций. Наиболее влиятельной из них, признанной и финансировавшейся Госдепартаментом [13], стал Болгарский Национальный Комитет (БНК), созданный в 1948 г. в США известным болгарским политиком доктором Георги Димитровым (Гемето) [14]. Целями организации провозглашались борьба за «освобождение Болгарии от коммунистического и большевистского ига» и «получение болгарским народом права на свободное и независимое существование в завтрашнем свободном демократическом мире» [15].

Схожие цели декларировал Болгарский Национальный Фронт – вторая по значимости эмигрантская коалиция, имевшая репутацию крайне правой, националистической организации [16]. БНФ был создан в Мюнхене в 1947–1948 гг. профессором Иваном Дочевым [17]. Его неоднозначная политическая деятельность в прошлом (во многом с подачи Димитрова он характеризовался в американских документах как «крайний националист», «представитель крайне пронацистских сил» [18]), не мешала, тем не менее, американским спецслужбам взаимодействовать с ним в деле разведки и антикоммунистической пропаганды. Имелись сведения о том, что ещё в 1948–1950 гг. он работал на Информационную службу американских оккупационных сил в Западной Германии и Австрии и позднее продолжал фигурировать в качестве «контрактного агента» в нескольких проектах ЦРУ [19].

БНК и БНФ представляли для ЦРУ ценность благодаря сохранившимся контактам внутри Болгарии, возможностям установления связи с представителями подполья и организации переброски людей как в глубь страны, так и из неё. Кроме того, по согласованию с лидерами эмигрантских комитетов представители спецслужб определяли людей для вербовки в военизированные соединения НАТО и диверсионные группы.

Идея привлечения эмигрантов из Восточной Европы к службе в вооружённых силах стран Запада получила развитие во время Корейской войны. Акты от 30 июня 1950 г. и 19 июня 1951 г. предусматривали набор эмигрантов в армию США. За ними последовали Закон о взаимном обеспечении безопасности (принят Конгрессом 10 октября) и поправка Керстена, предусматривавшие выделение 100 млн долл. ежегодно на осуществление подрывной деятельности против СССР, формирование национальных военизированных подразделений из числа эмигрантов и поддержку подпольных организаций в странах Восточной Европы [20]. По словам инициатора знаменитой поправки сенатора-республиканца Ч. Керстена, это должно было «создать определённую проблему для Джо Сталина на его заднем дворе» [21].

Принятие этих актов инициировало создание добровольческих подразделений, формировавшихся по национальному признаку [22]. Одной из них стала «Болгарская охранная компания» (Bulgarian Guard Company; известна также как Болгарская добровольческая рота 4093), созданная при содействии д-ра Г. Димитрова [23]. Рота из двухсот человек (из которых только двое были американцами – офицер и сержант) базировалась в Западной Германии в районе Франкфурта и преимущественно занималась охраной военных объектов, складов с вооружением и амуницией. К ноябрю 1952 г. «охранные компании» были переданы из ведения УПК под контроль Европейского командования вооружённых сил США и в дальнейшем получили развитие в форме добровольческих подразделений НАТО (VFC – Volunteer Free Company) [24].

Эмигрантскими предводителями в конце 1940-х – начале 50-х гг. разрабатывались планы вторжения в Болгарию для подъёма и поддержки антиправительственного восстания [25]. Однако их попытки добиться дополнительных средств и вооружения на реализацию своих планов не находили отклика американского руководства, сомневавшегося в гарантированном успехе восстания в существовавших условиях [26]. Кроме того, практическая ценность эмигрантских подразделений оспаривалась некоторыми американскими командирами, считавшими их не надёжными и не вполне пригодными на поле боя [27]. Таким образом, их функция оставалась, скорее, политической и идеологической. До расформирования в 1964 г. службу в добровольческой роте прошли около 2500 болгарских молодых людей [28].

Другим направлением военизированной деятельности в рамках тайных операций была подготовка диверсантов для заброски на болгарскую территорию. Кандидаты тщательно отбирались и проходили обучение в специальных лагерях в Греции, Турции и Западной Германии [29]. В августе 1951 г. сообщалось об успешной переброске парашютистов и переходе нескольких небольших групп в 3–4 человека через труднодоступные Пиринские горные районы и встреченном ими лояльном отношении со стороны местного населения [30]. Однако уже в сентябре были получены сведения о судебном процессе в Софии над шестью пойманными диверсантами, из чего сотрудниками УПК был сделан вывод о просчётах в планировании операций и проникновении в ряды агентов тайного информатора, предупредившего милицию о местах вторжения [31]. В связи с этим было решено приостановить операции по проникновению на болгарскую территорию и продолжить их позднее силами меньших по численности, но лучше подготовленных групп [32]. Подготовка агентов в специальных лагерях была продолжена, но о новых перебросках информации не поступало.

Практически не изученным остаётся вопрос о степени взаимодействия западных спецслужб с т. н. горянским движением («гора» – в переводе с болгарского «лес») – антикоммунистическим и антисоветским подпольем в Болгарии, действовавшим в 1945–1955 гг. Политическая направленность этого движения делала его естественным союзником и адресатом американских программ поддержки сопротивления за «железным занавесом». Вероятно, взаимодействие спецслужб с горянскими командирами было опосредованным и осуществлялось через зарубежные эмигрантские организации. Одна из первых бригад (Кюстендилская группа) ещё весной 1945 г. была создана под руководством Георги Димитрова и носила его имя [33]. Подрывные действия горянских чет отвлекали на себя значительные силы милиции, пока не были разгромлены в начале 1950-х гг. В 1951 г. органами госбезопасности НРБ было раскрыто существование 176 нелегальных групп и организаций общим числом около 1200 участников [34]. По другим данным, в рядах движения насчитывалось до 2000 бойцов и 8000 активных сторонников [35].

Одним из главных направлений подрывной деятельности США в зоне советского влияния стала психологическая война, о которой как о ведущем компоненте политики давления в отно-

шении Восточной Европы было заявлено в секретной директиве СНБ-4/а в декабре 1947 г. [36] Её возмущающее значение на фоне прочих направлений подрывной деятельности Вашингтона стало причиной создания дополнительных специальных ведомств, занимавшихся её разработкой. Учреждение в апреле 1951 г. Совета психологической стратегии при Госдепартаменте США позволило президенту Трумэну заявить о начале новой эры в секретных операциях [37].

Экспертами специальных ведомств исследовались психологические особенности населения стран социалистического лагеря, их история, менталитет, обеспеченность радиоприёмниками, на основе чего делались заключения о перспективах воздействия на них американской пропаганды. Так, в одном из аналитических документов ЦРУ отмечалось, что среди болгар были широко распространены традиционные русофильские настроения (хотя сохранялись и проамериканские симпатии), однако советская оккупация и политика коммунистов нанесли по ним сильный удар; несмотря на то, что большинство населения внешне казалось лояльным по отношению к правящему режиму, лишь 15–20 процентов поддерживали его искренне [38]. При таких обстоятельствах западная пропаганда могла рассчитывать на определённый успех. Главным её каналом должно было стать радио (в среднем в Болгарии приходилось 3 радиоточки на 100 человек). Также считалось, что в городах высокую эффективность могла обеспечить печатная пропаганда, а в сельской местности – устная [39].

Целью психологической войны провозглашалась борьба с коммунистическим засильем в Болгарии и возвращение её жителям надежды на освобождение, с тем чтобы подтолкнуть их хотя бы к пассивному сопротивлению режиму вместо его пассивного принятия [40].

Вещание на Болгарию со стороны Запада вело несколько радиостанций, чьи передатчики располагались по периметру советского блока, в частности в Греции, Турции и Западной Германии [41]. Несмотря на общую антисоветскую направленность, содержание их передач различалось. Так, «Голос Америки», являвшийся официальным рупором Госдепартамента, повествовал о достижениях американского народа и западной культуры, событиях международной жизни.

«Радио Свободная Европа» (РСЕ) было органом «Национального комитета Свободной Европы» (НКСЕ) – объединения эмигрантских комитетов – и формально не было связано с американским правительством, что делало его риторику более гибкой и свободной от официальных табу [42]. В то же время у истоков как самого НКСЕ, так и РСЕ стояли А. Даллес, Ф. Уизнер, Дж. Кеннан и другие ключевые фигуры разведслужб и Госдепартамента [43], а их финансирование до 1971 г. тайно осуществлялось через ЦРУ [44]. Программы РСЕ записывались в Нью-Йорке, где первоначально располагался его центральный офис, после чего переправлялись в Европу и уже с мюнхенских передатчиков запускались в эфир; позднее для повышения оперативности штаб-квартира была переведена в Мюнхен. Вещание РСЕ велось на всех основных восточноевропейских языках. Первая передача состоялась 4 июля 1950 г. и была направлена на Чехословакию, 11 августа началось вещание на болгарском языке [45].

Ещё одним инструментом «психологической войны» было подпольное «Радио Горянин» (с октября 1953 г. – «Голос сопротивления в Болгарии», вело вещание в 1951–1962 гг.), организованное болгарскими эмигрантами [46]. Документы ЦРУ свидетельствовали о ряде проблем, препятствовавших деятельности радиостанции, но также говорилось и о некоторых успехах в плане воодушевления болгар, нагнетания недовольства несправедливыми действиями коммунистического режима и психологической подготовки страны к сотрудничеству с силами сопротивления в случае войны или революции [47].

Распространение пропагандистских материалов осуществлялось также посредством листовок и саботажных буклетов, которые забрасывались по воздуху и распространялись местными подпольщиками (в документах в их числе упоминалось «Свободное братство» [48]). К середине 1951 г. на болгарскую территорию было сброшено 2 миллиона листовок, затем после длительного перерыва их массовое распространение возобновилось с июня 1953 г. [49]

Тематика радиопередач и содержание листовок согласовывались с представителями УПК. Ими, в частности, было рекомендовано поддерживать болгарский национализм, использовать тему болгарского исторического наследия и подчёркивать оккупационный характер коммунистической власти и политики Кремля [50]. В 1953 г. актуальной темой пропаганды стала смерть Сталина и последовавшие за ней чистки в эшелонах власти Советского Союза (с призывами к сотрудникам болгарской госбезопасности нарушить присягу и избежать судьбы Берии и прочих опальных «особистов»); подписание югославо-греко-турецкого военно-политического союза, июньское восстание в Берлине. Распространялись также религиозные тексты [51].

Эффективность мер психологической войны в отношении Болгарии оценивалась неоднозначно. Британский представитель в Софии Дж. Карвелл в отчёте за 1951 г. докладывал, что деятельность зарубежных радиостанций стала для болгарских властей источником постоянных

проблем, особенно после разрыва дипломатических отношений с США; а передачи «Горянина» вызвали настоящий взрыв негодования [52]. В то же время в ежемесячных отчётах ЦРУ регулярно сообщалось, что реакции на проведение операции BGCONVOY не было замечено [53]. Тем не менее говорить о полном равнодушии местных властей не приходится – советские и болгарские органы госбезопасности вынуждены были реагировать контрмерами, организовывать подавление радиосигналов через систему глушения, пресекать распространение иностранной печатной продукции, вести собственную пропаганду на сопредельные западные государства [54]. Американским ответом стало появление новых программ (проект «Трой» 1949 г., «Ring Plan» 1950 г., проект METAPHOR 1954 г. и др.), направленных на усиление мощностей имеющихся передатчиков и создание иллюзии новых тайных радиостанций, вещающих на Болгарию [55].

Говоря о тайных операциях западных спецслужб в Восточной Европе, нельзя также не упомянуть и одну из самых загадочных из них, носившую кодовое название «Расщепляющий фактор» («Splinter Factor», иногда переводят как операция «Раскол»). В 1960-х – 70-х гг. о ней стало известно из журналистских расследований Флоры Льюис и Стивена Стюарта [56]. Исследование судьбы американского коммуниста Ноэля Филда и его семьи, перебравшегося в Венгрию и арестованного в начале 1949 г. по обвинению в шпионаже в пользу Запада, вывело журналистов на следы запутанного заговора, выходящего за рамки заурядного шпионского процесса, каких было немало в годы холодной войны. «Дело Филда» совпало по времени с чистками рядов восточноевропейских компартий от «титовских» элементов и было использовано для дискредитации наиболее видных представителей сторонников концепции «национального пути к коммунизму», какими были Ласло Райк в Венгрии, Трайчо Костов в Болгарии, Владислав Гомулка в Польше, Рудольф Сланский в Чехословакии и др. Н. Филд был назван службами госбезопасности восточноевропейских стран связующим звеном между американскими спецслужбами и коммунистическими «рenegатами», что якобы подтверждалось его личным знакомством со многими из них и длительной работой в Америке и Европе в довоенные и военные годы. Итогом партийных чисток стали многочисленные аресты и казни, что ускорило утверждение во всей Восточной Европе режимов «сталинистского» типа и усиление атмосферы всеобщей подозрительности и недоверия в высших эшелонах власти.

В своей книге С. Стюарт писал о том, что кровавая политическая перетряска стала следствием намеренной провокации ЦРУ, задуманной Алленом Даллесом и осуществлённой руками польского полковника-перебежчика Йозефа Свято. «Цель Даллеса состояла в том, чтобы показать коммунизм таким ужасным, каким он сам его себе представлял. Коммунисты-националисты делали коммунизм приемлемым для народа, и поэтому они подлежали устранению» [57]. Так, по мнению журналиста, американские спецслужбы чужими руками устранили наиболее перспективных политиков враждебного лагеря, лишив его значительной части интеллектуального и творческого потенциала и подорвав взаимное доверие между СССР и его союзниками (а это, как отмечает отечественный автор Э. Макаревич, впоследствии вылилось в кризисы 1956 и 1968 гг., «польские события» и подъём диссидентского движения [58]).

Однако главная проблема работы Стюарта – отсутствие в ней достоверных ссылок на подтверждающие документы (сам автор объяснял это тем, что его информаторы, в том числе бывшие и действовавшие сотрудники спецслужб, согласились дать информацию только на условиях анонимности) – не позволяет историкам уверенно опираться на него в своих исследованиях без серьёзных оговорок. Одни авторы допускают истинность версии Стюарта [59], другие считают, что она могла быть подсказана кем-то из недоброжелателей Даллеса в британской разведке [60] или сотрудником одной из восточноевропейских служб безопасности, прикрывавшим происками американцев собственные просчёты [61].

Действительно, предположение, что американцы расчищали дорогу «ортодоксальным», «промосковским» коммунистам Восточной Европы и способствовали устранению их конкурентов по партии для дискредитации коммунистической идеи, представляется спорным и сделанным уже постфактум. Кроме того, такая линия противоречила политике поощрения «титовизма» и прочих «еретических» версий коммунизма в целях раскола монолитного советского блока, как это было заявлено в директиве СНБ-58/2, посвященной политике США в Восточной Европе [62]. Многие детали операции «Расщепляющий фактор» и степень участия в ней американских спецслужб доподлинно не установлены, чтобы делать окончательные выводы, и остаётся только надеяться, что новые документальные открытия и исследования позволят прояснить спорные вопросы этой истории.

Операции американских спецслужб в Восточной Европе рубежа 1940-х – 1950-х гг. оказались в большинстве своём проваленными. Весьма вероятно, что неудачные действия в Албании, обернувшиеся безрезультатной потерей большого количества лояльных агентов, убедили руко-

водителей ЦРУ и Госдепартамента воздержаться от слишком открытых и агрессивных действий в других странах, в результате чего разрабатывавшиеся болгарские и румынские программы сошли на нет, так и не оказав практически никакого заметного эффекта. Исследовательница С.-Дж. Корк отмечает, что вопреки стараниям ЦРУ восточноевропейские режимы к 1953 г. имели даже более прочные позиции, чем в 1948 г. [63]

Операция BGCONVOY 30 июня 1955 г. была официально прекращена, а её исполнители переклонулись на другие направления, хотя уже с середины 1954 г. этот проект находился в стадии постепенного свёртывания [64]. «Радио Горняин» и болгарские военные формирования в ВС НАТО просуществовали до начала 60-х гг., БНК фактически прекратил существование после смерти своего лидера Г. Димитрова в 1972 г., и их деятельность так и не была отмечена какими-либо выдающимися достижениями. За всё время существования социалистическая Болгария оставалась самым верным и сравнительно «спокойным» союзником СССР и Организации Варшавского договора.

Анализ достижений и неудач позволил сотрудникам УПК выделить ряд проблем при проведении задуманных целей. Первоначально отмечались проблемы технического характера – нехватка оборудования и персонала [65]. Недостаточным было количество экспертов, владеющих языком, для работы с болгарскими эмигрантами [66]. Относительно малочисленной была и сама болгарская диаспора, что затрудняло подбор квалифицированных кадров для участия в американских программах, особенно с учётом связей многих эмигрантов с бывшими коллаборационистскими профашистскими режимами [67]. Постепенно проблемы с эмигрантскими организациями и их лидерами выдвинулись на первое место в оперативных отчётах. Росли подозрения, что Георги Димитров и Иван Дочев использовали помощь США для удовлетворения собственных политических амбиций при том, что их деятельность не отвечала ожиданиям американского руководства [68]. О нараставшем недовольстве методами работы и претензиями лидера БНК говорит заключение, сделанное одним из сотрудников УПК в отчёте за апрель 1952 г., что «любые операции с агентами Димитрова не могут считаться ни действенными, ни безопасными с точки зрения ЦРУ» [69].

Кроме того, эффективные мероприятия советских и болгарских органов государственной безопасности, болгарской милиции позволили минимизировать последствия подрывной деятельности со стороны Запада. Своевременный перехват диверсантов, пересекавших болгарскую границу, внедрение правительственных агентов в подпольные организации и на радиостанции вынуждали представителей спецслужб прерывать деятельность по тем или иным направлениям и впредь действовать осторожнее [70].

Тайная деятельность стран Запада по ослаблению власти коммунистов в странах Восточной Европы и их выводу из советской сферы влияния нигде, кроме как в Югославии, не достигла поставленных целей и отчасти сама стала фактором консолидации советского лагеря, оформившегося в 1955 г. в военно-политический блок. Политика США в отношении Болгарии после Второй мировой войны характеризовалась постоянным давлением по каналам официальной дипломатии (до разрыва отношений в 1950 г.) и через Организацию Объединённых Наций, посредством усиления военной угрозы на болгарских границах (доктрина Трумэна, принятие Греции и Турции в НАТО, создание Балканского пакта), ведением «психологической войны» и тайных операций. Однако эти меры только усиливали враждебность между Востоком и Западом, поддерживали в восточноевропейских странах атмосферу «осаждённой крепости» и укрепляли их зависимость от СССР. Вместо освобождения «угнетённых народов» действия Запада провоцировали новые репрессии, дальнейшее «закручивание гаек» и гонку вооружений, отвлекавшую значительную часть ресурсов от развития социальной сферы, что, конечно, не исключает доли ответственности Москвы в этих процессах.

Первые годы холодной войны стали временем чрезвычайно активной, но не всегда, на наш взгляд, хладнокровной и последовательной разработки всевозможных стратегий, директив, планов действий на случай Третьей мировой войны с применением атомного оружия и т. д. Стремительно увеличивались финансирование и персонал ЦРУ и других специальных подразделений, поощрялась разработка операций, направленных на уменьшение советского влияния в мире [71]. Оценки и прогнозы западных политиков зачастую оставались неоправданными. В 1952 г. будущий госсекретарь Дж. Даллес предвещал, что через 2, 4 года или 10 лет большая часть европейских народов высвободится из-под советского влияния [72]. Однако осенью 1956 г. Вашингтон воздержался от вмешательства в венгерские события, чем дал понять, что не намерен рисковать ввязыванием в войну с СССР ради независимости отдельных государств. Это во многом дискредитировало «освободительную» риторику Вашингтона, его официальных и неофициальных ор-

ганизаций [73], способствовало взаимному разочарованию американского руководства и эмигрантских комитетов.

Итоги первого десятилетия после окончания Второй мировой войны показали, что деятельность спецслужб не стала универсальным и эффективным средством внешней политики Соединённых Штатов. Международная стабильность и безопасность были недостижимы без средств традиционной дипломатии и активных усилий со стороны и США, и СССР по совместному урегулированию разногласий и преодолению конфликтов. Этот же вывод применим к отношениям Вашингтона с Софией, которые со второй половины 50-х гг. стали возвращаться в русло возобновления диалога [74].

Примечания

1. *Winkler A. M.* The Cold War: A History in Documents. N. Y., 2000. P. 26–31, 36–39.
2. *Rositzke H.* The CIA's Secret Operations: Espionage, Counterespionage and Covert Action. London, 1977. P. 154.
3. ЦРУ было создано на базе Группы центральной разведки (Central Intelligence Group, CIG), учреждённой 22 января 1946 г. и бывшей, в свою очередь, организацией-преемником Управления стратегических служб (Office of Strategic Services, OSS) – военной разведки США времён Второй мировой войны. Руководителем ЦРУ являлся Директор центральной разведки (Director of Central Intelligence, DCI). В первое послевоенное десятилетие этот пост занимали С. Соерс (январь – июнь 1946 г.), Х. Ванденберг (июнь 1946 г. – май 1947 г.), Р. Хиленкоттер (май 1947 г. – октябрь 1950 г.), У. Биделл Смит (октябрь 1950 г. – февраль 1953 г.), А. Даллес (февраль 1953 г. – ноябрь 1961 г.).
4. *Юнгблуд В. Т., Костин А. А.* Стратегия информационно-психологической войны и югославская политика США в 1946–1947 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2011. № 131. С. 20.
5. Об управлении специальными операциями (Директива 10/2 Совета национальной безопасности США). 18 июня 1948 г. // Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки (1918–2009 гг.): учеб. пособие / сост. Ю. М. Кузьмин. 2-е изд., доп. Киров, 2009. С. 187–188; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. by T. H. Etzold, J. L. Gaddis. N. Y., 1978. P. 125–128.
6. Вновь созданное УПК заменило собой Группу специальных процедур (Special Procedure Group, SPG) Управления специальных операций (Office of Special Operations, OSO), уже имевшегося в структуре ЦРУ и занимавшегося разработкой первых подрывных операций на подконтрольных Москве территориях. В результате с конца 1948 г. до конца 1950 г. УСО и УПК существовали параллельно, нередко соперничая друг с другом и не всегда согласовывая свои операции. В 1951 г. эти подразделения были объединены в Директорат планирования ЦРУ. *Corke S.-J.* US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare and the CIA, 1945–1953. L., 2007. P. 94–95.
7. *Callanan J.* Covert Action in the Cold War: US Policy, Intelligence and CIA Operations. L.; N. Y., 2009. P. 2; *Richelson J. T.* A Century of Spies: Intelligence in the Twentieth Century. N. Y., 1997. P. 244–245.
8. См.: *Збоев А. В.* Болгария в условиях «военной тревоги» начала 1950-х гг. на Балканах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4(1). С. 89–95.
9. Первая операция американских спецслужб против коммунистических режимов на Балканах, начатая в конце 1949 г., была направлена против Албании (кодовое название BGFIEND в американской версии, или VALUABLE в британской). В апреле 1950 г. была утверждена программа QKSTAIR (BGCONVOY) в отношении Болгарии, в августе 1951 г. – программа QKBROIL в отношении Румынии. Сходство программ проявлялось как в общих целях – ослаблении правящих просоветских режимов и подготовке антикоммунистического сопротивления, так и в методах – взаимодействии с эмигрантскими комитетами, подготовке диверсантов, развёртывании пропаганды. См.: OBOPUS BG FIEND VOL. 1 (COUNTRY PLAN ALBANIA)_0001.pdf. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/519a2b76993294098d50f3c0>; QKBROIL_0002. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c261993294098d50d9a1>
10. *Corke S.-J.* Op. cit. P. 85–88; *Callanan J.* Op. cit. P. 74; *Блум У.* Убийство демократии. Операции ЦРУ в период холодной войны. М., 2013; Covert Operations. Albania – 1949–1958 // GlobalSecurity.org. URL: <http://www.globalsecurity.org/intell/ops/albania.htm>
11. Процесс согласования операции начался ещё в январе 1950 г., когда дипломатические отношения между США и НРБ ещё формально существовали, но уже находились в стадии глубокого кризиса. BGCONVOY_0001. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edbd>
12. Research Aid: Cryptonyms and Terms in Declassified CIA Files. Nazi War Crimes and Japanese Imperial Government Records Disclosure Acts. URL: <http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/second-release-lexicon.pdf>. Pp. 13, 48, 54, 64.
13. *Киряков Б.* България зад граница // Съпротивата срещу комунистическия режим в България (1944–1989 г.): Сборник материали от национална научна конференция, НБУ, 23–24 март 2011 г. / ред. кол. Л. Стоянов, Ж. Лефтеров. С. 79–80. URL: <http://ebox.nbu.bg/anti/>
14. Георги Михов Димитров («Гемето» – по инициалам «ГМ») (1903–1972) – лидер Болгарского земледельческого народного союза. В годы Второй мировой войны возглавлял некоммунистическое крыло антифашистского сопротивления в Болгарии. В 1941–1944 гг. под эгидой британской разведки создал в Палестине Болгарский национальный комитет и радиостанцию «Свободная и независимая Болгария». Вер-

нулся на родину после вступления туда советских войск и установления режима Отечественного фронта. Выступая против монополизации власти в стране коммунистами, стал жертвой преследований, был обвинён в подготовке антиправительственного заговора и помещён под домашний арест. С помощью британских и американских дипломатов покинул страну в сентябре 1947 г. и возобновил политическую деятельность за рубежом в качестве лидера болгарской политической эмиграции. В 1947 г. был одним из создателей т. н. Земледельческого комитета, в 1948 г. воссоздал БНК в качестве антикоммунистической организации, участвовал в работе ряда других эмигрантских организаций в США. *Nekola M. Georgi M. Dimitrov* (1903–1972). *Voice of exiled Bulgarians and peasant activists // Transatlantic Perspectives: Europe in the Eyes of European Immigrants to the United States, 1930–1980*. URL: <http://www.transatlanticperspectives.org/entry.php?rec=158>

15. *Kokoncheva M. Democracy in Exile: The Bulgarian National Committee and G. M. Dimitrov // The Inauguration of "Organized Political Warfare": The Cold War Organizations Sponsored by the National Committee for a Free Europe / Free Europe Committee / ed. by K. K. Lynn. Saint Helena, 2013. P. 373; Groueff S. My Odyssey. N. Y., 2003. P. 238–239.*

16. DOCHEV, IVAN VOL. 1_0119. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d50999d>; DOCHEV, IVAN VOL. 1_0116. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d509997>

17. Иван Димитров Дочев (1905–2005) в межвоенные годы возглавлял антикоммунистическую студенческую организацию и был одним из руководителей болгарских национальных легионов. В годы Второй мировой являлся мэром города Силистра. Покинул Болгарию накануне вступления в страну Красной армии осенью 1944 г. в качестве одного из министров профашистского правительства Александра Цанкова. В Австрии и Западной Германии приступил к консолидации правых сил эмигрантских кругов в рамках Болгарского национального фронта, Антибольшевистского союза. В 1951 г. переехал в Торонто, в 1964 г. – в Нью-Йорк. Издавал на собственные средства первую в Америке газету антикоммунистического содержания на болгарском языке. DOCHEV, IVAN VOL. 2_0047. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098f4>

18. DOCHEV, IVAN VOL. 1_0064. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5099b4>; DOCHEV, IVAN VOL. 1_0072. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5099b7>

19. В американских документах И. Дочеву было присвоено множество псевдонимов – DELIA, Code 307/7, Ivan DIMITROFF, GOMACE, MEMACE. См. Research Aid: Cryptonyms and Terms in Declassified CIA Files...; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0005. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098d2>; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0008. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098d0>; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0057. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d509906>

20. По параграфу 101а закона 10 октября 1951 г. ассигновалась сумма на поддержку «любых отобранных лиц, которые проживают в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании... или лиц, бежавших из этих стран, для того, чтобы либо сформировать из этих людей отряды вооружённых сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора, либо для других целей, когда президент решит, что подобная помощь будет способствовать обороне Североатлантического района и безопасности Соединённых Штатов». Цит. по: *Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа (1945–1965)*. М., 1968. С. 126.

21. *Puddington A. Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. Lexington, 2000. P. 84.

22. *Borhi L. Hungary in the Cold War, 1945–1956: Between the United States and the Soviet Union*. Budapest; N. Y., 2004. P. 286.

23. См. Appendix 10: Bulgarian Volunteer Company in NATO (1951–1964) // *Bulgaria for NATO / ed. by O. Minchev, V. Ratchev, M. Lessenski. 2002 P. 373–378*. <http://iris-bg.org.server10.host.bg/files/chapter5.pdf> ; Кръстева Д. Българска национална доброволческа рота 4093 – в НАТО преди пълноправното членство // Национален военноисторически музей. URL: http://www.militarymuseum.bg/Izдания/Vestnik/Vestnik_may-June_2010/VoennaIstoria/text03-1.html; Георгиева Р.-С. Атлантическата легия, 1951 // Килията «Сърп и чук». Разкази от подземята на НРБ (сборник). Кн. 2. URL: <https://decommunization.files.wordpress.com/2014/05/kiliya-surp-book-2-2014.pdf> С. 38–44.

24. *Мирошников С. Н. «Корпус волонтеров свободы» – нереализованный американский проект холодной войны // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 65–71; Granville J. The First Domino: International Decision Making During the Hungarian Crisis of 1956. College Station, 2004. P. 182–187; Kovrig B. Of Walls and Bridges: The United States and Eastern Europe. N. Y., 1991. P. 64; Carruthers S. L. Cold War Captives: Imprisonment, Escape and Brainwashing. Berkeley, 2009. P. 71.*

25. DOCHEV, IVAN VOL. 1_0097. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d50991d>; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0054. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098e4>;

26. Foreign relations of the United States (FRUS), 1949. Vol. V. Eastern Europe; the Soviet Union. P. 279, 282; Oral History Interview with John C. Campbell. P. 206. URL: <http://www.trumanlibrary.org/orallhist/campbell.htm#206>.

27. *Borhi L. Op. cit. P. 286.*

28. *Куряков Б. Указ. соч. С. 94–95.*

29. BGCONVOY_0006. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>. Hazard E. W. Cold war crucible: United States foreign policy and the conflict in Romania, 1943–1953. Boulder, 1996. P. 207–208.

30. BGCONVOY_0008. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda7>

31. BGCONVOY_0009. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9e>
32. BGCONVOY_0010. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edaf>;
BGCONVOY_0012. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edae>
33. Желев Д. Тероризмът не е от вчера // Нова Зора. 2006. № 49 (12 декември). URL: http://www.novazora.net/2006/issue49/story_08.html
34. Илиев Н. Вържената антикомунистическа съпротива: Сборник. София, 2007. С. 9.
35. Detrez R. Historical Dictionary of Bulgaria. Third Edition. Lanham, 2015. P. 225.
36. Юнблюд В. Т., Костин А. А. Указ. соч. С. 9.
37. Mitrovich G. Undermining the Kremlin: America's strategy to subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. N. Y., 2000. P. 59; Corke S.-J. Op. cit. P. 104. Как и многие прочие учреждения, Совет просуществовал недолго и был расформирован указом Д. Эйзенхауэра от 2 сентября 1953 г. Dwight D. Eisenhower: "Executive Order 10483 – Establishing the Operations Coordinating Board," September 2, 1953. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=60573>.
38. Psychological Warfare Intelligence Estimate (February 5, 1951). URL: <http://www.foia.cia.gov/document/cia-rdp80r01731r003500180018-0>
39. Ibid. P. 33.
40. BGCONVOY_0026. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc6>
41. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 583. Л. 35; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 93. Л. 158–160; FRUS. 1951. Vol. IV. Pt. 2. P. 1207.
42. Granville J. Op. cit. P. 166.
43. Puddington A. Op. cit. P. 8, 10.
44. Официально НКСЕ сохранился за счёт частных пожертвований, однако их доля не была существенной. В 1956 г. годовой бюджет РСЕ составлял 21 млн долл., из которых от ЦРУ поступило 16. В 1971 г. сенатор К. Кейс заявил, что из 34 млн долл., израсходованных Радио «Свобода» и «Свободная Европа», 30 были получены от ЦРУ, всего же за 20 лет деятельности ими было поглощено более 500 млн долл. американских налогоплательщиков. Петрусенко В. Тайное становится явным: ЦРУ и средства массовой информации. М., 1978. С. 103; Granville J. Op. cit. P. 165; Callanan J. Op. cit. P. 62.
45. Prados J. Presidents' secret wars: CIA and Pentagon covert operations since World War II. N. Y., 1986. P. 34; Гласът на Свободна България (1950–1957 г.) / Радио „Свободна Европа“ (1957–2004 г.) // Predavatel. URL: <http://www.predavatel.com/bg/istoriya/rfe>
46. BGCONVOY_0006. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>; Радио „Горнянин“ (1951–1962 г.) // Predavatel. URL: <http://www.predavatel.com/bg/istoriya/radio-goryanin>
47. BGCONVOY_0013. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edb0>. P. 3.
48. BGCONVOY_0007. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda0>. P. 2.
49. BGCONVOY_0006. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>;
BGCONVOY_0028. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edab>; BGCONVOY_0030. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9a>; BGCONVOY_0033. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc0>.
50. BGCONVOY_0023. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edbb>; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 132. Л. 71. FRUS. 1949. Vol. V. P. 13.
51. BGCONVOY_0025. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda8>;
BGCONVOY_0030. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9a>
52. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1134. Л. 152.
53. BGCONVOY_0006. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>
54. РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 93. Л. 77, 126, 139–140; Д. 132. Л. 58–59.
55. BGCONVOY_0035. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edac>; Corke S.-J. Op. cit. P. 88.
56. Lewis F. Red Pawn: The Story of Noel Field. L., 1965; Stewart S. Operation splinter factor. Lippincott, 1974.
57. Стюарт С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 189.
58. Макаревич Э. Предисловие // Стюарт С. Указ. соч. С. 27–28.
59. Aldrich Richard. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence. Woodstock, 2002. P. 176–179; Corke S.-J. Op. cit. P. 110.
60. Powers T. The Man who Kept the Secrets, N. Y., 1979. Блум У. Указ. соч. С. 621–622.
61. Hodos G. H. Show Trials. Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948–1954. N. Y.; Westport; L., 1987.
62. FRUS. 1949. Vol. V. P. 24, 51; Corke S.-J. Op. cit. P. 77.
63. Corke S.-J. Op. cit. P. 2.
64. BGCONVOY_0046. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc8>;
BGCONVOY_0047. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edb6>
65. BGCONVOY_0009. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9e>
66. FRUS, 1951. Vol. II. Europe: political and economic developments (in two parts). Pt. 2. P. 1329.
67. Численность болгар, покинувших родину и нашедших убежище в странах Запада, согласно данным Б. Василевой, к июлю 1952 г. достигла 2000 чел. (Василева Б. Българската политическа емиграция след Втората световна война. Исторически очерк. София, 1999. С. 54). Другие авторы называют цифру 10–12 тысяч политических мигрантов к 1970-м гг. (Христов Х. Елена Стателова, Василка Танкова, „Прокудените“, ИК

„Жанет-45”, 2002 г., 463 страницы. (рецензия). URL: <http://desebg.com/2011-01-06-11-54-16/1061-2013-01-27-11-34-26>). Puddington A. Op. cit. P. 37.

68. BGCONVOY_0006. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>; BGCONVOY_0010. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edaf>; BGCONVOY_0014. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc3>; BGCONVOY_0015. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc9>; BGCONVOY_0025. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edaa>; BGCONVOY_0026. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc6>

69. BGCONVOY_0026. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc6>

70. BGCONVOY_0006. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>

71. Петрусенко В. Указ. соч. С. 26.

72. Боев И. Балканите в глобалната политика на САЩ. 1945 – 1973. София, 1986. С. 114.

73. Puddington A. Op. cit. P. 90; Tudda C. «Reenacting the Story of Tantalus». Eisenhower, Dulles, and the Failed Rhetoric of Liberation // Journal of Cold War Studies. 2005. Vol. 7. № 4. P. 26, 35.

74. В марте 1959 г. НРБ и США договорились о возобновлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представителями. В 1966 г. дипломатические миссии в Софии и Вашингтоне были возведены в ранг посольств.

Notes

1. Winkler A. M. The Cold War: A History in Documents. N. Y., 2000. P. 26–31, 36–39.

2. Rositzke H. The CIA's Secret Operations: Espionage, Counterespionage and Covert Action. London, 1977. P. 154.

3. The CIA was established on the basis of the Central Intelligence Group (Central Intelligence Group, CIG), established on 22 January 1946 and of the former, in turn, the organization – successor of the office of strategic services (the office of strategic services, OSS) – U.S. military intelligence during the Second world war. The head of the CIA was the Director of Central intelligence (Director of Central Intelligence, DCI). In the first postwar decade, this post was held by C. Soyars (January – June 1946), H. Vandenberg (June 1946 – may 1947), R. Hillenkoetter (may 1947 – October 1950), W. Bidell Smith (October 1950 – February 1953), A. Dulles (February 1953 – November 1961).

4. Jungblud V. T., Kostin A. A. *Strategiya informacionno-psihologicheskoy vojny i yugoslavskaya politika SSHA v 1946–1947 gg.* [Strategy of the information-psychological war and Yugoslav policy of U.S. in 1946-1947] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* – News of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2011, No. 131, p. 20.

5. *Ob upravlenii special'nymi operacijami (Direktiva 10/2 Soveta nacional'noj bezopasnosti SSHA). 18 iyunya 1948 g.-* About the Directorate of special operations (Directive 10/2 of National Security Council of USA). June 18, 1948 // *Khrestomatiya po novejshej istorii stran Evropy i Ameriki (1918-2009 gg.): ucheb. posobie* – Reading book on the recent history of Europe and America (1918-2009.): tutorial / comp. Yu. M. Kuzmin. 2nd publ., add. Kirov. 2009. Pp. 187-188; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. by T. H. Etzold, J. L. Gaddis. N. Y., 1978. Pp. 125–128.

6. The newly created Code of criminal procedure replaced Special Procedure Group (Special Procedure Group, SPG) of Office of Special Operations (Office of Special Operations, OSO), already existing in the structure of the CIA and responsible for drafting the first subversive operations on Moscow-controlled territory. As a result from late 1948 to late 1950, OSO and the SPG existed in parallel, often competing with each other and not always agreeing its operations. In 1951 these units were combined into a Directorate of planning of CIA. Corke S.-J. *US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare and the CIA, 1945–1953*. L., 2007. Pp. 94–95.

7. Callanan J. *Covert Action in the Cold War: US Policy, Intelligence and CIA Operations*. L.; N. Y., 2009. P. 2; Richelson J. T. *A Century of Spies: Intelligence in the Twentieth Century*. N. Y., 1997. Pp. 244–245.

8. See: Zboev A. V. *Bolgariya v usloviyah «voennoj trevogi» nachala 1950-h gg. na Balkanah* [Bulgaria in a "military raid" of the beginning of the 1950s in the Balkans] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2011, No. 4(1), Pp. 89-95.

9. The first operation of American intelligence services against the Communist regimes in the Balkans, begun in late 1949, was directed against Albania (code name BGFIEND in the American version, or VALUABLE in British). In April 1950 the program QKSTAIR (BGCONVOY) against Bulgaria was approved, in August 1951 – the program QKBROIL against Romania. The similarity of the programs they came up with common goals – the weakening of the ruling Pro-Soviet regimes and the preparation of anti-Communist resistance and methods – interaction with the émigré committees, training of terrorists, the deployment of propaganda. See: OBOPUS BG VILLAIN VOL. 1 (COUNTRY PLAN FOR ALBANIA)_0001.A PDF. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/519a2b76993294098d50f3c0>; QKBROIL_0002. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c261993294098d50d9a1>

10. Corke S.-J. Op. cit. P. 85–88; Callanan J. Op. cit. P. 74; Bloom U. *Ubijstvo demokratii. Operacii CRU v period holodnoj vojny* [The murder of democracy. CIA operations during the cold war]. M. 2013; Covert Operations. Albania – 1949-1958 // GlobalSecurity.org. Available at: <http://www.globalsecurity.org/intell/ops/albania.htm>

11. The process of harmonization of the operation began in January 1950, when diplomatic relations between the U.S. and Bulgaria formally still existed, but were already in the stage of deep crisis. BGCONVOY_0001. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edbd>

12. Research Aid: Cryptonyms and Terms in Declassified CIA Files. Nazi War Crimes and Japanese Imperial Government Records Disclosure Acts. Available at: <http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/second-release-lexicon.pdf>. Pp. 13, 48, 54, 64.

13. Kiryakov В България зад граница // Съпротивата срещу комунистическия режим в България (1944–1989 г.): Сборник материали от национална научна конференция, НБУ, 23–24 март 2011 г. / ed. by L. Stoyanov, J. Lefterov. Pp. 79–80. Available at: <http://ebox.nbu.bg/anti/>

14. Georgi Mihov Dimitrov ("Gemeto" – on the initials "GM") (1903–1972) – the leader of the Bulgarian agrarian people's union. During the Second world war he led the noncommunist branch of anti-fascist resistance in Bulgaria. In 1941–1944 under the auspices of British intelligence he created in Palestine the Bulgarian national Committee and radio station "Free and independent Bulgaria". He returned home after the entry of Soviet troops there and establishing the regime of the National front. Speaking out against the monopolization of power in the country by the Communists, he was the victim of harassment, was accused of training anti-government conspiracy and placed under house arrest. With the help of British and American diplomats he left the country in September 1947, and resumed his political activities abroad as the leader of the Bulgarian political emigration. In 1947 he was one of the founders of the so-called Agricultural Committee, in 1948 he recreated BNK as an anti-Communist organization, and participated in a number of other emigrant organizations in the USA. *Nekola M. Georgi M. Dimitrov (1903–1972). Voice of exiled Bulgarians and peasant activists // Transatlantic Perspectives: Europe in the Eyes of European Immigrants to the United States, 1930–1980.* Available at: <http://www.transatlanticperspectives.org/entry.php?rec=158>

15. *Kokoncheva M. Democracy in Exile: The Bulgarian National Committee and G. M. Dimitrov // The Inauguration of "Organized Political Warfare": The Cold War Organizations Sponsored by the National Committee for a Free Europe / Free Europe Committee / ed. by K. K. Lynn. Saint Helena, 2013. P. 373; Groueff S. My Odyssey. N. Y., 2003. Pp. 238–239.*

16. DOCHEV, IVAN VOL. 1_0119. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d50999d>; DOCHEV, IVAN VOL. 1_0116. URL: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d509997>

17. Ivan Dimitrov Dochev (1905–2005) in the interwar years he was the head of the anti-Communist student organisation and was one of the leaders of Bulgarian national legions. During the Second world war he was the mayor of the city of Silistra. He left Bulgaria prior to the entry into the country of the red army in autumn 1944 as one of the Ministers of the Pro-fascist government of Alexander Tsankov. In Austria and West Germany he proceeded to consolidate right-wing emigre circles in the framework of the Bulgarian national front, the Anti-Bolshevik Union. In 1951 he moved to Toronto, in 1964 – to New York. He published on his own means America's first anticommunist newspaper in Bulgarian. DOCHEV, IVAN VOL. 2_0047. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098f4>

18. DOCHEV, IVAN VOL. 1_0064. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5099b4>; DOCHEV, IVAN VOL. 1_0072. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5099b7>

19. In American documents I. Dochev has been awarded numerous aliases – DELIA, Code 307/7, Ivan DIMITROFF, GOMACE, MEMACE. См. Research Aid: Cryptonyms and Terms in Declassified CIA Files...; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0005. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098d2>; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0008. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098d0>; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0057. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d509906>

20. Under section 101A of the act of October 10, 1951, was appropriated amount to support "any selected persons who are residing in the Soviet Union, Poland, Czechoslovakia, Hungary, Romania, Bulgaria, Albania or... persons who have fled these countries, in order to form the military forces supporting the North Atlantic Treaty organization from these people or for other purposes when the President determines that such assistance will contribute to the defense of the North Atlantic area and the security of the United States." Cit. by: Orlik I. I. *Imperialisticheskie derzhavy i Vostochnaya Evropa (1945–1965)* [Imperialist powers and Eastern Europe (1945–1965)]. M. 1968. P. 126.

21. . *Puddington A. Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty.* Lexington, 2000. P. 84.

22. *Borhi L. Hungary in the Cold War, 1945–1956: Between the United States and the Soviet Union.* Budapest; N. Y., 2004. P. 286.

23. See: Bulgarian Volunteer Company in NATO (1951–1964) // Bulgaria for NATO / ed. by O. Minchev, V. Ratchev, M. Lessenski. 2002 Pp. 373–378. Available at: <http://iris-bg.org.server10.host.bg/files/chapter5.pdf> ; Кръстева Д. Българска национална доброволческа рота 4093 – в НАТО преди пълноправното членство // Национален военноисторически музей. Available at: http://www.militarymuseum.bg/Izdania/Vestnik/Vestnik_may-June_2010/VoennaIstoria/text03-1.html; Георгиева Р.-С. Атлантическата легия, 1951 // Килията «Сърп и чук». Разкази от подземията на НРБ (сборник). Кн. 2. Available at: <https://decommunization.files.wordpress.com/2014/05/kiliya-surp-book-2-2014.pdf> Pp. 38–44.

24. Miroshnikov S. N. «Korpus volontyrov svobody» – *nerealizovannyj amerikanskij projekt holodnoj vojny* ["The corps of volunteers of freedom" – an unrealized American project of cold war] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Tomsk State University. 2013, No. 366, pp. 65–71; J. *Granville J. The First Domino: International Decision Making During the Hungarian Crisis of 1956.* College Station, 2004. P. 182–187; *Kov-*

- rig B. Of Walls and Bridges: The United States and Eastern Europe. N. Y., 1991. P. 64; Carruthers S. L. Cold War Captives: Imprisonment, Escape and Brainwashing. Berkeley, 2009. P. 71.*
25. DOCHEV, IVAN VOL. 1_0097. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d50991d>; DOCHEV, IVAN VOL. 2_0054. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/51966ec3993294098d5098e4>;
26. Foreign relations of the United States (FRUS), 1949. Vol. V. Eastern Europe; the Soviet Union. P. 279, 282; Oral History Interview with John C. Campbell. P. 206. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm#206>.
27. *Borhi L.* Op. cit. P. 286.
28. Kiryakov B. Op. cit. Pp. 94-95.
29. BGCONVOY_0006. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>. Hazard E. W. Cold war crucible: United States foreign policy and the conflict in Romania, 1943-1953. Boulder, 1996. P. 207-208.
30. BGCONVOY_0008. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda7>
31. BGCONVOY_0009. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9e>
32. BGCONVOY_0010. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edaf>;
- BGCONVOY_0012. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edae>
33. *Желев Д.* Тероризмът не е от вчера // Нова Зора. 2006. № 49 (12 декември). Available at: http://www.novazora.net/2006/issue49/story_08.html
34. *Илиев Н.* Вържената антикомунистическа съпротива: Сборник. София, 2007. С. 9.
35. *Detrez R.* Historical Dictionary of Bulgaria. Third Edition. Lanham, 2015. P. 225.
36. Jungblud T. V., Kostin A. A. Op. cit. P.9.
37. *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin: America's strategy to subvert the Soviet Bloc, 1947-1956. N. Y., 2000. P. 59; Corke S.-J. Op. cit. P. 104. Like many other institutions, the Council did not last long and was disbanded by the decree of D. Eisenhower on September 2, 1953. Dwight D. Eisenhower: "Executive Order 10483 - Establishing the Operations Coordinating Board," September 2, 1953. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=60573>.
38. Psychological Warfare Intelligence Estimate (February 5, 1951). Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/cia-rdp80r01731r003500180018-0>
39. Ibid. P. 33.
40. BGCONVOY_0026. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc6>
41. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Sh. 137. File 583. Sh. 35; RGASPI. F. 575. Sh.1. File 93. Sh. 158 to 160; FRUS. 1951. Vol. IV. Pt. 2. P. 1207.
42. Granville J. Op. cit. P. 166.
43. Puddington A. Op. cit. P. 8, 10.
44. Officially NCSE was financed by private donations, but their share was not significant. In 1956 the annual budget of the RSU was \$ 21 million, 16 of which came from CIA. In 1971, Senator K. Case said that from 34 million, spent by Radio "Liberty" and "Free Europe", 30 were from the CIA, during 20 years of activity they have absorbed more than 500 million of American taxpayers. Petrusenko V. *Tajnoe stanovitsya yavnym: CRU i sredstva massovoj informacii* [Secret is revealed: the CIA and the media]. M. 1978. P. 103; Granville J. Op. cit. P. 165; J. Callanan Op. cit. P. 62.
45. *Prados J.* Presidents' secret wars: CIA and Pentagon covert operations since World War II. N. Y., 1986. P. 34; Гласът на Свободна България (1950-1957 г.) / Радио „Свободна Европа“ (1957-2004 г.) // Predavatel. Available at: <http://www.predavatel.com/bg/istoriya/rfe>
46. BGCONVOY_0006. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>; Радио „Горянин“ (1951-1962 г.) // Predavatel. URL: <http://www.predavatel.com/bg/istoriya/radio-goryanin>
47. BGCONVOY_0013. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edb0>. P. 3.
48. BGCONVOY_0007. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda0>. P. 2.
49. BGCONVOY_0006. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>;
- BGCONVOY_0028. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edab>;
- BGCONVOY_0030. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9a>;
- BGCONVOY_0033. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc0>.
50. BGCONVOY_0023. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edbb>;
- РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 132. Л. 71. FRUS. 1949. Vol. V. P. 13.
51. BGCONVOY_0025. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edaa>;
- BGCONVOY_0030. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9a>
52. RGASPI. F. 82. Sh. 2. File 1134. Sh. 152.
53. BGCONVOY_0006. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>
54. RGASPI. F. 575. Sh. 1. File 93. Sh. 77, 126, 139-140; File 132. Sh. 58-59.
55. BGCONVOY_0035. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edac>;
- Corke, S.-J. Op. cit. P. 88.
56. F. Lewis, Red Pawn: The Story of Noel Field. L., 1965; S. Stewart, Operation splinter factor. Lippincott, 1974.
57. Stuart S. [Operation "Split"]. M. 2003. P. 189.
58. Makarevich E. [Foreword] // Stuart S. Op. cit. Pp. 27-28.

59. Aldrich Richard. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence. Woodstock, 2002. P. 176–179; Corke S.-J. Op. cit. P. 110.
60. Powers T. The Man who Kept the Secrets, N. Y., 1979. Bloom W. Op. cit. Pp. 621-622.
61. Hodos G. H. Show Trials. Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948–1954. N. Y.; Westport; L., 1987.
62. FRUS. 1949. Vol. V. P. 24, 51; Corke S.-J. Op. cit. P. 77.
63. Corke S.-J. Op. cit. P. 2.
64. BGCONVOY_0046. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc8>; BGCONVOY_0047. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edb6>
65. BGCONVOY_0009. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50ed9e>
66. FRUS, 1951. Vol. II. Europe: political and economic developments (in two parts). Pt. 2. P. 1329.
67. The number of Bulgarians who have left their homeland and found refuge in Western countries, according to B. Vasilyeva, by July 1952, reached 2000 people (Vassileva B. Българската политическа емиграция след Втората световна война. Исторически очерк. Sofia. 1999. P. 54). Other authors put the number at 10-12 thousand political workers to the 1970s, (H. Hristov Elena Statelova, Vasilka Tankova, „Прокудените”, ИК „Жанет-45”, 2002, 463 pages. (review). Available at: <http://desebg.com/2011-01-06-11-54-16/1061-2013-01-27-11-34-26>). Puddington A. Op. cit. R. 37.
68. BGCONVOY_0006. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>; BGCONVOY_0010. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edaf>; BGCONVOY_0014. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc3>; BGCONVOY_0015. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc9>; BGCONVOY_0025. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda4>; BGCONVOY_0026. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc6>
69. BGCONVOY_0026. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50edc6>
70. BGCONVOY_0006. Available at: <http://www.foia.cia.gov/document/5197c269993294098d50eda1>
71. Petrusenko V. Op. cit. P. 26.
72. Bove I. Балканите в глобалната политика на САЩ. 1945 – 1973. Sofia. 1986. P. 114.
73. Puddington A. Op. cit. R. 90; C. Tudda "Reenacting the Story of Tantalus". Eisenhower, Dulles, and the Failed Rhetoric of Liberation // Journal of Cold War Studies. 2005. Vol. 7. No. 4. Pp. 26, 35.
74. In March 1959, the NRB and the United States agreed to resume diplomatic relations and exchange diplomatic representatives. In 1966 diplomatic mission in Sofia and Washington were elevated to the rank of embassies.

УДК 94 (437+47+73)"1939/45"

А. В. Зорин

Советский Союз и Чехословакия накануне холодной войны: американский взгляд*

Статья посвящена изучению истоков холодной войны в Центральной Европе. Автор пытается проанализировать американский взгляд на политику Советского Союза в отношении одной из стран региона – Чехословацкой Республики. Имея выгодное географическое положение, прозападные и пророссийские симпатии, эта страна могла стать хорошей площадкой для налаживания сотрудничества между двумя сверхдержавами. Однако вскоре после окончания Второй мировой войны она превратилась в часть советской сферы влияния. В статье делается попытка выяснить, допускали ли американцы в годы войны и непосредственно после ее окончания возможность использования Чехословакии в качестве платформы для сотрудничества с СССР, какие планы выстраивали в отношении этого государства, как воспринимали деятельность советских войск на освобожденной территории. В целом на примере Чехословакии рассматривается начало развития советско-американского конфликта в послевоенной Центральной Европе.

The article is devoted to studying of the Cold War origins in Central Europe in 1945. The author tries to find out the American view of the Soviet policy towards the Czechoslovak Republic. Having favorable geographical position, pro-Western and pro-Russian sympathies, this country could become a good platform for cooperation between two superpowers. However, soon after the Second World War it became a part of the Soviet sphere of influence. The author tries to answer, whether Americans allowed to use Czechoslovakia as a platform for cooperation with the Soviet Union during the war and immediately after it, which plans did they have for that state and how did they perceive Soviet troops activity in the liberated Czechoslovak territory. In general, on the Czechoslovak example considered the beginning of the Soviet-American conflict in post-war Central Europe.

Ключевые слова: история Чехословакии, советско-американские отношения, советско-чехословацкие отношения, Вторая мировая война, холодная война.

Keywords: history of Czechoslovakia, Soviet-American relations, Soviet-Czechoslovak relations, World War II, the Cold War.

В условиях обострения российско-американских отношений, наблюдающегося в последние годы, разговоров о начале новой холодной войны, вновь приобретает актуальность исследование истории зарождения глобального противостояния СССР и США. Начало ему было положено в 1945 г. разделом европейского континента между бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции на две зоны ответственности в соответствии с расположением двух армий: западную (англо-американскую) и восточную (советскую). Опыт взаимодействия двух сторон на оккупированных и освобождённых территориях мог послужить хорошей основой для продолжения сотрудничества и развития более тесных связей. Однако вскоре зоны оккупации стали сферами влияния двух сверхдержав, а бывшие союзники превратились в соперников, а затем во врагов в холодной войне.

В историографии существует достаточно много работ, раскрывающих хронологию и механизм развития событий, приведших к эскалации конфликта в мировом масштабе. Но по-прежнему актуальным остается вопрос – существовали ли возможности для иного развития событий? Во многом ответ на него нужно искать в психологических установках – были ли русские и американцы настроены на сотрудничество или стороны изначально воспринимали друг друга лишь как временных союзников и конкурентов в грядущей борьбе между коммунизмом и демократией? А также существовали ли возможности наладить сотрудничество хотя бы в ограниченном локальном масштабе, на основе одного из европейских государств?

По окончании войны линия разграничения между союзниками прошла по Центральной Европе, по территориям Германии, Австрии и Чехословакии. Последняя более всего подходила для налаживания американско-советских отношений. К началу 1945 г. чехословацкое эмигрантское правительство было признано всеми главными державами Антигитлеровской коалиции. По словам представителей Государственного департамента США, оно имело превосходные отношения и с СССР, и с Великобританией, и с США [1]. Население Чехословацкой Республики (ЧСР) стремилось восстановить довоенные демократические традиции и тесные связи с западными странами, одновременно выражая просоветские симпатии и желание заимствовать элементы социалистического строя. Признанный союзниками президент Эдвард Бенеш и поддерживавшие его политические силы заявляли о необходимости восстановить тесные отношения с Западом, одновременно развивая сотрудничество с СССР.

В освобождении республики принимали участие советские и американские войска (последние контролировали лишь небольшую территорию в Западной Богемии). Обе армии находились в ЧСР на правах союзников и освободителей (в отличие от соседних Германии и Австрии) и в таком качестве должны были оказывать помощь местным властям в восстановлении и поддержании порядка, поисках и преследовании нацистских преступников, депортации немецкого населения. Находясь в географическом центре Европы, ЧСР могла стать отличной площадкой для советско-американского сотрудничества. Однако после трех лет политической неопределенности, в 1948 г., она оказалась последней из государств региона, перешедших в советскую сферу влияния.

В исторической науке, особенно западной, доминирует мнение, что Москва последовательно добивалась установления контроля над Центральной Европой. Фактически намерения Москвы в отношении Чехословакии обозначились уже в 1943 г., а затем они были закреплены в Ялте и Потсдаме. США же вынуждены были признать создание советской сферы влияния. Но документы Государственного департамента свидетельствуют, что вплоть до 1948 г. американцы надеялись на восстановление прозападной ориентации республики, а победа коммунистов явилась для них большим шоком. Опубликованные материалы и документы Национального архива США позволяют более подробно взглянуть на развитие политики США в отношении этой страны в годы, непосредственно предшествовавшие зарождению холодной войны, уделив особое внимание восприятию планов СССР на послевоенное устройство в Центральной Европе.

Основы американской политики в отношении послевоенной Чехословакии закладывались в годы Второй мировой войны. США де-юре не признавали ни Мюнхенского соглашения 1938 г., ни раздела и оккупации республики в 1939 г. В то же время они последовательно проводили политику невмешательства в европейские дела. Находившийся в 1939 г. в США в качестве приглашенного профессора Чикагского университета бывший президент ЧСР Э. Бенеш, встречаясь с

президентом Франклином Рузвельтом и пытаюсь получить от него поддержку в борьбе за освобождение Чехословакии, встретил сочувственный прием и заверения в дружбе, но отказ рассматривать вопрос об оказании помощи. Созданное им в Лондоне правительство в изгнании долгое время не находило признания со стороны Вашингтона. Официальные дипломатические связи с США были установлены только в июле 1941 г., когда после нападения Германии на СССР Москва объявила о безоговорочном признании правительства Бенеша и предложила сформировать воинские части на территории СССР [2]. Уже 30 июля Рузвельт направил личное письмо Бенешу, сообщая об аккредитации при нем американского посланника [3].

В дальнейшем Бенеш и его сторонники стали одним из главных каналов информации для американцев о ситуации в Чехословакии, попутно выступая экспертами по европейским проблемам и внешней политике Советского Союза. Так, в 1942 г. ведущий американский журнал в области международных отношений *Foreign Affairs* опубликовал статью Бенеша, в которой поднимался в том числе и вопрос о будущей роли СССР [4]. В мае 1943 г. чехословацкий президент совершил визит в США, целью которого было привлечение американского внимания к судьбе Чехословакии. Активно выступая на различных мероприятиях и ведя переговоры, он отстаивал идею неизбежного усиления влияния Советского Союза в послевоенной Европе и необходимости сотрудничества с Москвой. Этим он объяснял намерение подписать договор о дружбе с СССР, который должен был служить гарантией против возможного возрождения Германии. В то же время как опытный дипломат Бенеш не мог не чувствовать советской угрозы, и смысл его выступлений состоял в том, чтобы подвигнуть американцев выступить в качестве уравнивающего фактора в Центральной Европе. Упоминая о давних связях между ЧСР и США, о демократических традициях, он предлагал использовать республику в качестве «моста» между Западом и Востоком для налаживания сотрудничества между двумя политическими системами [5].

Этот посыл не встретил большой поддержки в Белом доме. А американский посланник при чехословацком правительстве Энтони Д. Биддл в письме заместителю госсекретаря Самнеру Уэллсу еще в марте 1942 г. высказывал мнение, что Бенеш специально играет на надеждах и страхах британского и американского правительств перед ростом советского влияния [6]. Но тезис о его неизбежном расширении совпадал с другими прогнозами и не мог не учитываться американцами. Он был подтвержден и последующими событиями.

В декабре 1943 г. Бенеш прибыл в Москву, где после торжественного приема был подписан договор о дружбе сроком на 20 лет. Американскому послу в Москве Авереллу Гарриману Бенеш сообщил о заверениях Сталина не вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и не способствовать приходу в ней к власти коммунистов [7]. Тем не менее сближение с СССР вызвало большую обеспокоенность, прежде всего в рядах чехословацких эмигрантов. ФБР, следившее за их активностью в США и передававшее соответствующую информацию в Госдепартамент, сообщало об опасениях представителей чешского и словацкого движения, что после войны ЧСР попадет в сферу советского влияния [8]. Из Москвы поступали подтверждающие сведения. Например, в ноябре 1944 г. американский дипломат Джордж Кеннан сообщал о проведении открытой лекции одного из руководителей компартии Чехословакии Вацлава Копецкого, в которой он заявлял об установлении коммунистического контроля в послевоенной Чехословакии. По словам Кеннана, это был первый подобный случай в Москве [9]. По сути, уже с 1943 г. американцы стали понимать, что ЧСР будет находиться в зоне советского влияния, но исходили из того, что чехословацкое руководство само желало идти на сближение с Москвой.

В то же время, судьба Чехословакии еще не была предрешена. Трудно сказать, насколько упомянутые опасения соответствовали реальным советским планам. 11 января 1944 г. заместитель наркома иностранных дел Иван Майский направил Вячеславу Молотову записку с предложениями о политике СССР в Европе. В частности, Майский писал, что Чехословакия в будущем может стать важным проводником советского влияния, и предлагал способствовать усилению республики для его распространения [10]. Впрочем, ответ на эту записку и реакция Молотова неизвестны. Официально вплоть до 1945 г. СССР придерживался ранее достигнутых с Бенешем договоренностей.

Как отмечалось выше, в январе 1945 г. специалисты Госдепартамента полагали, что чехословацкое правительство имело прекрасные отношения со всеми тремя главными державами антигитлеровской коалиции. На конференции в Ялте была принята декларация, обязывавшая союзников способствовать проведению в освобожденных странах демократических выборов и созданию коалиционных правительств. По всей видимости, американцы считали возможность советизации Чехословакии не единственной возможностью и надеялись на сотрудничество с Москвой. Но каких-то признаков своей заинтересованности они не выказывали.

В марте 1945 г. Бенеш вновь отправился в СССР для согласования окончательных решений о будущем Чехословакии [11]. В Москве президент встретился с советскими руководителями, а также с чехословацкими коммунистами. При согласовании проекта послевоенного развития республики советским специалистам пришлось скорректировать излишне радикальные предложения чешских коммунистов, удалив положение о внешнеполитической ориентации Чехословакии на Советский Союз и добавив тезис о необходимости укрепления дружественных отношений с Великобританией, Францией и США [12]. Однако Бенешу пришлось согласиться на передачу ключевых министерств во временном правительстве коммунистам и согласиться на присоединение Закарпатья к Украине. По словам Гарримана, в этот раз Бенеш был удовлетворен переговорами меньше, чем в 1943 г. [13].

Вскоре Бенеш и члены чехословацкой делегации были переправлены в Словакию, в освобожденный Красной армией город Кошице, где была принята программа послевоенного развития, предполагавшая проведение социалистических реформ и расширение сотрудничества с СССР. При этом западные дипломаты не были допущены к новому правительству, что вызвало первый серьезный протест и опасения с американской стороны [14]. Кроме того, США выступили против советской аннексии Закарпатья. Но это недовольство осталось без последствий.

В апреле 1945 г. американские войска вошли в Западную Богемию и вскоре приблизились к Праге, где началось вооруженное восстание. Американская армия имела все возможности для освобождения чехословацкой столицы. К этому военное командование призывали англичане и сотрудники Госдепартамента. Но командующий союзными войсками генерал Дуайт Эйзенхауэр отдал приказ остановиться на линии, предусмотренной советско-американским соглашением, заявив, что не желает, чтобы американские солдаты умирали за территории, которые придется отдать русским [15]. Тем самым де-факто он признавал сферу будущих советских интересов. В дальнейшем, обсуждая возможность подписания гражданского соглашения с чехословацким правительством, регулирующего отношения в оккупационной зоне, американской стороной было принято решение отказаться от этого шага, поскольку армия США не планировала задерживаться в ЧСР надолго.

В конце мая в Прагу стали прибывать американские дипломаты. Первыми были служивший в Праге до войны Джон Брюинс и временный поверенный в делах США Артур Клиффорд. Последний сообщал о хорошей встрече со стороны населения и руководства страны. Он указывал, что задержка с прибытием американских дипломатов вызывала у чехов опасения, что западные страны оставили Чехословакию наедине с Россией [16]. Американский посол Лоуренс Штейнгардт смог прибыть в ЧСР только в июле 1945 г. Уже в его первых сообщениях можно заметить настороженное отношение к деятельности советской стороны в Чехословакии. Будучи послом США в Москве в 1939–1941 гг., Штейнгардт с недоверием относился к политике Сталина и отстаивал необходимость проведения жесткого курса в отношениях с Москвой, полагая, что Советский Союз уважает лишь силу [17].

В одном из первых своих сообщений в Вашингтон посол констатировал, что чехи и словаки пока в политическом отношении не определились с выбором пути дальнейшего развития и находятся в состоянии своеобразной летаргии. Американский дипломат считал, что необходимо воспользоваться этой ситуацией, поскольку Прага являлась единственным местом в Центральной Европе, где было возможно остановить наступление коммунизма. Более того, он отводил Чехословакии ключевую роль в этом процессе [18]. Клиффорд придерживался такого же мнения, подчеркивая необходимость сохранения связей Чехословакии с Западом [19].

Летом в Вашингтон стали поступать жалобы американских дипломатов на действия советских властей. Клиффорд обращал внимание, что в чехословацкой прессе складывалась серьезная диспропорция в распределении информации в пользу СССР [20]. Штейнгардт писал о совершенной изолированности и беспомощности американской миссии в Праге перед коммунистической прессой и радио [21]. Клиффорд рекомендовал Госдепартаменту активизировать свою политику в отношении ЧСР и прежде всего наладить информационное и культурное влияние с целью распространения информации о целях и идеалах американской политики [22]. Советник (главный представитель) Госдепартамента по Германии Роберт Мерфи предлагал оказать влияние на развитие Чехословакии в демократическом направлении [23].

Определенное влияние на восприятие советской политики оказывали прямые контакты с военнослужащими Красной армии, находившимися в Чехословакии. Помимо дипломатов с ними взаимодействовали американские военные и сотрудники специальных служб. Их сообщения попадали в Госдепартамент через посольство, через командующего XXII армейским корпусом США в Чехословакии генерала Эрнста Хармона и Р. Мерфи. И дипломаты, и военные высказывали свои впечатления от происходивших контактов и сообщали о настроениях местных жителей.

В данных сообщениях можно заметить двойственное отношение к советским военным. На уровне прямых контактов, особенно официального характера, они оставляли преимущественно хорошее впечатление. Например, отмечалось, что при первых встречах русские с любопытством встречали американцев, не стесняясь свободно говорить с ними на общие темы (правда, избегая политики). На официальных мероприятиях были заметны строгая дисциплина и вежливость, дружественный настрой. В рядах советских офицеров был популярен тост «За скорую встречу в Токио» [24]. Мерфи в своих воспоминаниях приводит небольшой эпизод, связанный с его визитом в Чехословакию летом 1945 г. Описывая встречу с советскими офицерами, на которой он присутствовал вместе с генералом Хармоном, Мерфи замечал, что трудности в общении наблюдались, лишь пока не удалось найти переводчика. В дальнейшем непринужденный стиль общения американского командующего вызвал дружественное отношение со стороны советских военных [25]. По словам самого Хармона, в рабочих отношениях с РККА конфликты имели эпизодический характер и в основном касались нарушений линии разграничения между зонами оккупации. При этом советские командиры в каждом случае приносили свои извинения, на что американский генерал отвечал аналогичным образом при нарушениях со своей стороны [26]. В целом отношения в сфере военного взаимодействия оценивались положительно.

Несколько иной взгляд был у американских дипломатов, находившихся в советской зоне оккупации. Клиффорд отмечал, что советские офицеры часто демонстрировали излишнюю самоуверенность, признаки «головокружения от успеха», заявляя, что Германия была разгромлена только благодаря усилиям России. В качестве отрицательной черты отмечались догматизм, наличие политических стереотипов [27]. Среди иных негативных характеристик советских солдат американцы указывали недисциплинированность, неряшливость, грубость, противопоставляя их американским военнослужащим [28].

Если в первые месяцы после освобождения сообщалось, что у местного населения советские солдаты пользовались большой популярностью и симпатией [29], то позже стали подчеркиваться негативные последствия пребывания частей РККА в Чехословакии. По мнению американских дипломатов, большое недовольство местного населения вызывали реквизиции продовольствия [30]. Американские дипломаты в Праге также сообщали о распространившихся с приходом Красной армии угонах и изъятиях автомобилей [31], захвате жилых помещений и вывозе из них имущества [32]. По мнению американцев, подобное поведение было вызвано, во-первых, непризнанием русскими принципа частной собственности, во-вторых, уверенностью советских военнослужащих в том, что они имеют полное право на компенсацию за понесенные потери [33].

Вместе с тем отмечалось и стремление оккупационных властей навести порядок, прежде всего в Праге. Штейнгардт отмечал, что после расстрела нескольких пойманных с поличным преступников положение несколько улучшилось [34]. По словам американцев, советское командование объясняло действия своих солдат невежеством, непониманием того, что они находились в дружественной стране. В тяжелых же преступлениях обвинялись дезертиры либо злоумышленники, использовавшие советскую военную форму. По мнению американцев, популярность Красной армии среди местного населения постепенно снижалась. Дипломаты и военные отмечали, что первоначальные проявления любви и дружбы сменялись разочарованием и недоверием к Красной армии. Клиффорд отмечал, что после многолетней немецкой оккупации чехи «психологически устали и были слишком робкими», чтобы открыто протестовать против ее действий [35].

В сообщениях военных, посещавших Чехословакию летом и осенью 1945 г., также делался акцент на росте негативного отношения к советским солдатам. Указывалось, что среди местных жителей распространялись следующие мнения: «Русские освободили нас от нацистов, но кто же освободит нас от русских?»; «Сталин совершил две ошибки – показал русских Европе и Европу русским»; «Коммунизм – хорошая вещь, но русские – невозможные люди». Американский офицер, совершивший путешествие по Чехии в октябре 1945 г., отмечал, что не слышал ни одного хорошего слова о русских. Везде жаловались на изнасилования и грабежи [36]. Лишь в американской зоне наблюдался рост просоветских настроений, что объяснялось отсутствием прямого контакта с русскими [37].

Все это демонстрировало наличие определенно предвзятого негативного отношения к советским военнослужащим. Американцы воспринимали Красную армию скорее не как освободительную, а как оккупационную. Все это можно объяснить, во-первых, стремлением подчеркнуть в действиях советских солдат именно нетипичные, наиболее спорные случаи поведения; во-вторых, наличием действительного контраста с американскими военными (культурными различиями, материальным состоянием); в-третьих, особенностями получаемой информации (основным ее источником для американцев служили антикоммунистически настроенные чешские и словацкие политики); в-четвертых, определенными стереотипами в отношении русских. В целом

можно заметить, что в 1945 г. в американской среде доминировал негативный образ Красной армии, что сказывалось на росте и антисоветских чувств.

Накладывали свой отпечаток и личные конфликты. Самым серьезным стал произошедший в июне 1945 г. инцидент с Клиффортом, приобретший характер дипломатического скандала. Осматривая в сопровождении хозяина один из домов с целью его аренды, американский дипломат наткнулся на группу советских военнослужащих, один из которых, по словам Клиффорта, высказал угрозы и оскорбления в его адрес и заставил идти для разбирательств в комендатуру. По требованию американцев советская сторона провела разбирательство, однако пришла к выводу, что имело место недоразумение из-за незнания языка и умышленных действий домовладельца (немца, желавшего использовать американского дипломата для выселения русских) [38].

Вместе с тем отношения между американскими военнослужащими и чешским населением Западной Богемии также не были безоблачными. Согласно информации военной разведки, испытывая чувство уважения к армии США, чехи были недовольны дружественным отношением американцев к судетским немцам, подлежащим депортации в Германию [39]. Генерал Хармон упоминал о конфликтах с местным населением в американской зоне. Причина, по его мнению, состояла в том, что американские солдаты принципиально не желали допускать совершавшегося на их глазах насилия в отношении немцев со стороны чехов [40]. В сообщениях ЦК компартии Чехословакии, направляемых в СССР, также сообщалось о недовольстве чешского населения Западной Богемии действиями американских военных из-за терпимого отношения последних к немцам, языковых и культурных различий [41].

Уже летом 1945 г. вопрос о выводе войск из Чехословакии для чехословацкого руководства и для американских дипломатов приобрел принципиальный характер. Согласно договоренностям СССР и США должны были вывести свои силы после завершения военных действий и основных мероприятий по депортациям. Однако ни одна из сторон не торопилась с реализацией этих шагов. Штейнгардт поддерживал позицию президента Бенеша, который добивался скорейшего вывода обеих воинских группировок, но был против односторонней эвакуации американских войск (опасаясь, что в таком случае РККА займет всю Чехословакию). Американский посол указывал, что односторонний вывод войск приведет к удару по престижу США, продемонстрирует, что они признают передачу ее в советскую зону влияния. С этим мнением соглашался и Госдепартамент, но против выступало военное министерство [42].

С другой стороны, советская сторона также не желала делать первый шаг. После того, как стало известно, что советское командование готовится перебросить в ЧСР дополнительные контингенты, использовав республику для расквартирования войск на зиму, президент США Гарри Трумэн направил прямое предложение Сталину об одновременном выводе армий. Последний согласился, и в декабре последние военные части покинули ЧСР [43].

Итоги взаимодействия союзников в Чехословакии должны были продемонстрировать демократические выборы, намеченные на весну 1946 г. Прогнозируя их результаты, обе стороны рассматривали политическую борьбу в Чехословакии в свете острого идеологического противостояния. В дипломатических сообщениях политические партии в республике делились на просоветские (коммунисты) и прозападные (умеренные или демократические силы). Американцы ожидали поражения коммунистов, не веря, что жители ЧСР с глубокими демократическими традициями могут поддержать советский путь развития. СССР рассчитывал на противоположные результаты. Итог стал неожиданным для Вашингтона – коммунисты получили 38% голосов в парламенте и ключевые позиции в правительстве (включая пост премьер-министра) [44]. Это продемонстрировало верность высказывавшихся с 1943 г. опасений. С этого времени в американской прессе и дипломатической переписке Чехословакия стала упоминаться как страна за «железным занавесом» и часть советской сферы влияния. Но победа коммунистов не была безоговорочной. В дальнейшие два года противостояние продолжалось и завершилось лишь в феврале 1948 г., когда компартия получила полный контроль над правительством. Американским послом это было воспринято как победа целенаправленного курса СССР на установление контроля над Чехословакией и неудача американской внешней политики [45].

В целом же можно утверждать, что уже в период Второй мировой войны и сразу после ее окончания в американской среде возможность использования Чехословакии в качестве площадки для сотрудничества с СССР не находила большой поддержки. Уже в 1943–1944 гг. в США стали высказываться опасения по поводу намерения Москвы включить ЧСР в свою сферу влияния, в 1945 г. они стали подтверждаться наблюдениями американских дипломатов. В американской среде господствовали недоверие и предвзятое отношение к советским планам и намерениям. Со своей стороны американцы надеялись повернуть Чехословакию на Запад, вырвать из-под влияния коммунистов с помощью восстановления демократии. Но эта позиция оказалась неэффек-

тивной, поскольку позиция сторонних наблюдателей, которую занимали США, не предполагала вмешательства в дела ЧСР и не была поддержана серьезными ресурсами.

Примечания

1. Memorandum by the Division of Central European Affairs. January 11, 1945 // U. S. Department of States. Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1945. Vol. IV. P. 420–422.
2. J. G. Winant to the Secretary of State. July 4, 1941 // FRUS. 1941. Vol. I. P. 239.
3. Roosevelt to Benes. July 30, 1941 // FRUS. 1941. Vol. II. P. 33.
4. Beneš E. Organization of Postwar Europe // Foreign Affairs. Vol. 20, № 2 (Jan., 1942). P. 226–242.
5. *The New York Times*. May 23, 24 1943. *Серпионова Е. П.* Эдуард Бенеш: Планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 гг. М., 2002. С. 119.
6. Memorandum by the Acting Chief of the Division of European Affairs (Atherton) to the Under Secretary of State (Welles). March 23, 1942 // FRUS. 1942. Vol. II. P. 121–122.
7. A. Harriman to the Secretary of State. December 18, 1943 // FRUS. 1943. Vol. III. P. 730–732.
8. *John E.* Hoover to Adolf A. Berle. 26 June, 1945. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA (далее – NARA). RG 59. 860F.01/7-2644; *John E.* Hoover to Adolf A. Berle. 6 October 1945. RG 59. 860F.01/10-644.
9. *George F.* Kennan to the Secretary of State. NARA. RG 59. 860F.01/11-1144.
10. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: документы: в 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 30.
11. *Марьина В. В.* Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. С. 103.
12. Советский фактор в Восточной Европе. С. 176.
13. A. Harriman to the Secretary of State. March 31, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 430–434.
14. Memorandum for the Secretary of State. April 19, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 440.
15. E. R. Stettinius to the Acting Secretary of State. April 28, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 446; J. Grew to the Ambassador in France (Caffery). May 7, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 449; *Ullmann W.* The United State in Prague, 1945–1948. Boulder, 1978. P. 320; *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 3 кн. Кн. 2: т. III–IV. М., 1991. С. 598.
16. A.W. Klieforth to the Secretary of State. June 8, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 457.
17. *Blankenship C. W.* Nationalization of Industry in Czechoslovakia in 1945: Impact of the United States, Britain, France and the Soviet Union. A PhD dissertation. Lexington, 2002. P. 112.
18. *Потехин А. В.* Дипломатия США в Восточной Европе: 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 59.
19. W. Walton to D. Hulburd, June 30, 1945. Library of Congress. Steinhardt Papers. Box 46.
20. FRUS. 1945. Vol. II. P. 1028–1029, 1036–1037.
21. *Ullmann W.* Op. cit. P. 37.
22. J. Caffery to the Secretary of State. June 5, 1945 // FRUS. 1945. Volume IV. P. 456.
23. R. Murphy to the Secretary of State. October 17, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 499–501.
24. U. S. Army Headquarters in Paris to the War Department. June 1, 1945. NARA. RG 59. Decimal File, 1945–1949. Box 6576. 860F.01/6-245.
25. *Murphy R.* Diplomat among warriors. Garden City, New York, 1964. P. 253–254.
26. E. N. Harmon to A.W. Klieforth. July 7, 1945. NARA. RG 59. Decimal File, 1945–1949. Box 6576. 860F.01/7-1145.
27. A.W. Klieforth to the Secretary of State. June 13, 1945. NARA. RG 319. Entry 57. Box 196.
28. Military Attaché Report. July 7, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
29. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 3, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 3.
30. Lt. Colonel Woldike to L. Steinhardt. July 26, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
31. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 19, 21, 1945; Military Attaché Report. July 7, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
32. L. Steinhardt to the Secretary of State. August 15, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 6.
33. Military Attaché Report. July 7, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
34. L. Steinhardt to the Secretary of State. September 11, 1945. NARA. RG 319. Entry 57. Box 196.
35. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 12, 1945. NARA. RG 59. Decimal File, 1945–1949. Box 4001. 760F.61/6-1245.
36. R. Murphy to the Secretary of State. October 25, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 7.
37. A. W. Klieforth to L. A. Steinhardt. June 4, 1945. L. A. Steinhardt Papers. Library of Congress. Box 46.
38. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 21, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 1.

39. Lt. Colonel R.L. Love to the Headquarters XXII Corps, G-2. July 6, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
40. Memo of Conversations between General Harmon and A. W. Klieforth. July 1, 1945. NARA. RG 84. American Mission to the Czech Government in Exile. General Records, 1941–1945. Box 13.
41. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 33. Л. 6, 14–20.
42. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 488–503.
43. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1958. С. 273–275.
44. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. М. 2005. С. 32.
45. См.: Зорин А. В. Расширение советского влияния в Чехословакии в 1945–1948 гг. в оценках американских дипломатов // Россия и Соединенные Штаты: история отношений: сб. науч. статей. Киров, 2012. С. 182–193.

Notes

1. Memorandum by the Division of Central European Affairs. January 11, 1945 // U.S. Department of States. Foreign Relations of the United States (hereinafter FRUS). 1945. Vol. IV. Pp. 420–422.
2. J. G. Winant to the Secretary of State. July 4, 1941 // FRUS. 1941. Vol. I. P. 239.
3. Roosevelt to Benes. July 30, 1941 // FRUS. 1941. Vol. II. P. 33.
4. E. Beneš Organization of Postwar Europe // Foreign Affairs. Vol. 20, No. 2 (Jan., 1942). Pp. 226–242.
5. The New York Times. May 23, 24 1943. Serapionova E. P. *EHduard Benesh: Plany poslevoennogo razvitiya CHEkhoslovakii i real'nost'* [Eduard Benesh: Plans for post-war development of Czechoslovakia and reality] // *Totalitarizm: istoricheskij opyt Vostochnoj Evropy. «Demokraticheskoe intermecco» s kommunisticheskim finalom. 1944–1948 gg.* – Totalitarianism: the historical experience of Eastern Europe. "Democratic Intermezzo" with Communist final. 1944–1948 M. 2002. P. 119.
6. Memorandum by the Acting Chief of the Division of European Affairs (Atherton) to the Under Secretary of State (Welles). March 23, 1942 // FRUS. 1942. Vol. II. Pp. 121–122.
7. A. Harriman to the Secretary of State. December 18, 1943 // FRUS. 1943. Vol. III. Pp. 730–732.
8. John E. Hoover to Adolf A. Berle. June 26, 1945. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA (hereafter NARA). RG 59. 860F.01/7-2644; John E. Hoover to Adolf A. Berle. 6 October 1945. RG 59. 860F.01/10-644.
9. George F. Kennan to the Secretary of State. NARA. RG 59. 860F.01/11-1144.
10. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope. 1944–1953 gg.: dokumenty: v 2 t.* – The Soviet factor in Eastern Europe. 1944–1953: documents: in 2 vol. Vol. 1. 1944–1948. M. 1999. P. 30.
11. Maryina V. V. *CHEkhoslovackij «Fevral'» 1948 g. nachinal'sya v 1945 g.* [Czechoslovak "February" of 1948 started in 1945] // *Totalitarizm: istoricheskij opyt Vostochnoj Evropy* – Totalitarianism: the historical experience of Eastern Europe. P. 103.
12. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope* – The Soviet factor in Eastern Europe. P. 176.
13. A. Harriman to the Secretary of State. March 31, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. Pp. 430–434.
14. Memorandum for the Secretary of State. April 19, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 440.
15. E. R. Stettinius to the Acting Secretary of State. April 28, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 446; J. Grew to the Ambassador in France (Caffery). May 7, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 449; W. Ullmann, The United State in Prague, 1945–1948. Boulder, 1978. P. 320; Churchill W. *Vtoraya mirovaya vojna: v 3 kn. Kn. 2: t. III–IV.* [The Second world war: in 3 books. Book 2: vol. III–IV]. M. 1991. P. 598.
16. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 8, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. P. 457.
17. W. C. Blankenship Nationalization of Industry in Czechoslovakia in 1945: Impact of the United States, Britain, France and the Soviet Union. A PhD dissertation. Lexington, 2002. P. 112.
18. Potekhin A. V. *Diplomatiya SSHA v Vostochnoj Evrope: 1945–1950 gg.* [U.S. Diplomacy in Eastern Europe: 1945–1950] Kiev. 1991. P. 59.
19. Walton to W. D. Hulburd, June 30, 1945. Library of Congress. Steinhardt Papers. Box 46.
20. FRUS. 1945. Vol. II. Pp. 1028–1029, 1036–1037.
21. W. Ullmann. Op. cit. R. 37.
22. J. Caffery to the Secretary of State. June 5, 1945 // FRUS. 1945. Volume IV. P. 456.
23. R. Murphy to the Secretary of State. October 17, 1945 // FRUS. 1945. Vol. IV. Pp. 499–501.
24. U. S. Army Headquarters in Paris to the War Department. June 1, 1945. NARA. RG 59. Decimal File, 1945–1949. Box 6576. 860F.01/6-245.
25. Murphy R. *Diplomat among warriors.* Garden City, New York, 1964. Pp. 253–254.
26. E. N. Harmon to A. W. Klieforth. July 7, 1945. NARA. RG 59. Decimal File, 1945–1949. Box 6576. 860F.01/7-1145.
27. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 13, 1945. NARA. RG 319. Entry 57. Box 196.
28. Military Attaché Report. July 7, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
29. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 3, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 3.
30. Lt. Colonel Woldike to L. Steinhardt. July 26, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.

31. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 19, 21, 1945; Military Attaché Report. July 7, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
32. L. Steinhardt to the Secretary of State. August 15, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 6.
33. Military Attaché Report. July 7, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
34. L. Steinhardt to the Secretary of State. September 11, 1945. NARA. RG 319. Entry 57. Box 196.
35. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 12, 1945. NARA. RG 59. Decimal File, 1945–1949. Box 4001. 760F.61/6-1245.
36. R. Murphy to the Secretary of State. October 25, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 7.
37. A. W. Klieforth to L. A. Steinhardt. June 4, 1945. L. A. Steinhardt Papers. Library of Congress. Box 46.
38. A. W. Klieforth to the Secretary of State. June 21, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 1.
39. Lt. Colonel R.L. Love to the Headquarters XXII Corps, G-2. July 6, 1945. NARA. RG 84. Czechoslovakia. Classified General Records, 1945–1957. Box 4.
40. Memo of Conversations between General Harmon and A. W. Klieforth. July 1, 1945. NARA. RG 84. American Mission to the Czech Government in Exile. General Records, 1941–1945. Box 13.
41. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* – Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Sh. 128. File 33. Sh. 6, 14-20.
42. FRUS. 1945. Vol. IV. Pp. 488-503.
43. *Perepiska Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR s prezidentami SSHA i prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* – Correspondence to the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the U.S. Presidents and Prime Ministers of Great Britain during the great Patriotic war of 1941-1945. Vol. 2. M. 1958. Pp. 273-275.
44. *CHekhiya i Slovakiya v XX veke. Oчерki istorii.* – The Czech Republic and Slovakia in the twentieth century. Essays on the history. Book 2. M. 2005. P. 32.
45. See: Zorin V. A. *Rasshirenie sovetskogo vliyaniya v CHekhoslavakii v 1945–1948 gg. v ocenkah amerikanskih diplomatov* [Extension of Soviet influence in Czechoslovakia in 1945-1948 with the assessments of American diplomats] // *Rossiya i Soedinennye SHtaty: istoriya otnoshenij: sb. nauch. statej* – Russia and the United States: a history of relations: collection of scientific articles. Kirov. 2012. Pp. 182-193.

УДК 070.482

Е. В. Ситникова

«Епархиальные отголоски»: церковно-общественная газета в контексте преобразований в области печати

Целью статьи является изучение церковного периодического издания «Епархиальные отголоски» как типичного периодического издания, возникшего в 1905–1907 гг. после введения «Временных правил о печати» от 24 ноября 1905 г. Главные задачи исследования связаны с выявлением сути издания, определения его программы и целей, анализа процесса создания и необходимых условий для начала издания газеты, а также выявления причин недолгой деятельности «Епархиальных отголосков» и поводов, которыми могли воспользоваться власти для закрытия издания.

The purpose of this paper is to study the church periodical "Diocesan echoes" as the typical periodical emerged in 1905 – 1907 years after the introduction of the "Provisional Regulations on the Press" on November 24, 1905 The main objectives of the study are associated with the identification of the essence of the publication, the definition of the program and its objectives, and the analysis of the process of creating the necessary conditions for the start of publication of the newspaper, as well as identify the causes of short-lived activity of "Diocesan echoes" and the reason that I could use the power to close the publication.

Ключевые слова: «Епархиальные отголоски», церковная периодическая печать, вятская периодическая печать, временные правила о печати 1905 г., издание газет, уголовное преследование.

Keywords: Diocesan echoes, church periodicals, periodical of Vyatka, temporary regulations on the press of 1905, the publication of newspapers, prosecution.

Революция 1905–1907 гг. стала толчком к множественным преобразованиям во всех сферах жизни российского общества. Не осталась в стороне и периодическая печать. 24 ноября 1905 г. был издан Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременной печати. Временные правила ликвидировали предварительную цензуру для всех периодических изданий, выходящих в городах, отменили административные взыскания, правила о залогах для периодических изданий и некоторые другие ограничения [1]. Новые правила о печати, в сравнении с дореволюционным законодательством, стали значительным шагом вперёд, хотя продолжали ограничивать свободу печати. Они способствовали активному появлению периодических изданий самых разнообразных направлений, поддерживающих различные политические партии и течения. Не осталась в стороне и церковная печать.

В период с 1905 по 1907 г. возникло 201 периодическое церковное издание. Для сравнения, с 1821 по 1855 г. их было всего 6, к 1881 г. – 64, а к 1905 г. – 93 [2].

Периодическая печать служит предметом тщательного изучения многих современных исследователей, но церковная периодика, особенно региональная, изучена намного слабее. Здесь можно выделить работы К. Е. Нетужилова, Г. В. Жиркова, А. Н. Кошеварова, С. Г. Рункевича и других авторов, проявляющих интерес к данной тематике [3].

Местные «Епархиальные ведомости» являются предметом пристального изучения как источник сведений о жизни духовенства и епархии. Но в Вятской губернии существовали и другие, менее известные церковные периодические издания. Одним из них были «Епархиальные отголоски», газета, выходившая в Вятской губернии с 12 апреля 1906 г. (№ 1) по 4 февраля 1907 г. (№ 80–81). Эта газета просуществовала менее года, но она является интересным объектом изучения не только с точки зрения своего содержания, но как пример обычного регионального издания, начавшего своё существования после указа от 24 ноября 1905 г.

Новые правила о печати, которые должны были дать прессе больше свобод, в реальности оказались жёсткими и ограничивающими, что мешало активной и бесперебойной работе газет и журналов. С 17 октября 1905 г. по 31 декабря 1906 г. были закрыты 370 периодических изданий [4], и «Епархиальные отголоски» стали одним из них.

На примере «Епархиальных отголосков» мы хотим рассмотреть типичное частное церковное периодическое издание и ответить на ряд вопросов: Что оно собой представляло? Каковы были его программа и цель? Как происходил процесс создания «Епархиальных отголосков»? Какие были необходимы условия для начала издания газеты? Какие действия редакции могли стать поводом для закрытия газеты? Что послужило причинами недолгой деятельности «Епархиальных отголосков»?

3 марта 1906 г. вятскому губернатору А. Г. Левченко было подано заявление от жены преподавателя Вятской духовной семинарии Елизаветы Ниловны Рукиной. В этом заявлении Е. Н. Рукина сообщала, что намерена с 20 марта 1905 г. начать выпуск газеты «Епархиальные отголоски» и взять на себя обязанности издателя. Согласно программе в газете должны были печататься: «1. Правительственные распоряжения, указы и определения Св. Синода. 2. Руководящие статьи по современным церковным и общественным вопросам. 3. Статьи и заметки богословского, философского, педагогического, миссионерского и литературно-критического содержания. 4. Хроника местной епархиальной жизни; жизнь сельского духовенства (отдел, на который будет обращено особое внимание). 5. Церковная жизнь в других епархиях. 6. Из общественной жизни: по России вообще, жизнь губернского города и уездов. 7. Из периодической печати – духовной и светской. 8. Беллетристический отдел: рассказы, наброски, картинки жизни. 9. Важные последние известия по телеграфу. 10. Библиографический отдел. 11. Смесь: сведения по гигиене, сельскому хозяйству, ответы редакции, обмен мнений по различным вопросам и проч. 12. Объявления» [5]. Газета должна была выходить 2 раза в неделю, размером не более печатного листа. Подписная цена назначалась 5 рублей в год.

Целью издания было «дать возможность духовенству епархии правдиво и честно, без увлечений, высказать свои пастырские думы, объединиться через печатный орган для плодотворной пастырско-практической деятельности, чтобы не идти в разброд в своей культурно-созидательной работе». Направление газеты указывалось как внепартийное [6].

Возможно предположить, что ещё одной причиной появления «Отголосков» стало недовольство местного духовенства состоянием действующих «Епархиальных ведомостей», сильно сдавших свои позиции к 1905 г. [7] и не удовлетворявших практически чаяния приходского духовенства.

Периодические издания принято классифицировать. Их можно разделить по тематике, по идеологической или политической направленности, по обращённости к определённым группам

населения и т. д. Пользуясь классификацией, предложенной К. Е. Нетужиловым, [8] можно классифицировать «Епархиальные отголоски» следующим образом: по ведомственной принадлежности или праву собственности – частное периодическое издание; по тематической направленности – церковно-общественное; по обращённости к читательской аудитории – для духовенства.

Частных изданий церковно-общественной направленности в России с 1821 по 1911 г. было всего 30, учитывая церковно-апологетические. Всего частных журналов самой разнообразной направленности за тот же период – 67. Это из числа всех 364 церковных газет и журналов, вышедших в этот период. Больше всего было изданий церковных обществ – 116 единиц и официальных местных изданий – 102 [9].

Е. Н. Рукина называла свою газету внепартийной. Если придерживаться определения «партийных газет», данное А. В. Шевцовым, то мы можем согласиться с данным утверждением. «...Партийными, – пишет А. В. Шевцов, – признаются издания, официально выпущенные от имени партийных организаций и учреждений, или официально “беспартийные” издания, о которых имеются сведения по выпуску или финансированию конкретными партийными организациями и учреждениями или партийными издателями, в том числе выпущенные от имени частного лица или общественной организации по негласному решению партийных организаций или издателей» [10]. «Епархиальные отголоски» не финансировались никакой партийной организацией. Если говорить о финансировании, то издание существовало в весьма стесненных рамках, о чём может судить переписка редактора газеты с одним из авторов, в котором автора душевно благодарят за сотрудничество, но сокрушаются, что труд в газете, к сожалению, пока не оплачивается и сам редактор работает без оплаты [11].

Тем не менее некоторые исследователи считают «Епархиальные отголоски» газетой, придерживающейся прокатетской позиции [12]. К сожалению, в областной библиотеке им. А. И. Герцена не сохранилось ни одного экземпляра издания, а в Государственном архиве Кировской области имеется один из предпоследних номеров, поэтому нам трудно судить о точности определения данной позиции. Но этот вопрос сейчас не является целью нашего исследования.

Итак, «Епархиальные отголоски» – это частная церковно-общественная газета, которая выпускалась для нужд духовенства – объединение для плодотворной пастырской деятельности. Она была внепартийной и существовала на средства от подписки и на энтузиазме своих создателей. Издателем газеты, между прочим, выступала женщина, хотя во всех документах она позиционирует себя в первую очередь не как простую женщину, а как жену преподавателя Вятской духовной семинарии, жену священника.

Какие условия необходимо было выполнить, чтобы получить право издавать свою газету?

Согласно ст. 4 отд. VII Временных правил печати от 24 ноября 1905 г. для начала издания было необходимо получить установленное свидетельство. Отсутствие такого свидетельства влекло за собой денежный штраф в размере до трёхсот рублей [13].

9 марта 1906 г. Е. Н. Рукина получила свидетельство, о чём было уведомлено Главное Управление по делам печати [14].

Редактором «Епархиальных отголосков» Е. Н. Рукина поручила быть И. Н. Иконникову, секретарю Губернской земской управы и кандидату богословия [15].

Редактор периодического издания должен был соответствовать определённым требованиям. И. Н. Иконников, ссылаясь на ст. 3 отд. VII Высочайше утверждённых правил о печати, сообщил губернатору, что вполне удовлетворяет этим требованиям [16]. Во-первых, редактором временного издания мог быть только русский подданный, достигший возраста двадцати пяти лет, во-вторых, он должен был обладать общей гражданской правоспособностью [17].

Кажется достаточно странным, что Е. Н. Рукина сообщает вятскому губернатору, что из-за финансовых соображений она вынуждена пересмотреть изначально намеченную типографию М. М. Шкляевой и отдать печать «Епархиальных отголосков» в типографию Сычёвой [18]. Какая разница губернатору, где будет печататься частное издание? Но Рукина действует согласно новым правилам о печати. Ст. 3 отд. VIII предупреждает, что выпуск в свет повременного издания с заведомо ложным указанием заведения, в котором оно оттиснуто, наказывается заключением в тюрьме от двух месяцев до одного года и четырёх месяцев [19].

Чтобы получить право на издание газеты, издатель должен был получить свидетельство установленного образца. Редактор издания должен был соответствовать ряду определённых требований, а вышестоящие органы должны были быть уведомлены не только о том, кем выпускается газета, но и о том, где она печатается.

Последний номер «Епархиальных отголосков» вышел 4 февраля 1907 г. Что послужило столь быстрому закрытию газеты? Несмотря на недостаточное финансирование, она держалась

на плаву и не собиралась самораспускаться. На «Епархиальные отголоски» начались гонения со стороны власти. Те законы, которые должны были дать печати свободу, стали инструментом карательной политики.

Одной из причин закрытия «Епархиальных отголосков» послужили трения этой достаточно либеральной газеты с официальными «Епархиальными ведомостями», находившимися под контролем епископа Филарета и переживавшими в тот период не лучшее состояние. С точки зрения официального духовенства, «Отголоски» были слишком либеральными и слишком конкурентоспособными – они печатали больше статей общественно-политической направленности, чем это делали «Епархиальные ведомости», а значит, были живее и больше интересовывали читателей, чутко держащих руку на пульсе времени в беспокойный период революции, чем увязшие в официозе «Епархиальные ведомости».

Весной 1907 г. епископ добился закрытия «Отголосков» и административной высылки её редактора Д. С. Рукина, преподавателя Вятской духовной семинарии, мужа издательницы Е. Н. Рукиной, сменившего на этом посту И. Н. Иконникова [20].

Не обошлось без трения со светскими властями. Вызвать их недовольство было просто: выпустить в печать статью, которую могли классифицировать как публичную речь, побуждающую к смуте.

Необходимо понимать, что любая статья по острому общественному вопросу (нельзя забывать, что революция всё ещё продолжается), даже не предлагающая конкретных решений и не призывающая к вооружённому выступлению, может быть названа побуждающей к измене и бунту. Хотя, разумеется, это был не единственный повод закрыть газету, как показывает пример «Епархиальных отголосков», против издателя, редактора и содержателя типографии которых было возбуждено сразу несколько дел по нескольким статьям.

29 декабря 1906 г. из Вятки был выслан редактор «Отголосков» И. Н. Иконников. Однако газета продолжала выходить с его подписью в каждом номере [21]. Как оказалось, уезжая, он оставил в типографии А. М. Сычёвой заявление, согласно которому за время его отсутствия под всеми номерами редактируемой им газеты должны были подписывать его фамилию. Ответственность редактора он брал на себя [22]. Это позволило вятскому вице-губернатору 22 января 1907 г. просить прокурора вятского окружного суда возбудить против редактора И. Н. Иконникова, содержательницы типографии А. М. Сычёвой и издательницы Е. Н. Рукиной дело, так как они нарушили ст. 1, 2 и 3 отд. VIII повременных правил о печати от 24 ноября 1905 г. К прошению прилагались № 71–74 для подтверждения нарушения [23].

Что предусматривали эти статьи? Ст. 1 предусматривает денежное взыскание до трёхсот рублей за выпуск «в свет номера повременного издания без подписи ответственного редактора либо издателя или без обозначения типографии, в которой печатается, или адреса издания» [24]. Ст. 2 предусматривает заключение в тюрьме на срок от четырёх до восьми месяцев «за помещение в заявлении о принятии на себя обязанностей редактора... заведомо ложных сведений относительно обстоятельств, обуславливающих право быть редактором» [25]. Ст. 3 наказывает заключением в тюрьме на срок от двух месяцев до года и четырёх месяцев за выпуск в свет повременного издания с заведомо ложным означением имени издателя или ответственного редактора [26].

Если обвинения по статьям 1 и 2 могут рассматриваться с натяжкой, то статья 3 явно была нарушена Иконниковым. Столь его легкомысленное поведение повлекло за собой возбуждение уголовного дела [27].

Но проблемы редакции на этом не закончились. 30 января 1907 г. в № 78–79 вышла статья «Мимходом». В ней обсуждается вопрос о самовольных захватах крестьянами земли. Автор рассуждал, что наконец и духовенство начало высказываться по жгучему вопросу, но что же оно говорит? Автор, рассматривая примеры известных ему образцов проповедей, приходит к выводу, что пастыри считают, что право частной собственности на землю и её купля-продажа не противоречат Священному Писанию. Он начинает собственное рассуждение и приходит к выводу, что по его мнению, «коренящаяся в народном сознании идея о том, что земля ничья, Божья, что её нельзя ни продавать, ни покупать, а можно лишь ею пользоваться, притом только тем, кто трудится сам, не прибегая к наёмному труду, более согласуется со словом Божиим, чем воззрения пастырей» [28]. Заключение неизвестного автора, что «идея о праве частной собственности на землю, которую пастыри проводят в проповедях, несостоятельна с точки зрения здравого смысла, не согласуется со словом Божиим и противоречит учению отцов Церкви...» [29], заставило вице-губернатора вновь обратиться к прокурору с просьбой возбудить против бывшего редактора И. Н. Иконникова уголовное преследование по ст. 129 Уголовного Уложения и «войти в суд со-

гласно 14 ст. отд. VII Врем. прав. о поврем. издан., с ходатайством о временном приостановлении газеты впредь до постановления судебного приговора» [30].

Статья 129 Уголовного Уложения «О смуте» наказывает виновного в произнесении или чтении публичной речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к учинению бунтовщического или изменнического деяния; к ниспровержению существующего в государстве общественного строя; к неповиновению или противодействию закону... ссылкой на поселение или заключением в исправительном доме на срок не свыше трёх лет» [31].

Статья «Мимоходом» пришла в редакцию ещё тогда, когда Иконников был официальным редактором, но даже если бы он лично не пропустил эту статью в печать, то его подпись под выходящим без него изданием сделала бы его ответственным.

К счастью для редакции, прокурор Казанской Судебной палаты не нашёл состава преступления в действиях И. Н. Иконникова, допустившего в печать статью «Мимоходом», «так как неизвестный автор, разбирая точки зрения различных духовных лиц, в конце концов делает вывод, что [32] «Государственная Дума – единственное средство для крестьян добиться **законным** путём удовлетворения своих нужд...». Дело было прекращено [33].

6 марта 1907 г. прокурор Вятского окружного суда уведомил об этом вице-губернатора, а 31 марта сообщил также «для сведения, что дело о редакторе газеты «Епархиальные отголоски», кандидате богословия Иване Николаевиче Иконникове, издательнице той же газеты, жене учителя Елизавете Ниловне Рукиной, и содержательнице типографии Агнии Михайловы Сычёвой, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных п. в ст. 1., ст. 2 и п. б. ст. 3 отд. VIII врем. прав. о поврем. изд. 24 ноября 1905 года, возникшее по сообщению Вашему от 22 января 1907 года, за № 131, определением Вятского Окружного Суда, состоявшимся 31 января 1907 года, на основании 523 ст. Уст. Угол. Суд., производством прекращено, за отсутствием признаков преступления» [34].

Уголовные преследования были прекращены, но редакция была слишком ослаблена и дезорганизована, чтобы выдержать ещё один натиск, на этот раз духовных властей, и приостановленное издание не продолжило свою работу.

Причиной закрытия «Епархиальных отголосков» послужили трения газеты с церковными и светскими властями, недовольными её активной общественной деятельностью. Поводов для закрытия периодического издания могло быть множество: от обвинения в неправильном указании адреса типографии и имени редактора (что могло быть просто случайностью или недосмотром) до обвинения в бунтовщических и изменнических деяниях, что мы можем наблюдать в случае с «Епархиальными отголосками».

Новые правила о печати отменили старые ограничения и позволили возникнуть множеству периодических изданий, что вело к развитию общественной мысли, политических и гражданских свобод. Но новые ограничения так же быстро закрывали эти издания, как они открывались, не давая им развернуться в полную силу.

Создание «Епархиальных отголосков» было попыткой создать реально действующий печатный орган для помощи духовенству в организации его пастырской работы, но в текущих социально-экономических и политических условиях, находясь под строгим контролем государства и церкви, эта попытка была обречена на поражение.

Примечания

1. Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1994. С. 193.
2. *Нетужилов К. Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 46.
3. *Нетужилов К. Е.* Указ. соч.; Журналистика. – Церковь. – Просвещение: сб. статей. Вып. 2 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: С.-Петербур. ун-т, 2002. 141 с.; *Кашеваров А. Н.* Печать русской православной церкви в XX веке: очерки истории. СПб.: Роза мира, 2004. 164 с.; *Рункевич С. Г.* Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.
4. Российское законодательство X–XX вв. С. 194.
5. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 176. Д. 158. Л. 1.
6. Там же. Л. 1 об.
7. *Поселянин Е. К.* К вопросу о «Епархиальных ведомостях» // Душеполезное чтение. 1904. № 11. С. 483–484.
8. *Нетужилов К. Е.* Указ. соч. С. 42–43.
9. Там же. С. 45.
10. *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 10.

11. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.
12. Пухов Д. Ю. Демократическая пресса Урала в период революции 1905–1907 гг. По материалам Вятской и Пермской губерний, 2007. С. 247.
13. Ст. 4 отд. VII. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. С. 196.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 176. Д. 158. Л. 3 об.
15. Там же. Л. 1 об.
16. Там же. Л. 2.
17. Ст. 3 отд. VII. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. С. 196.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 176. Д. 158. Л. 4.
19. Ст. 3 отд. VIII. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. С. 198.
20. Нетужилов К. Е. Либерализм в церковной журналистике начала XX в. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. № 2. Т. 14, 2013. С. 143.
21. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 257. Л. 2.
22. Там же. Л. 3.
23. Там же. Л. 5.
24. Ст. 1 отд. VIII. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. С. 198.
25. Ст. 2 отд. VIII. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. С. 198.
26. Ст. 3 отд. VIII. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. С. 198.
27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 257. Л. 7.
28. Мимоходом // Епархиальные отголоски. 1907. № 78–79. С. 6.
29. Там же. С. 7.
30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 257. Л. 8.
31. Уголовное Уложение. Ст. 129 «О Смуте» // Российское законодательство X–XX вв. С. 308.
32. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1246. Л. 16.
33. Там же.
34. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 257. Л. 11.

Notes

1. *Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HKH vv. T. 9. Zakonodatel'stvo ehpoi burzhuazno-demokraticeskikh revolyucij* – Russian legislation of X–XX centuries. Vol. 9. The legislation of the epoch of bourgeois-democratic revolutions / edited by O. I. Chistyakov. M. Yurid. lit. 1994. P.193.
2. Netuzhilov K. E. *Cerkovnaya periodicheskaya pechat' v Rossii XIX stoletiya* [Church periodical press in the nineteenth century]. SPb. Publishing house of St. Petersburg University. 2007. P. 46.
3. Netuzhilov K. E. Op. cit.; *Zhurnalistika. – Cerkov'. – Prosveshchenie: sb. statej. Vyp. 2* – Journalism. – Church. – Education: coll. art. Vol. 2 / under the editorship of G. V. Zhirkov. SPb. St. Petersburg Univ. 2002. 141 p.; Kashevarov A. N. *Pechat' russkoj pravoslavnoj cerkvi v HKH veke: ocherki istorii* [Press of the Russian Orthodox Church in the twentieth century: essays on the history]. SPb. The rose of the world. 2004. 164 p.; S. G. Runkevich *Russkaya cerkov' v XIX v.* [The Russian Church in the XIX century] St. Petersburg. 1901.
4. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation of X–XX centuries. P.194.
5. *Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (GAKO)* – State archive of the Kirov region (GAKO). F. 582. Sh. 176. File 158. Sh. 1.
6. Ibid. Sh. 1 turn.
7. Poselyanin E. K. *K voprosu o «Eparhial'nyh vedomostyah»* [To the question of "Diocesan Bulletin"] // *Dushepoleznoe chtenie* – Edifying reading. 1904, No. 11, pp. 483-484.
8. Netuzhilov K. E. Op. cit. Pp. 42-43.
9. Ibid. P. 45.
10. Shevtsov A. V. *Izdatel'skaya deyatel'nost' russkikh nesocialisticheskikh partij nachala XIX veka* [Publishing activity of Russian non-socialist parties of the early twentieth century]. St. Petersburg. 1997. P. 10.
11. ГАКО. Ф. 170. Ш. 2. Файл 1. Ш. 5.
12. D. Y. Pukhov *Demokraticeskaya pressa Urala v period revolyucii 1905–1907 gg. Po materialam Vyatskoj i Permskoj gubernij* [Democratic press of the Urals in the period of revolution of 1905-1907. On the materials of Vyatka and Perm provinces] 2007. P. 247.
13. *St. 4 отд. VII. Imennoj Vysochajshij ukaz pravitel'stvuyushchemu Senatu o vremennyh pravilah o povremennyh izdaniyah ot 24 noyabrya 1905 g.* – Art. 4 dep. VII. Personal Imperial decree of the governing Senate on the provisional rules for periodical press of November 24, 1905 // *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation X–XX centuries. P. 196.
14. ГАКО. Ф. 582. Ш. 176. Файл 158. Ш. 3 turn.
15. Ibid. Sh. 1 turn.
16. Ibid. Sh. 2.

17. *St. 3 ot d. VII. Imennoj Vysochajshij ukaz pravitel'stvuyushchemu Senatu o vremennyh pravilah o povremennyh izdaniyah ot 24 noyabrya 1905 g.* – Art. 3 dep. VII. Personal Imperial decree of the governing Senate on the provisional rules for periodical press of November 24, 1905 // *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation X–XX centuries. P. 196.
18. GAKO. F. 582. Sh. 176. File 158. Sh. 4.
19. *St. 3 ot d. VIII. Imennoj Vysochajshij ukaz pravitel'stvuyushchemu Senatu o vremennyh pravilah o povremennyh izdaniyah ot 24 noyabrya 1905 g.* – Art. 3 dep. VIII. Personal Imperial decree of the governing Senate on the provisional rules for periodical press of November 24, 1905 // *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation X–XX centuries. P. 198.
20. Netuzhilov K. E. *Liberalizm v cerkovnoj zhurnalistike nachala XIX v.* [Liberalism in the religious journalism of the early twentieth century] // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* – Herald of the Russian Christian humanitarian Academy. No. 2, vol. 14, 2013, p. 143.
21. GAKO. F. 582. Sh. 140. File 257. Sh. 2.
22. Ibid. Sh. 3.
23. Ibid. Sh. 5.
24. *St. 1 ot d. VIII. Imennoj Vysochajshij ukaz pravitel'stvuyushchemu Senatu o vremennyh pravilah o povremennyh izdaniyah ot 24 noyabrya 1905 g.* – Art. 1 dep. VIII. Personal Imperial decree of the governing Senate on the provisional rules for periodical press of November 24, 1905 // *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation X–XX centuries. P. 198.
25. *St. 2 ot d. VIII. Imennoj Vysochajshij ukaz pravitel'stvuyushchemu Senatu o vremennyh pravilah o povremennyh izdaniyah ot 24 noyabrya 1905 g.* – Art. 2 dep. VIII. Personal Imperial decree of the governing Senate on the provisional rules for periodical press of November 24, 1905 // *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation X–XX centuries. P. 198.
26. *St. 3 ot d. VIII. Imennoj Vysochajshij ukaz pravitel'stvuyushchemu Senatu o vremennyh pravilah o povremennyh izdaniyah ot 24 noyabrya 1905 g.* – Art. 3 dep. VIII. Personal Imperial decree of the governing Senate on the provisional rules for periodical press of November 24, 1905 // *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation X–XX centuries. P. 198.
27. GAKO. F. 582. Sh. 140. File 257. Sh. 7.
28. *Mimohodom* – Passing by // *Eparhial'nye otgoloski* – Diocesan echoes. 1907, No. 78-79, p.6.
29. Ibid. P.7.
30. GAKO. F. 582. Sh. 140. File 257. Sh. 8.
31. *Ugolovnoe Ulozhenie. St. 129 «O Smute»* – Criminal Code. Art. 129 "On the smoot" // *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* – Russian legislation X–XX centuries. P. 308.
32. GAKO. F. 33. Sh. 2. File 1246. Sh. 16.
33. Ibid.
34. GAKO. F. 582. Sh. 140. File 257. Sh. 11.

УДК 93

М. А. Смирнов, А. А. Смирнова

Деятельность губернской власти и общественных организаций Вятской губернии по оказанию социальной помощи населению в начальный период Первой мировой войны*

Статья посвящена описанию особенностей организации социальной помощи населению в период участия Российской империи в начальный период Первой мировой войны. Анализируются деятельность общественных организаций на государственном и региональном уровне, а также их взаимодействие с институтом государственной власти в лице губернатора. Указывается, что в рассматриваемый период происходит увеличение полномочий губернаторов, появляются новые общественные организации, направленные на оказание помощи нуждающимся.

The article describes the peculiarities of social assistance to the population during the period of participation of the Russian Empire in the First World war. Analyzes the activities of public organizations at the state and regional level. As well as their interaction with the Institute of government in the person of the Governor. Indicates that in

© Смирнов М. А., Смирнова А. А., 2015

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области в рамках проекта проведения научных исследований «Общественно-политическая жизнь Вятско-Камского региона в годы Первой мировой войны», проект № 14-11-43002.

the period under review, there is an increase in the powers of governors, new public organization aimed at helping those in need.

Ключевые слова: общественные организации, общество, Вятская губерния, поддержка, Первая мировая война.

Keywords: public organizations, society, Vyatka province, support, the First world war.

Первая мировая война была огромным испытанием для всех ее участников. Российская империя, так же как и остальные страны-участницы мирового конфликта, в условиях военного времени вынуждена была усилить внимание к решению обострившихся социальных проблем, связанных с помощью семьям военнослужащих, ушедших на фронт, помощью раненым, беженцам, организацией госпиталей и др. В частности, резко повысилась степень инвалидизации общества [1], что потребовало включить помощь инвалидам в число важнейших направлений социальной функции государства.

Чрезвычайные условия побудили представителей государственной власти объединить усилия с общественными организациями в решении актуальных социальных проблем и сформировать единые подходы к их преодолению. В этот период в стране активно создавались различные общественные организации для организации помощи государственным структурам по различным направлениям, в том числе оказание социальной помощи.

На государственном уровне с момента своего образования и до революционных преобразований 1917 г. «главное заведование общественным призрением принадлежало» Министерству внутренних дел [2]. Огромный вклад в оказание социальной помощи внесли благотворительные учреждения, находящиеся под покровительством Дома Романовых. Наиболее крупными из них были: Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны (включая Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых), Российское общество Красного Креста, Императорское человеколюбивое общество, а также «Попечительство о трудовой помощи, Татьянинский комитет, Ольгинский комитет» [3]. Основная деятельность Особого Петроградского комитета Ее Императорского Высочества Княжны Ольги Николаевны, или Ольгинского комитета, состояла в организации помощи нуждающимся семьям, чьи родственники, мужья были призваны на войну. Татьянинский комитет занимался в основном организацией помощи беженцам. У названных общественных учреждений были филиалы в отдельных губерниях, в которых проводилась активная работа по организации помощи нуждающимся группам населения.

Помимо уже существующих организаций, занимающихся оказанием социальной помощи, появлялись новые, деятельность которых была направлена на решение проблем, вызванных военным временем. В августе 1914 г. был создан Верховный совет по призрению семейств лиц, призванных на войну, а также семейств раненых и павших воинов под председательством императрицы Александры Федоровны. В его состав входили первые лица государства: председатели Совета министров, Государственного совета, Государственной думы, Российского общества Красного Креста, обер-прокурор Синода, министры. Комитет объединял «правительственную, общественную и частную деятельность по оказанию помощи семьям призванных» [4]. В начале войны произошло открытие Всероссийского общества здравниц в память войны 1914–1915 гг., целью которого было «содействие возможно полному восстановлению здоровья страждущих в Российской Империи и, прежде всего, участников войны 1914–1915 годов и пострадавших от нее, а также членов семей тех и других, путем пользования их в здравницах» [5].

Важное место в оказании социальной помощи занимала и благотворительность частных лиц, которая выражалась в виде пожертвований на одежду, медикаменты, оборудование и иные нужды военного времени.

На частные пожертвования открывали госпитали, лазареты. Так, осенью 1914 г. в Большом Царскосельском дворце был открыт большой госпиталь имени Императрицы Александры Федоровны [6]. Особенностью данного госпиталя было его оснащение новейшим оборудованием. В палатах этого госпиталя в качестве сестер милосердия работала сама государыня с дочерьми Ольгой и Татьяной.

Совместная деятельность государственных структур, общественных организаций и частных лиц по оказанию социальной помощи нуждающимся способствовала более эффективной реализации социальной политики в стране в условиях военного времени.

В регионах организация помощи населению осуществлялась на государственном, общественном и частном уровне. Проводниками социальной политики государства в губерниях были

губернаторы. С момента вступления России в Первую мировую войну деятельность губернаторов стала определяться условиями военного времени.

Вятской губернией в данный период управлял губернатор А. Г. Чернявский [7]. Губернатор был представителем Верховного начальника санитарной и эвакуационной части Российской империи. Он занимался организацией процесса мобилизации, организацией помощи раненым и семьям служащих в действующих войсках. Под руководством губернатора был создан Губернский эвакуационный распорядительный и попечительный о раненых комитет [8]. Комитет занимался организацией помощи семьям служащих действующих войск, раненым и инвалидам.

А. Г. Чернявский был утвержден в должности уполномоченного Красного Креста на Вятском эвакуационном пункте в ноябре 1914 г. [9], занимался организацией призрения, эвакуации и рассеивания душевнобольных солдат действующей армии [10]. В августе 1914 г. начальник губернии был назначен Председателем Вятского губернского отделения комитета Е. И. В. по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, а в январе 1915 г. назначен по просьбе княгини Марии Павловны особо уполномоченным в Вятской губернии по снабжению вольной одеждой отправленных на родину больных и раненых воинов [11].

А. Г. Чернявскому, принявшему в управление новую губернию в чрезвычайных условиях, пришлось срабатываться с новым коллективом, принимать дела по управлению и одновременно интенсивно готовить подконтрольную ему местность к условиям военного времени. Большую помощь в решении этих вопросов ему оказывала общественность.

В губернии действовали различные общественные организации социальной направленности: Попечительный совет комитета Вятской общины сестер милосердия, Вятский местный отдел состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (председательница Е. И. Дьяченко), Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, ремесленное убежище для слепых женщин в г. Вятке, Вятское братство во имя Божией Матери всех скорбящих радости для попечения о слепых женского пола, Общество вспомоществования престарелым и неспособным к труду рабочим, Вятская команда выздоравливающих и др. [12]

В связи с возросшей необходимостью в поддержании социально не защищенных слоев населения создавались новые общества. Так, 17 августа 1914 г. в Вятке было открыто Общество помощи семьям запасных и ратников. Великая княгиня Татьяна Николаевна благодарила вятского губернатора за то, что благодаря его усилиям общество «получило в фонд 12 тыс. руб. и около 2 тыс. руб. ежемесячных обеспеченных поступлений». Только в день открытия Общество помощи семьям запасных и ратников получило более 4 тыс. руб. пожертвований. В состав общества входили свыше 400 человек [13]. Помимо финансовой помощи семьям военнослужащих общество обеспечило возможность содержать 100 детей в приюте и пожертвовало 2000 руб. комитету временной помощи пострадавшим от военных действий [14].

Часть учреждений занималась организацией свободного времени больных солдат. В результате было налажено проведение просветительских курсов, чтение лекций. Усилиями Кружка по устройству для раненых и больных воинов разумных и полезных занятий и развлечений постоянным явлением в Вятке стали музыкальные, певческие, литературные вечера, спектакли и фотографирование [15]. В Сарапульском кружке помощи жертвам войны были организованы занятия по обучению грамотности и ручному труду [16].

Результатом совместных усилий государственных структур, общественных организаций, церкви и частных лиц было открытие 20 мая 1915 г. Дома инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 гг. [17], специально предназначенного для увечных воинов и сирот. Прием инвалидов был организован с 15 июня 1915 г., данное учреждение было готово принять 100 инвалидов и 100 сирот [18]. Дом содержался на пожертвования частных лиц, общественных организаций, Вятского губернского земства [19]. Во флигеле дома была организована «образцовая механическая прачечная», в которой работали инвалиды. Работали «сапожная и портняжная мастерские, была открыта школа грамоты» [20].

В уездах губернии создавались кружки, которые организовывали чтение лекций, музыкально-вокальные вечера, проведение опытов, демонстрацию световых картин, обучение играм в шахматы и шашки.

В сложный исторический период в Российской империи происходил процесс консолидации общества. В Вятской губернии, несмотря на относительную удаленность от театра боевых действий, прослеживался аналогичный общероссийскому патриотический подъем среди населения. Сама губерния становилась местом социальной помощи участникам боевых действий и их семьям. Социальная мобилизация присутствовала во всех общественных институтах губернии, эта тенденция сопровождалась усилившимся взаимодействием власти и общества. Объединяющим

звеном в проведении социальных инициатив был губернатор, который консолидировал провинциальную общественность в рамках системы вспомоществования. Как глава местной системы управления, он проводил политику по оказанию посильной помощи нуждающимся. В свою очередь общественные организации проявляли социальную ответственность перед незащищенной частью населения и государством в целом.

В итоге в рамках Первой мировой войны социальная мобилизация органов местного управления, самоуправления и негосударственных объединений была выражена в целом ряде социально значимых инициатив: организации сбора и распределения пожертвований для участников боевых действий, организации досуговых мероприятий раненым и семьям военнослужащих, помощи военнослужащим, семьям военнослужащих и лиц, получивших увечья вследствие боевых действий, и др. Высокий уровень социальной ответственности, единение на основе патриотического подъема государства и общества свидетельствовали о конструктивном диалоге, продуктивном партнерстве жителей провинциальной губернии и представителей власти в решении вышеназванных проблем. Подобная практика наиболее ярко прослеживается в начальный период Первой мировой войны, пока у людей была сильна вера в справедливость и целесообразность участия России в мировом конфликте. Однако даже в условиях резких изменений в общественных настроениях, вызванных чередой поражений русской армии и утратой доверия к императору и государственной власти в целом, мероприятия по оказанию вспомоществования нуждающимся и незащищенным слоям населения проводились по-прежнему совместными усилиями и с полной отдачей.

Примечания

1. *Зальцман Т. В.* Раненые Первой мировой: как рождалась государственная система помощи инвалидам. URL: <https://www.miloserdie.ru/>
2. *Янченко И. Л.* Взаимодействие Министерства внутренних дел Российской Империи с государственными учреждениями и общественными организациями по вопросам общественного призрения (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3–4.
3. *Кадневский В. М.* Благотворительность Дома Романовых в годы Первой мировой войны // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 110.
4. *Букалова С. В.* Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. С. 105–106.
5. Устав состоящего под Августейшим Покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Всероссийского Общества здравниц в память войны 1914–1915 гг. // Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права). М., 1996. С. 236.
6. *Кадневский В. М.* Указ. соч. С. 111.
7. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 583. Оп. 603. Д. 962. Л. 14; Ф. 582. Оп. 154. Д. 77. Л. 24.
8. *Казаковцев С. В.* Организация госпиталей и лазаретов в Вятской губернии во время Первой мировой войны // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 137.
9. ГАКО. Ф. 638. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.
10. Там же. Л. 60.
11. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 962. Л. 11.
12. Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1913 год. Вятка: Изд-во губстаткомитета, 1913. С. 58–60; ГАКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
13. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1915 г. Вятка: Изд-во губстаткомитета, 1915. С. 11.
14. Там же. С. 11.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 79. Л. 2.
16. *Казаковцев С. В.* Указ. соч. С. 139.
17. Дом инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 гг., устроенный Вятским обществом помощи семьям запасных. Вятка. 1915. С. 5.
18. Там же. С. 30.
19. Там же. С. 32.
20. *Судовиков М. С.* Благотворительные инициативы купечества Вятской губернии в период войн XIX – начала XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 63–64.

Notes

1. *Zalzman T. V.* *Ranenyje Pervoj mirovoj: kak rozhdalas' gosudarstvennaya sistema pomoshchi invalidam* [Wounded of the First world: as state system for the disabled was born]. Available at: <https://www.miloserdie.ru/>
2. *Yanchenko I. L.* *Vzaimodejstvie Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Imperii s gosudarstvennymi uchrezhdeniyami i obshchestvennymi organizacijami po voprosam obshchestvennogo prizreniya (istoriko-pravovoj*

aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Interaction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire with state institutions and public organizations on issues of public charity (historical-legal aspect): abstract. dis. ... Cand. of Legal Sciences]. M. 2012. Pp. 3-4.

3. Kadnevski V. M. *Blagotvoritel'nost' Doma Romanovyh v gody Pervoj mirovoj vojny* [Charity of the House of Romanov during the First world war] // *Vestnik Omskogo universiteta* – Herald of Omsk University. 2014, No. 3, p. 110.

4. Bukalova S. V. *Orlovskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny: social'no-ehkonomicheskie, organizacionno-upravlencheskie i obshchestvenno-politicheskie aspekty (dorevolucionnyj period: iyul' 1914 – fevral' 1917 goda): dis. ... kand. ist. nauk* [Orel province during the First world war: social and economic, organizational-administrative and socio-political aspects (the pre-revolutionary period: July 1914 – February 1917): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Orel. 2005. Pp. 105-106.

5. *Ustav sostoyashchego pod Avgustejschim Pokrovitel'stvom Ee Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Aleksandry Fedorovny Vserossijskogo Obshchestva zdravnic v pamyat' vojny 1914–1915 gg.* – Statutes made under the August Patronage of Her Imperial Majesty Empress Alexandra Feodorovna of the Russian Society resorts to the memory of the war 1914-1915 // *Voennoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii (Kodeks russkogo voennogo prava)*- Military legislation of the Russian Empire (the Russian military Code of law). M. 1996. P. 236.

6. Kadnevski V. M. Op. cit. P. 111.

7. *Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (GAKO)*- State archive of the Kirov region (GAKO). F. 583. Sh. 603. File 962. Sh. 14; F. 582. Sh. 154. File 77. Sh. 24.

8. Kazakovtsev S. V. *Organizaciya gospiitalej i lazaretov v Vyatskoj gubernii vo vremya Pervoj mirovoj vojny* [Organization of hospitals and infirmaries in Vyatka province during the First world war] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2007, No. 9, p. 137.

9. GAKO. F. 638. Sh. 1. File 35. Sh. 3.

10. Ibid. Sh. 60.

11. GAKO. F. 583. Sh. 603. File 962. Sh. 11.

12. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Vyatskoj gubernii na 1913 god* – Memorial book and address-calendar of Vyatka province in 1913. Vyatka: Publishing house of gubstatcommittee 1913. Pp. 58-60; GAKO. F. 1199. Sh. 1. File 1. Sh. 2.

13. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1915 g.*- Memorial book of Vyatka province and the calendar for 1915 Vyatka: Publishing house of gubstatcommittee. 1915. P. 11.

14. Ibid. P.11.

15. GAKO. F. 582. Sh. 154. File 79. Sh. 2.

16. Kazakovtsev S. V. Op. cit. P. 139.

17. *Dom invalidov i sirot Velikoj vojny 1914–1915 gg., ustroennyj Vyatskim obshchestvom pomoshchi sem'yam zapasnyh* – House of disabled people and orphans of the great war 1914-1915, hosted by Russian society of assistance to the families of the spare. Vyatka. 1915. P.5.

18. Ibid. P. 30.

19. Ibid. P. 32.

20. Sudovikov M. S. *Blagotvoritel'nye iniciativy kupechestva Vyatskoj gubernii v period vojn XIX – nachala XX veka* [Charity initiatives of merchants Vyatka province during the wars of XIX – early XX century] // *Voennno-istoricheskij zhurnal* – The historical journal. 2010, No. 12, pp. 63-64.

УДК 94(470.4)«17/18»:314.6

Т. А. Васина

Духовные росписи как источник по истории семьи населения Пудемского завода конца XVIII – начала XIX в.

Статья анализирует типологию домохозяйств горнозаводского населения конца XVIII – начала XIX в. на примере жителей рабочего поселка при Пудемском железодельном заводе Глазовского уезда Вятской губернии. Источниковой базой исследования послужили духовные росписи (исповедные ведомости) за 1791, 1800, 1810 и 1820 гг. Рассматриваемые документы позволили выявить половозрастной баланс населения, количество семей, их поколенный и родственный состав, число супружеских пар, провести сопоставление возрастов супругов, определить процент жителей, состоявших в браке, долю неполных семей. По результатам исследования были сделаны выводы, что изменение структуры домохозяйств происходило в рамках жизненного цикла семьи – разрастания малых семей до расширенных и сложных и нового их сокращения вследствие выдачи повзрослевших дочерей замуж и отделения сыновей. Демографическая ситуация в рабочем поселке характеризовалась превалированием молодежи; традиционный тип воспроизводства отличался высокими уровнями рождаемости и смертности, особенно смертности в детском и тру-

доспособном возрасте, а повышенная смертность мужчин приводила к увеличению процента неполных семей и перевесу женщин в структуре заводского общества.

The article analyzes the typology of the households of the mountain factory population in the late 18th – early 19th centuries for example the Pudem factory in the Vyatka province. The source bases of study are the lists of parishioners' families 1791, 1800, 1810 and 1820 years. These documents helped to identify the age and gender balance of the population, the number of families, the generations and related structures of the households, the number of marriages, the age of spouses, the percentage of single-parent families. The author concluded by results of research that the changes in the structure of the households occurred within the family life cycle and the demographic situation characterized by a predominance of young people in the Pudem factory despite significant mortality (especially men and children mortality).

Ключевые слова: Вятская губерния, Пудемский завод, горнозаводское население, структура домохозяйств.

Keywords: Vyatka Province, Pudem factory, population of mountain factory, structure of households.

Пудемский железодельный завод был основан в 1759 г. казанскими купцами Д. И. и А. И. Ляпиными и П. А. Келаревым на р. Пудем (с 1780 г. располагался в административных границах Глазовского уезда Вятского наместничества, в дальнейшем – губернии). В 1774 г. предприятие было продано уральскому промышленнику И. П. Осокину, а с 1848 г. принадлежало ярославским купцам: коммерции советнику А. М. Пастухову и его племяннику Н. П. Пастухову. Рабочий поселок был небольшим: согласно ревизским сказкам, в 1834 г. здесь насчитывалось 267 «мастеровых и рабочих заводских людей», в 1850 г. – 436 приписных «вечноотданных» и крепостных на посессионном праве [1]. Заводское население первоначально относилось к приходу Свято-Троицкой церкви с. Елово (в самом Пудеме богослужения стали проводиться только с конца 1860 г.) [2].

Приходское духовенство в числе основных своих обязанностей составляло духовные росписи (или исповедные ведомости) – посемейные списки православных прихожан, бывших на исповеди и уклонившихся от нее. Данная документация была введена в Российской империи указом Петра I от 17 февраля 1718 г. с целью выявления раскольников для их налогообложения. В качестве исторического источника для изучения типологии и состава домохозяйств духовные росписи представляют большой интерес, поскольку содержат сведения о количестве дворов, численности жителей мужского и женского пола в каждом селении прихода, включают фамилии и имена глав семей и их членов, указывают степень родства и возраст [3]. В то же время в исповедных ведомостях, как правило, не регистрировались младенцы в возрасте до одного года (в некоторых документах – до полугода), то есть в действительности людность и структура домохозяйств могли быть несколько больше и сложнее указанных. Кроме того, в текстах встречается различное написание фамилий и ошибочная фиксация возраста домочадцев (расхождения особенно заметны при изучении генеалогии или жизненного цикла семьи), старообрядцы показывались отдельно от своих семей. Но, несмотря на ряд недостатков, исповедные ведомости, составлявшиеся ежегодно, помогают проследить изменения родственной и поколенной структуры семейств в периоды между ревизиями.

Рассматриваемые в статье духовные росписи конца XVIII – начала XIX в. (1791, 1800, 1810, 1820 гг.), хранящиеся в фонде «Глазовское духовное правление» Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), позволили проанализировать половозрастной баланс населения рабочего поселка при Пудемском заводе, выявить количество семей, их поколенный и родственный состав, число супружеских пар, людность домохозяйств, провести сопоставление возрастов супругов, определить процент жителей, состоявших в браке, долю неполных семей.

Прежде всего документы отражают половозрастную структуру семей пудемских жителей (см. табл. 1).

Половозрастной состав семей жителей Пудемского завода по данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.

Возраст	1791 г.		1800 г.		1810 г.		1820 г.	
	М. п.	Ж. п.						
До 1 г.	Нет данных							
1–4	20 (14,1%)	19 (14,5%)	16 (9,6%)	23 (13,3%)	1 (0,6%)	3 (1,8%)	42 (18,5%)	34 (13,5%)
5–9	18 (12,7%)	17 (13,0%)	29 (17,4%)	25 (14,5%)	16 (9,7%)	11 (6,7%)	31 (13,7%)	38 (15,1%)
10–14	14 (9,9%)	12 (9,2%)	18 (10,8%)	22 (12,7%)	21 (12,7%)	26 (15,8%)	19 (8,4%)	37 (14,7%)
15–24	24 (16,9%)	18 (13,7%)	31 (18,6%)	27 (15,6%)	39 (23,6%)	43 (26,1%)	50 (22,0%)	48 (19,0%)
25–44	38 (26,8%)	45 (34,4%)	41 (24,6%)	41 (23,7%)	45 (27,3%)	42 (25,5%)	53 (23,3%)	60 (23,8%)
45–59	22 (15,5%)	16 (12,2%)	25 (15,0%)	31 (17,9%)	25 (15,2%)	31 (18,8%)	17 (7,5%)	28 (11,1%)
60–74	3 (2,1%)	3 (2,3%)	6 (3,6%)	3 (1,7%)	17 (10,3%)	9 (5,5%)	12 (5,3%)	5 (2,0%)
75–84	3 (2,1%)	1 (0,8%)	1 (0,6%)	1 (0,6%)	1 (0,6%)	–	3 (1,3%)	2 (0,8%)
Итого*	142 (100,1%)	131 (100,1%)	167 (100,2%)	173 (100,0%)	165 (100,0%)	165 (100,2%)	227 (100,0%)	252 (100,0%)

* Сумма цифр в скобках может быть более 100,0% вследствие округления чисел до десятой доли.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1177. Л. 77 об. – 80; Д. 1289. Л. 1309 об. – 1312; Д. 1361. Л. 1445 об. – 1448 об.; Д. 1463. Л. 234 об. – 239.

Если принять за основу следующую классификацию возрастов (16–24 года – юность, 25–44 – зрелость и 45–59 – поздняя зрелость, 60–75 – пожилые, более 75 лет – старики, свыше 90 лет – долгожители [4]), то будет заметно, что общая демографическая ситуация в промышленном поселке отличалась превалированием молодежи, даже с учетом отсутствия сведений о младенцах. Дети и подростки от одного года до 14 лет насчитывали в 1791 г. 36,7% жителей (обоих полов), в 1820 г. – 40,6% мужской части населения и 43,3% – женской. Юноши 15–24 лет в 1791 г. охватывали 16,9% обывателей, в 1820 г. – 22,0%, девушки – соответственно 13,7 и 19,0%. Люди зрелого возраста (25–59 лет) составляли в 1791 г. 42,3% мужчин и 46,6% женщин, в 1820 г. – 30,8 и 34,9% (табл. 1). В то же время процент лиц пожилого и особенно старческого возраста был небольшим, что может свидетельствовать о невысокой продолжительности жизни вследствие значительного уровня смертности, преимущественно детей и жителей трудоспособного возраста. Например, по материалам метрических книг, в 1810 г. в Пудеме грудные младенцы насчитывали 63,6% от числа умерших мужского пола и 56,3% – скончавшихся женского пола, следующее повышение числа смертей приходилось на возрастные группы 1–4, 15–24, 40–44, 60–69 лет [5].

Анализ обывателей рабочего поселка по признаку пола показал небольшие изменения доли мужчин (по отношению к численности женщин): в 1791 г. – 52,0%, в 1800 г. – 49,1%, в 1810 г. – 50,0%, в 1820 г. – 47,4%. При этом с повышением возраста баланс полов заметно менялся. Чаще всего в исследованные годы перевес женской части населения наблюдался в зрелом возрасте. Например, в 1791 г. в категории от 25 до 44 лет на 100 мужчин приходилось 118,4 женщин, в 1820 г. – 113,2; в категории от 45 до 59 лет в 1800 и 1810 гг. на 100 мужчин зафиксированы 124,0 женщины, а в 1820 г. – 164,7. В отдельных случаях наблюдался перевес женской части населения в детских и подростковых группах: у 1–4-летних в 1800 г. на 100 мальчиков приходилось 143,8 девочек, а в 1810 г. – 300,0; у 5–9-летних в 1820 г. на 100 мальчиков зарегистрировано 122,6 девочек; у 10–14-летних на 100 мальчиков в 1800 г. приходилось 122,2 девочек, в 1810 г. – 123,8, в 1820 г. – 194,7 (рассчитано по данным табл. 1). Подобная ситуация была свойственна многим поселениям при металлургических предприятиях горного ведомства. Согласно исследованию С. В. Голиковой, на Урале превышение «женского населения над мужским выступало в качестве долговременной тенденции демографического развития уже с конца XVIII в.» [6] Нарушение гендерного баланса было связано преимущественно с повышенной смертностью жителей мужского пола вследствие занятости мужчин на тяжелой заводской работе.

В 1791 г. в Пудемском заводе числились 49 семей, в 1800 и 1810 гг. – 57, в 1820 г. – 60. Размер семьи в среднем составлял от 5,6 до 8,0 человек (более подробно показан в табл. 2).

**Размер семьи у жителей Пудемского завода
по данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.**

Число человек в семье	Количество семей			
	1791 г.	1800 г.	1810 г.	1820 г.
1	1 (2,0%)	1 (1,8%)	–	2 (3,3%)
2	5 (10,2%)	6 (10,5%)	4 (7,0%)	2 (3,3%)
3	5 (10,2%)	6 (10,5%)	6 (10,5%)	2 (3,3%)
4	6 (12,3%)	6 (10,5%)	12 (21,1%)	3 (5,0%)
5	10 (20,4%)	11 (19,3%)	13 (22,8%)	6 (10,0%)
6	8 (16,3%)	4 (7,0%)	4 (7,0%)	6 (10,0%)
7	5 (10,2%)	6 (10,5%)	4 (7,0%)	10 (16,7%)
8	5 (10,2%)	4 (7,0%)	5 (8,8%)	8 (13,3%)
9	–	8 (14,0%)	4 (7,0%)	4 (6,7%)
10	–	1 (1,8%)	2 (3,5%)	4 (6,7%)
11	3 (6,1%)	2 (3,5%)	–	6 (10,0%)
12	–	1 (1,8%)	1 (1,8%)	1 (1,7%)
13	–	–	1 (1,8%)	1 (1,7%)
14	–	–	–	2 (3,3%)
16	–	1 (1,8%)	–	–
17	1 (2,0%)	–	–	–
18	–	–	1 (1,8%)	2 (3,3%)
24	–	–	–	1 (1,7%)
Итого*	49 (99,9%)	57 (100,0%)	57 (100,1%)	60 (100,0%)

* Сумма цифр в скобках может быть более или менее 100,0% вследствие округления чисел до десятой доли.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1177. Л. 77 об. – 80; Д. 1289. Л. 1309 об. – 1312; Д. 1361. Л. 1445 об. – 1448 об.; Д. 1463. Л. 234 об. – 239.

Самое крупное в 1791 г. семейство А. Л. Батарина включало 17 родственников: хозяина, его жену, родного сына и двух приемных сыновей (младший из которых был женат и имел пять дочерей), вдову брата с двумя женатыми сыновьями и внуком. К 1800 г. семья существенно сократилась: хозяин умер, осталась его вдова Н. А. Батарина с приемными сыновьями (при младшем находились жена и дочь). А к 1810 г., вследствие раздела домохозяйства, Н. А. Батарина проживала с одним приемным сыном, снохой (его женой) и двумя внуками (его дочерьми). В 1820 г. самой крупной стала семья Я. С. Никитина: хозяин-вдовец, два женатых сына с внуками, женатый внук с правнуком, дочь-вдова и внуки от третьего сына (всего 24 человека). Для сравнения: в 1800 г. эта семья включала 11 домочадцев: хозяина, жену, двух дочерей, трех сыновей (двое женаты), внука и внучку.

По характеру родства было выделено несколько типов домохозяйств жителей рабочего поселка (табл. 3).

Таблица 3

**Родственный состав семей жителей Пудемского завода
по данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.**

Типы семей	1791 г.	1800 г.	1810 г.	1820 г.
Одиноко проживающие	1 (2,0%)	1 (1,8%)	–	2 (3,3%)
Малые, в т. ч.:	28 (57,1%)	31 (54,4%)	25 (43,8%)	15 (25,0%)
Супружеские пары	5 (10,2%)	4 (7,0%)	4 (7,0%)	1 (1,7%)
Родители с детьми	23 (46,9%)	27 (47,4%)	21 (36,8%)	14 (23,3%)
Расширенные, в т. ч.:	6 (12,3%)	5 (8,8%)	12 (21,1%)	3 (5,0%)
Родители – дети + снохи (жены сыновей)	6 (12,3%)	5 (8,8%)	12 (21,1%)	2 (3,3%)
Родители – дети + братья/сестры главы семьи	–	–	–	1 (1,7%)
Сложные, в т. ч.:	14 (28,5%)	20 (35,3%)	20 (35,3%)	39 (65,0%)
Родители – дети – внуки (в т. ч. женатые)	7 (14,3%)	14 (24,6%)	12 (21,1%)	29 (48,3%)
Родители – дети – внуки – правнуки	–	1 (1,8%)	–	2 (3,3%)
Родители – дети – внуки + брат/сестра главы семьи	–	1 (1,8%)	3 (5,3%)	–

Родители – дети + женатый племянник с детьми	1 (2,0%)	–	1 (1,8%)	–
Родители – дети + женатый племянник с детьми и внуками	–	–	–	1 (1,7%)
Дядя + женатые племянники с детьми	1 (2,0%)	1 (1,8%)	–	–
Братские однопоколенные (3 женатых брата без детей)	–	–	1 (1,8%)	–
Братские двухпоколенные (2–3 женатых брата с детьми и без них, дополнительно могут быть неженатые братья/сестры или сноха – вдова брата)	4 (8,2%)	1 (1,8%)	2 (3,5%)	6 (10,0%)
Братские трехпоколенные (женатые братья, а также сноха – вдова брата, с детьми и внуками)	1 (2,0%)	2 (3,5%)	1 (1,8%)	1 (1,7%)
Прочие, в т. ч.:	–	–	–	1 (1,7%)
Дети без родителей (2 неженатых брата)	–	–	–	1 (1,7%)
Итого*	49 (99,9%)	57 (100,3%)	57 (100,2%)	60 (100,0%)

* Сумма цифр в скобках может быть более или менее 100,0% вследствие округления чисел до десятой доли.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1177. Л. 77 об. – 80; Д. 1289. Л. 1309 об. – 1312; Д. 1361. Л. 1445 об. – 1448 об.; Д. 1463. Л. 234 об. – 239.

Согласно материалам духовных росписей, в 1791, 1800 и 1810 гг. в Пудемском заводе доминировали малые семьи, включавшие два варианта родственных отношений: супружеские пары и супругов с несовершеннолетними или еще неженатыми/незамужними детьми. Второе по численности место занимали сложные семьи, отличавшиеся заметной вариативностью. К ним отнесены трех- и четырехпоколенные семейства (родители с детьми, внуками и правнуками, а также другими родственниками; братские семьи – проживавшие в одном дворе женатые братья с детьми и внуками и т. д.). В начале XIX в. доля сложных семей постепенно увеличивается и к 1820 г. становится в заводском поселке преобладающей (65,0%), в основном за счет сокращения числа малых домохозяйств. Промежуточное положение между малыми и сложными занимали расширенные семьи в составе родителей, детей и иных родственников (братьев и сестер главы домохозяйства, снох, так как примачество (прием зятя) не было широко распространено – лишь в 1820 г. отмечено два случая). Наименьший процент насчитывали проживавшие одиноко вдовы и несовершеннолетние дети без родителей (табл. 3).

По числу поколений были выделены одно-, двух-, трех- и четырехпоколенные семьи. Данные табл. 4 свидетельствуют, что у пудемских жителей преобладали двухпоколенные семейства, а на втором по распространенности месте находились трехпоколенные (за исключением 1820 г.); реже всего зафиксировано проживание в одном дворе четырех поколений.

Таблица 4

Поколенная структура семей жителей Пудемского завода по данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.

Число поколений	1791 г.	1800 г.	1810 г.	1820 г.
1	6 (12,3%)	5 (8,8%)	5 (8,8%)	4 (6,7%)
2	33 (67,4%)	33 (57,9%)	35 (61,4%)	23 (38,3%)
3	10 (20,4%)	18 (31,6%)	17 (29,8%)	30 (50,0%)
4	–	1 (1,8%)	–	3 (5,0%)
Итого*	49 (100,1%)	57 (100,1%)	57 (100,0%)	60 (100,0%)

* Сумма цифр в скобках может быть более 100,0% вследствие округления чисел до десятой доли.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1177. Л. 77 об. – 80; Д. 1289. Л. 1309 об. – 1312; Д. 1361. Л. 1445 об. – 1448 об.; Д. 1463. Л. 234 об. – 239.

Доля неполных семей (где по причине смерти отсутствовал один из родителей, в основном в первом или втором поколениях) была довольно высокой и увеличивалась на протяжении изучаемого периода. В 1791 г. было выявлено 8 таких домохозяйств (16,3%), в 1800 г. – 14 (24,1%), в 1810 г. – 21 (36,8%), в 1820 г. – 30 (50,0%). При этом число вдов превышало число мужчин, оставшихся без хозяйки. Например, в 1820 г. у пудемских жителей было зафиксировано 26 вдов (в возрасте от 31 года до 79 лет, средний возраст – 54,2 года) и 11 вдовцов (от 34 до 82 лет, средний

возраст – 67,2 лет), следовательно, одиноких женщин насчитывалось больше, чем одиноких мужчин, и средний возраст вдов был ниже, чем вдовцов (то есть женщины вдовели раньше и чаще вследствие повышенной мужской смертности).

По числу супружеств семьи распределялись следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

Число супружеских пар в семьях жителей Пудемского завода по данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.

Число пар в семье	1791 г.	1800 г.	1810 г.	1820 г.
0	2 (4,1%)	6 (10,5%)	6 (10,5%)	7 (11,7%)
1	32 (65,3%)	32 (56,1%)	27 (47,4%)	25 (41,7%)
2	12 (24,5%)	14 (24,6%)	16 (28,1%)	23 (38,3%)
3	2 (4,1%)	4 (7,0%)	7 (12,3%)	5 (8,3%)
4	1 (2,0%)	1 (1,8%)	1 (1,8%)	-
Итого*	49 семей (100,0%)	57 семей (100,0%)	57 семей (100,1%)	60 семей (100,0%)

* Сумма цифр в скобках может быть более 100,0% вследствие округления чисел до десятой доли.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1177. Л. 77 об. – 80; Д. 1289. Л. 1309 об. – 1312; Д. 1361. Л. 1445 об. – 1448 об.; Д. 1463. Л. 234 об. – 239.

Преобладали домохозяйства, включавшие по одной супружеской паре, на втором по численности месте находились семьи с двумя матримониальными союзами. При этом на протяжении изучаемого периода наблюдалась тенденция к увеличению доли семейств с двумя-тремя супружествами и сокращению численности домохозяйств с одной парой. Четыре семейных союза в 1791–1810 гг. зафиксированы всего в одном случае. В то же время супружеств вовсе не было в 1791 г. в 2 семьях (4,1%), а в 1820 г. – уже в 7 (11,7%) (табл. 5). Согласно выполненным расчетам, в 1791–1820 гг. в среднем на 100 жителей приходилось 18–25,5 матримониальных союзов.

Соотношение возрастов супругов показано в табл. 6. В большинстве брачных пар традиционно муж был старше жены. При этом преобладала небольшая разница в возрасте (в 1–3 года), которая, тем не менее, в отдельных случаях могла достигать заметной величины при повторных венчаниях.

Таблица 6

Соотношение возрастов мужа и жены в семьях жителей Пудемского завода по данным духовных росписей конца XVIII – начала XIX в.

Разница в возрасте	1791 г.		1800 г.		1810 г.		1820 г.	
	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа
Одногодки	5 (7,6%)		12 (15,8%)		30 (35,7%)		13 (15,1%)	
1 год	6 (9,1%)	3 (4,6%)	8 (10,5%)	6 (7,9%)	10 (11,9%)	-	30 (34,9%)	-
2 года	10 (15,2%)	2 (3,0%)	5 (6,6%)	5 (6,6%)	7 (8,3%)	-	20 (23,3%)	-
3 года	7 (10,6%)	3 (4,6%)	3 (4,0%)	-	6 (7,1%)	-	12 (13,9%)	-
4 года	5 (7,6%)	-	7 (9,2%)	1 (1,3%)	4 (4,8%)	-	5 (5,8%)	-
5 лет	3 (4,6%)	1 (1,5%)	4 (5,3%)	-	8 (9,5%)	-	1 (1,2%)	-
6 лет	3 (4,6%)	1 (1,5%)	4 (5,3%)	1 (1,3%)	3 (3,6%)	-	-	-
7 лет	1 (1,5%)	-	2 (2,6%)	1 (1,3%)	3 (3,6%)	-	-	-
8 лет	2 (3,0%)	1 (1,5%)	3 (4,0%)	-	1 (1,2%)	-	-	-
9 лет	1 (1,5%)	-	1 (1,3%)	-	1 (1,2%)	-	1 (1,2%)	-
10 лет	2 (3,0%)	-	1 (1,3%)	-	2 (2,4%)	-	-	-
11–15 лет	5 (7,6%)	-	7 (9,2%)	-	6 (7,1%)	-	2 (2,3%)	-
16–20 лет	3 (4,6%)	-	1 (1,3%)	-	2 (2,4%)	-	2 (2,3%)	-
21–25	1 (1,5%)	-	3 (4,0%)	-	1 (1,2%)	-	-	-
31–35 лет	1 (1,5%)	-	1 (1,3%)	-	-	-	-	-
Всего	50 (75,9%)	11 (16,7%)	50 (65,9%)	14 (18,4%)	54 (64,3%)	-	73 (84,9%)	-
Итого пар*	66 (100,2%)		76 (100,1%)		84 (100,0%)		86 (100,0%)	

* Сумма цифр в скобках может быть более 100,0% вследствие округления чисел до десятой доли.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1177. Л. 77 об. – 80; Д. 1289. Л. 1309 об. – 1312; Д. 1361. Л. 1445 об. – 1448 об.; Д. 1463. Л. 234 об. – 239.

Таким образом, проведенный анализ духовных росписей жителей Пудемского завода конца XVIII – начала XIX в. позволил прийти к следующим выводам. Демографическая ситуация в рабочем поселке, несмотря на отсутствие данных о числе младенцев, характеризовалась превалированием молодежи (детей, подростков, юношей и девушек) и малой долей населения пожилого и старческого возрастов. Этот факт свидетельствует о наличии в изучаемый период традиционного типа воспроизводства, отличавшегося высокими уровнями рождаемости и смертности, особенно смертности в детском и трудоспособном возрастах (и соответственно небольшой продолжительностью жизни). Наблюдались колебания доли женской части населения по отношению к мужской, но в целом повышенная смертность мужчин (вследствие их занятости на производстве, основанном на физически тяжелом труде) приводила к увеличению процента неполных семей и перевесу женщин в структуре заводского общества. Изменение типологии домохозяйств происходило в рамках жизненного цикла семьи – разрастания малых семей до расширенных и сложных и нового их сокращения вследствие выдачи повзрослевших дочерей замуж и отделения сыновей. В итоге к концу изучаемого периода (1820 г.) в промышленном поселке было отмечено сокращение количества малых одно- и двухпоколенных семейств за счет роста числа сложных трех- и четырехпоколенных, то есть зафиксирована стадия усложнения поколенной и родственной структуры и увеличения размеров (людности, числа супружеских пар) домохозяйств путем появления новых родственников (принятия в семью снох – жен сыновей, рождения детей, внуков и правнуков).

Примечания

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 8. Д. 88. Л. 57–70; Д. 118. Л. 75–95, 101–106.
2. Православные храмы Удмуртии: справочник-указатель. Ижевск, 2000. С. 217.
3. Там же. С. 29.
4. *Мотревич В. П.* Историческая демография России: учеб. пособие. Екатеринбург, 2000. С. 123.
5. *Васина Т. А.* Демографические процессы в горнозаводских округах Камско-Вятского региона (конец XVIII–XIX в.): монография. Ижевск, 2014. С. 246–248.
6. *Голикова С. В.* Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001. С. 115.

Notes

1. State archive of the Kirov region. F. 176. Sh. 8. File 88. Sh. 57–70; File 118. Sh. 75–95, 101–106.
2. *Pravoslavnye hramy Udmurtii: Spravochnik-ukazatel'* [Orthodox churches of Udmurtia: directory]. Izhevsk. 2000. P. 217.
3. Ibid. P. 29.
4. *Motrevich V. P. Istoricheskaja demografija Rossii: Uchebnoe posobie* [Historical demography Russia: Textbook]. Yekaterinburg. 2000. P. 123.
5. *Vasina T. A. Demograficheskie processy v gornozavodskih okrugah Kamsko-Vjatskogo regiona (konec XVIII–XIX v.): monografija* [Demographic processes in the mining and metallurgical districts of the Kama-Vyatka region (the end of XVIII–XIX c.): Monograph]. Izhevsk. 2014. Pp. 246–248.
6. *Golikova S. V. Sem'ja gornozavodskogo naselenija Urala XVIII–XIX vekov: demograficheskie processy i tradicii* [Family of mining and metallurgical population Urals XVIII–XIX centuries: the demographic processes and traditions]. Yekaterinburg. 2001. P. 115.

УДК 94(47).084.9

В. В. Рашевский, А. С. Иванов

Образы нефтяных городов Ханты-Мансийского округа начала 1960-х гг. в геологических нарративах*

Объектом внимания авторов являются предметно-пространственные образы сибирских нефтяных городов начала 1960-х гг., рожденные сознанием геологов. Основу источниковой базы данной работы составили полевые материалы, собранные в ходе интервьюирования информантов (2010–2015 гг.) в городах Тюмень, Сургут и Нефтеюганск. На материалах двух молодых нефтяных городов 1960-х гг. (Сургут, Нефтеюганск) в работе раскрыт процесс создания, функционирования и интерпретации в сознании первооткрывателей западносибирской нефти образов «чужих» пространств и культур. В контексте дихотомии

«центра – периферии» раскрывается территориальная-культурная зональность Сургута и Нефтеюганска начала 1960-х гг. На основе изучения устных источников, впервые вводимых в научный оборот, авторы приходят к выводу о вытеснении в нарративах позитивных событийных коннотаций негативными образами городского пространства начала 1960-х гг.

The focus of the authors are subject-spatial images of Siberian oil cities of the beginning of the 1960s, born of the minds of geologists. The basis of the source base of this work has consisted of field materials, collected during interviews with informants (2010–2015) in the cities of Tyumen, Surgut and Nefteyugansk. On the materials of two young oil cities in the 1960s (Surgut, Nefteyugansk) in the work revealed the process of creation, functioning and interpretation in the mind of the discoverers of west-siberian oil of the images of other spaces and cultures. In the context of the dichotomy "center-periphery" is revealed territorial-cultural zoning of Surgut and Nefteyugansk beginning of the 1960s. Based on the study of oral sources, for the first time introduced into scientific circulation, the authors come to the conclusion that the displacement in the positive event narratives connotations negative images of urban space the early 1960s.

Ключевые слова: нефтяные города, геологи, Ф. К. Салманов, образ города, урбанизация.

Keywords: oil city, geologists, F. K. Salmanov, the image of the city, urbanization.

Город является постоянно меняющимся территориально-пространственным образованием. Формы и практики городских трансформаций и урбанизации сегодня находятся в поле зрения социально-гуманитарной науки – антропологии города, которая осуществляет свои исследования в междисциплинарном синтезе с молодыми историографическими направлениями – урбан-историей, исторической имагологией и историей повседневности.

Такой междисциплинарный подход актуален при изучении геологического и нефтегазового освоения Ханты-Мансийского автономного округа начала 1960-х гг., которое осуществлялось главным образом в урбанистической форме расселения, поскольку города региона (Сургут, Нефтеюганск) в то время представляли собой противоречивые объекты для интерпретаций. С одного ракурса они выступали как уникальные социокультурные пространства, а с другого – как будущие социалистические индустриальные центры – новые полисы коммунистической Сибири. В сибирской историографии сегодня принято считать, что именно высадка геологов в населенных пунктах Севера Западной Сибири детерминировала процесс официального получения ими статусов городов (Сургут, Нефтеюганск, Мегион) [1].

В этом контексте объектом исследования статьи выступают предметно-пространственные образы сибирских нефтяных городов начала 1960-х гг., которые рождались в сознании геологов-первооткрывателей западносибирской нефти, и поэтому позволяют раскрыть истоки и условия формирования городской среды, идентичности и образа жизни в процессе противоречивой советской урбанизации. Исследование образного пространства приобретает особое значение по той причине, что его элементы оказывают определяющее влияние на внутреннее состояние индивидов, их поведение и самочувствие. Облик города и его восприятие формируют социокультурную среду населенных пунктов.

Основу источниковой базы данной работы составили полевые материалы, собранные в городах Тюмень, Сургут и Нефтеюганск в 2010–2015 гг. посредством интервьюирования информантов – участников геологических экспедиций 1960-х гг. Интервьюирование проводилось на базе опросника, составленного на основе «руководства по биографическому интервью», обоснованного в исследовании П. Томпсона [2]. При работе с устными источниками был применен реконструктивный перекрестный анализ, что позволило сравнить сведения из нарративных источников с данными, полученными из источников других видов.

Анализ репрезентации в сознании геологов облика молодых нефтегазовых городов позволил сгруппировать получаемые образы в социально-проблемные группы, что, в свою очередь, дало возможность составить структурированный образ нефтяного городского центра Ханты-Мансийского округа начала 1960-х гг.

Первая социально-проблемная группа связана с чувством оторванности сибирского региона от Большой земли, что порождало комплекс ассоциаций с дикой, неосвоенной, даже заброшенной территорией. Отдаленность имела вполне реальное измерение. Знаменитый геолог Ф. К. Салманов (в 1957–1962 гг. – начальник Юганской и Сургутской нефтегазовых экспедиций) в своих воспоминаниях отмечал, что «сургутяне не случайно называли Тюмень “материком”, а себя считали “островными” жителями. В начале сентября уходил последний теплоход, и до самого июня над закованной в ледяной панцирь Обью стояла тишина» [3]. Прибывший вместе с женой в августе 1963 г. в Нефтеюганск (до октября 1961 г. поселок Усть-Балык) бурильщик

В. Н. Лемещенко добирался из Тюмени до места назначения неделю [4]. Проблема отдаленности дополнялась ощущением встречи с чужим («другим») краем, которое усиливалось наличием бескрайних болот и лесов в регионе. Воспоминания водителя Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции (У-БНРЭ) В. И. Карплюка рисуют картинку встречи с «диким» Севером: «После срочной службы я пожелал испытать себя, поехал на Север, как тогда говорили, за романтикой и длинным рублём. И вот ранней осенью катер “Верный” причалил к берегу Усть-Балыкской земли. Я с жутью посмотрел на дикий берег – ничего не было видно, кроме болота и леса» [5].

«Природная суровость» Севера в представлении информантов сливалась с неустроенностью северных городских пространств, что предопределило первоначальное негативное восприятие городских поселений в целом. Инспектор отдела кадров Сургутской нефтеразведочной экспедиции (СНРЭ) М. Г. Рыжова вспоминает: «Как прилетела в Сургут, ужасно не понравилось... ни машин нет, ни дорог нет» [6]. Ей вторит химик-аналитик лаборатории СНРЭ Л. И. Халилова: «Первое впечатление от города мрачное – дорог нет, холод... Морозы страшные, конечно, мешали зимой, а летом – болота, в которых тонул транспорт и с трудом приходилось его доставать» [7].

В то же время образы неосвоенных природных ландшафтов, покорявшихся отважными «первопроходцами», логично вписывались в официальную прогрессистскую марксистско-ленинскую идеологию и «освоенческую» парадигму, которые видели закономерный итог исторического развития в превращении природы в элемент «планового, рационально организованного процесса жизнедеятельности общества» [8]. Так, согласно историку О. Н. Стафееву, люди, приехавшие на Север Западной Сибири, были объединены идеей индустриального похода на неосвоенный и суровый край, которая давала импульс к движению вперед [9]. Первооткрыватель нефти Ф. К. Салманов восторгался тем, что А. С. Барсуков (руководитель Главтюменнефтегазстроя с 1965 г.) во время пребывания в Нефтеюганске «заставил ощутить холодное прикосновение расчета к мечте, дал почувствовать, что панорама нефтеградов из отдаления стремительно надвигается в сегодня, и не когда-нибудь, а немедленно должны подниматься над Обью кварталы современных зданий, соединенные бетонными автострадами» [10]. Закономерным результатом подобного похода должно было стать создание новых индустриальных социалистических городских центров.

Однако одной «веры в светлое будущее» было явно недостаточно, и первые годы жизни на Севере явственно запечатлели в памяти геологов образы заброшенности, захолустности и неустроенности, которые вызывались к жизни многочисленными инфраструктурными (прежде всего транспортной и жилищной) проблемами.

Негативное восприятие пространства находило выражение в словах и фразах-маркерах. В данном случае такими маркерами служили слова «грязь» и «бездорожье», которыми в различных вариациях оперировали информанты: «Сошёл на берег и чуть ни по колено оказался в грязи» (В. Карплюк) [11]; «С вертолёта до вездехода “амфибия” нас с дочкой на руках несли из-за непролазной грязи» (Т. П. Борисова) [12]; «ГТТшки (гусеничный транспортер – тягач. – *Примеч. авт.*) пройдут, перемесят все и колея такая, иду, что меня не видно» (М. Г. Рыжова) [13]. Если принять во внимание, что в культурной традиции европейских народов (в том числе русского) образ чужого связан с грязью, заразой и нечистотами, то многочисленные указания на этот признак могут быть прочитаны как символы чужеродности данной территории (земли чужаков) [14].

Ощущение чужеродности городской территории дополнялось, пусть и немногочисленными, контактами с символами (знаками) иной культуры – культуры коренного населения Севера (ханты и манси). В причудливой форме эти образы и символы переплетались с образами неустроенности, связанными с многочисленными недостатками городского снабжения. При сравнении с другими населенными пунктами разница была особенно ощутима. Так, М. Г. Рыжова вспоминает: «Муж сказал идти в сторону сельмага. Шла в колее. На повороте, где сейчас Универмаг (“Сургут”. – *Примеч. авт.*), там “Мырлавка” (Магазин рыболовецкой потребительской кооперации, снабжавшей население округа. – *Примеч. авт.*). Я думаю: “Где же этот сельмаг?” Смотрю, идут люди, спросила: “Где же этот сельмаг?” Отвечают: “Да вот же он перед вами”. Я в ответ: “Так это же Мырлавка?” А это же по-хантыйски называется. Зашла, конечно, но там нечего было брать. Я сравниваю с магазинами, которые у меня перед глазами были. Тут мясо по записи и по очереди, когда время подойдет, тебе выделяют кусок мяса. Говорю мужу: “Зачем мы сюда залезли, давай куда-нибудь уедем...” Он отвечает: “Да ладно, привыкнешь!” Вот когда мы были в Ермаково (поселок Ермаково Красноярского края. – *Примеч. авт.*), там было снабжение все из запасников страны... мясо – туши, консервы, все, что идет в государственный запас, все там хранилось. И периодически все обновлялось. И то, что убиралось, шло к нам в продажу. Все отборное» [15].

Первоначально суровый северный край многими рассматривался лишь как временное место пребывания. Особенно актуальным вопрос перебазирования был в первые годы пребывания

геологов на Севере, когда к смене места пребывания подталкивали также местные жители и отдельные представители партийно-советских органов. В воспоминаниях Ф. К. Салманова содержится эпизод выбора площадки для расквартирования геологов, в который неожиданно вмешался «недружелюбно настроенный секретарь райисполкома», неоднократно повторявший: «Геологи здесь будут недолго...» [16] Ветеран-геолог Л. И. Халилова отмечала: «Не все конечно приживались... особенно, вот москвичи, которые приезжали, – молодые специалисты, они очень быстро уезжали... но основная масса, конечно, оставалась» [17]. В то же время в нарративах мышления о временности пребывания на Севере часто сочетаются с героизацией образов тех, кто остался, несмотря на все трудности. В середине 1990-х гг. подобные образы были закреплены в песне «Югорская звезда», в припеве которой содержится фраза, раскрывающая образ мысли многих первооткрывателей западносибирской нефти: «Приехали на год – остались навсегда».

Исследование проблем городского пространства с точки зрения зонального подхода (позволяющего раскрыть проблемы центра и городской периферии [18]) дает интересный результат в отношении Сургута. До революции Сургут являлся уездным городом Тобольской губернии и, соответственно, имел исторический городской центр, который частично сохранился к моменту прибытия в 1957 г. первых геологоразведчиков во главе с Ф. К. Салмановым. С другой стороны, в 1950 г. бывший спецпоселок Черный Мыс, основное население которого составляли ссыльные крестьяне и репрессированные других категорий, слился с городом. Несмотря на то что даже в «секретной» переписке между УМВД и Тюменским облисполкомом при обсуждении вопросов вхождения поселка в городскую черту ни руководство Министерства внутренних дел, ни функционеры исполкома не упоминали о режимном статусе Черного Мыса [19], прибывшим геологам было очевидно не только его «ссылное» прошлое, но и периферийное положение бывшего поселка в настоящем. Ф. К. Салманов вспоминал о возражениях местных властей, которые не позволили геологам расквартироваться в центре Сургута. После непродолжительных споров геологи выбрали площадку «в восточном краю Черного Мыса» [20]. По мнению сургутского историка А. И. Прищепы, именно это событие – отвод геологам земельного участка площадью 5 га в черте поселка Черный Мыс постановлением райсовета от 25 апреля 1957 г. – является точкой отсчета рождения нового города, возрождения Сургута [21].

Рассказ главного геолога СНРЭ Е. А. Теплякова фиксирует специфику сургутской зональности: «Сургут, он же складывался (исторически. – *Примеч. авт.*), да и сейчас местные жители говорят: Сургут – это Сургут, а Черный Мыс – это Черный Мыс. Разделен был тогда Саймой, мостишко такой был деревянный по Сайме. И жизнь разная была в Сургуте и в Черном Мысу. В Сургуте это считалось испокон веков, жили свои люди, из поколения в поколение. А Черный Мыс... приезжие были, большинство из ссыльных... советская власть, я имею в виду и райком партии, и райисполком, были в самом Сургуте» [22].

Таким образом, существовала не только территориальная-культурная зональность, но и зональность территориально-политическая, которая связывалась с неполноправным социальным статусом (относительно недавно изменившимся) части горожан и территориальным расположением органов власти.

Дихотомия «центр – периферия» в сфере социокультурного пространства отразилась в противопоставлении «культурной» старожильческой части города и «бескультурной» периферии (в смысле отсутствия учреждений культуры) – Черного Мыса. Нормировщик механического цеха СНРЭ Э. М. Гильманова вспоминает: «Сам Сургут был тогда интеллигентным, потому что очень богатый здесь был книжный магазин. Разную подписку можно было сделать. А был еще Дом культуры, где была большая, отличная библиотека...» [23] Согласно М. Г. Рыжовой, в Старом Сургуте «был и клуб здесь, и кинотеатр. Люди жили культурно» [24].

С появлением нефтеразведчиков в Сургуте фактически формируется третья территориально-культурная зона (помимо Старого Сургута и Черного Мыса) – ведомственный микрорайон-поселок геологов. Это был первый такой поселок в череде ведомственных микрорайонов города (нефтяников, строителей, энергетиков, железнодорожников), которые, по мнению И. Н. Стася, стали выступать основными культурными и ментальными факторами становления городской идентичности и пунктами ориентации в городах Ханты-Мансийского округа [25].

Несколько иной исторический путь прошел Нефтеюганск. Первый поселок геологов Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции на месте будущего Нефтеюганска стал возникать летом 1961 г. Первую улицу называли в честь Ю. Гагарина, который в 1961 г. стал первым человеком, покорившим космос [26]. В 2 км от поселка располагалась деревня Усть-Балык, территория которой окончательно вошла в городскую зону только в 1980-х гг. [27] В конце 1961 г. поселку геологов дали название Нефтеюганск.

Культурная периферийность была очевидна и здесь, хотя здесь она (согласно геологическим нарративам) была свойственна для всего населенного пункта: «На месте первого микрорайона было большое болото, там собирали морошку, клюкву. В посёлке кроме балков, стояли только контора экспедиции, больница и столовая. Потом был построен клуб «Геолог», который стал центром культуры, хотя его площадь не на много превышала площадь балка» [28].

Мысль о том, что только с приходом советских учреждений культуры (клубов, «Домов культуры», библиотек и др.) на Севере стали появляться «малые очаги» просвещения, является вполне идеологичной и вписывается в марксистскую установку о формировании культурной «надстройки» под воздействием развития «передовых» индустриальных сил и порожденных ими социальных отношений нового типа [29].

В воспоминаниях также можно видеть наступательный мотив необходимости преобразования «дикого» края (культурной и технологической периферии) в цивилизованный (культурный и индустриальный), который, согласно историку О. Н. Стафееву, играл большую роль в формировании образа региона [30]. Подобная просветительская идеологема объясняет возникновение образа «захолустья», который формировался не только снизу (среди рядовых геологов), но и сверху (у партийно-советской элиты и производственных руководителей). Вероятно, поэтому один из «хозяев» молодых нефтяных городов В. В. Бахиллов (в 1960–1970 гг. – первый секретарь Сургутского районного (с 1965 г. – городского) комитета КПСС; в 1970–1973 гг. – первый секретарь Нижневартовского ГК КПСС) полагал, что в начале 1960-х гг. в рабочем поселке Сургут «ничего не было», кроме веры в большую нефть [31]. Ф. К. Салманов считал, что «с приходом геологов жизнь сургутян заметно оживилась. Захолустный рыбацкий поселок заметно преобразался» [32].

По словам Л. И. Халиловой, Ф. К. Салманов всегда говорил: «Конечно, будет трудно, очень трудно, но все равно верьте, что нефть здесь будет, верьте, что все здесь будет, и дорога железная, только верьте!..» [33]. Ф. К. Салманов был убежден в том, что вслед за геологами вырастут «крупные комбинаты», а уж затем «населенные пункты» [34]. Согласно историку И. Н. Стасю, в сургутском краеведении Ф. К. Салманов получил образ «человека, возродившего наш город» [35]. Историк М. В. Комгорт также отмечает, что образ знаменитого геолога в значительной степени мифологизирован [36].

Здесь налицо четкая установка, транслируемая хозяйственными и партийно-советскими руководителями, которые убеждали подчиненных верить в прогресс и рывок в индустриальное общество, способное благодаря нефти (новому сверхресурсу) преодолеть хозяйственную «отсталость» северных территорий. Призывы «верить» в атеистическом обществе также объяснимы, если воспринимать коммунизм не как идеологию, а как светскую религию.

Тема культурного «центра – периферии» в нарративах перекликается с образами городско-архитектурного пространства. Согласно М. Г. Рыжовой: «Дома были, особенно в Старом Сургуте, красивые были домики. Во-первых, они были сделаны добротнo, из кедрача рубленные. Наличники такие красивые. У каждого дома тротуар, палисадник весь в цвету. Зелени было очень много. Деревянные тротуарчики всякие разные» [37]. Эта явная отсылка к комфорту и «одомашненности» пространства старого города находит осмысление в социально-философской категории и феномене бездомности, на которых уже много лет фокусируются исследования в области философии культуры [38].

Для геологов этот феномен особо актуален, поскольку принято считать, что они «в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители безместного утопического сознания» [39]. Именно ощущение бездомности и безместности на фоне общих проблем неразвитости социальной инфраструктуры молодых городов, несомненно, составляло основу для негативного восприятия городского пространства в целом. Из-за чрезвычайно острой жилищной проблемы в городах в период начального нефтегазового освоения чувство бездомности было присуще большинству первых геологов. Так, Г. П. Титова рассказывает: «Мы приехали в Нефтеюганск в 1962 г., жить нам было негде. Вместе с другими семьями мы стали строить засыпные дома. Старшие дети помогали нам – ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. А болото было рядом, теперь там первый [городской] микрорайон» [40]. Но вместе с тем, как отмечает О. Н. Стафеев, у геологов на уровне производственных коллективов и поселенческих «микрoобщностей» воспроизводилась романтика неустroенности, где на первом месте было создание промышленной базы, достижение результата, а потом уже «обживание» места [41].

Первоначальная отчужденность и невосприимчивость геологов к особенностям архитектурного пространства Севера имела и цветовое наполнение – для новоселов нефтяные города Западной Сибири представлялись «серыми», однотипными и менее жизненными, чем поселения на родине. Например, Э. М. Гильманова вспоминает: «В Сургуте какие-то однотипные дома, по

сравнению со Средней Азией, какая-то серость была. Сосна же она быстро чернеет. В Средней Азии дома подбеливали. А сюда приехали – все дома бревенчатые, все однотипные. Здесь, на Черном Мысу, рыбокомбината дома, речпорта. А в Сургуте дома были интереснее, большой двор. На Черном Мысу были какие-то неказистые. А там дома такие с наличниками, и побольше, и выше» [42]. Опять же это воспоминание четко подтверждает зональность Сургута начала 1960-х гг. на центральную культурно-историческую часть – Старый Сургут, и периферийную – Черный Мыс.

Подобное восприятие в определенной степени корреспондируется с рассказами старожилов-сургутян о жилье самих геологов. Так, очевидец прибытия геологов А. А. Федулов вспоминает, что «дома геологов отличались от типичных сургутских... они были не из массивных бревен, не из лиственницы. Строили из того, что привозили» [43]. Указание на легковесность/непрочность материала свидетельствует о восприятии жилья геологов как временного элемента городского ландшафта. В геологических нарративах слова сургутянина подтверждают наличие упоминаний о так называемых «балках», «балочном строительстве», обустройстве землянок и другого временного жилья. Т. П. Борисова кратко характеризует свое новое жилье в Нефтеюганске: «Поселились мы в половине железного вагончика – “балке”». Другой житель Нефтеюганска, водитель У-БНРЭ А. В. Рябов вспоминает картину, открывшуюся перед ним в середине 1960-х гг.: «С жильём было трудно, был только 4-й микрорайон, начинал отстраиваться 5-й. Люди жили в балках – маленьких рубленых и металлических, был ещё “копай городок”, где люди жили в землянках. А рядом была тайга. Теперь на этом месте 10-й микрорайон. Топили буржуйки, дров требовалось много. Приходилось каждый день носить с пиlorамы. Она находилась как раз, где сейчас ДК “Юность”. Город строили очень быстро, но жилья не хватало. Люди ехали и ехали сюда» [44].

На начальном этапе геологического освоения Севера основными видами жилой инфраструктуры, организующими личное пространство геологоразведчиков, выступали: палатка, землянка, балок и в лучшем варианте – арендованная жилая комната у местных жителей. Палатки и землянки были самым примитивным видом жилой площади. Проживание в палатках было возможным в основном в теплое время года. Землянки могли строиться и на довольно продолжительное время. Их обустраивали с помощью подручного материала, а в период заморозков обязательно ставили печь.

При этом наиболее массовым видом строений являлись балки, которые стали главным элементом жизненной среды «первопроходцев» [45]. В первые годы нефтегазового освоения жилые балки геологов возводились на месте поселения и зачастую были двух видов – деревянные и металлические. В последующее время балки стали доставляться в районы нефтяного освоения в период навигации в блочном исполнении. На основании нарративов можно выделить три вида таких балочных помещений: 1) деревянные; 2) деревянные, обшитые металлом; 3) металлические. Их планировка во многом была однотипной, но были прецеденты, когда они перепланировывались по желанию самого хозяина. Однако это явление было распространено не повсеместно, ввиду временности балочного строительства и частой смены мест расположения геологических партий.

Но с 1964 г. ситуация резко меняется – начинается массовый наплыв населения в район Среднего Приобья – нефтяников, строителей и других специалистов, прибывших вслед за геологами. Начинается строительство «нахаловок» – самовольно возведенных балков, которые стали своеобразной приметой времени, получив особое распространение в Нефтеюганске. Самодельные балки не имели какой-то стандартной формы, все зависело от фантазии строителей. Они могли состоять из одной комнаты, а если речь шла о деревянных балках, то имелась возможность строительства многокомнатных помещений [46].

Поскольку «централизованный» балок геологов уже к середине 1960-х гг. был вытеснен более массовыми балками-«нахаловками», в научной литературе и нарративах сформировался образ молодого нефтяного города-табора, в котором функционировали полевые кухни, вечерние костры, люди проживали в различного рода временном жилье (в балках, палатках и вагончиках) [47]. По вечерам после работы покорители Севера из подручного материала возводили маленькие невысокие кривые домики с небольшими огороженными участками [48]. Именно этот образ массового хаотичного строительства мы находим в нарративах геологов, записанных десятилетия спустя.

В итоге геологи как особая социальная группа, активно включенная в городское пространство, имели собственное восприятие города и определенное отношение к нему в период нефтегазового освоения Западной Сибири. Специфическими чертами является то, что геологоразведчики воспринимали город в первую очередь как место реализации карьерных практик, что объясняет представление о северных городах как о местах, где происходит быстрый рост (и соответственно

быстрая смена места жительства на более комфортное/престижное место), преобразование «дикого, сурового Севера» в современные индустриальные центры, пригодные для комфортной жизни и труда, что также связано с советскими прогрессистскими идеологемами.

Предполагаемая «временность» пребывания на Севере в значительной мере конституировала образы как коллективное воображаемое и надолго закрепляла в сознании первоначально негативное восприятие городских ландшафтов, свойственное психологии временных городских жителей. Новые города рисовались геологам как царство балков, вагончиков, палаток и землянок, «разбавленное» наличием производственной инфраструктуры. Новые городские ландшафты рисовались как серое пространство, отчужденность которого от обывателей подчёркивалась отсутствием дорог и обилием грязи.

Первоначально города Ханты-Мансийского округа (Сургут, Нефтеюганск) не были любимы геологами, поскольку они не являлись для них «повседневными городами». Этому мешали авральные темпы нефтегазового освоения региона, отразившееся в образе «города-табора» и хаотической балочной застройке городского пространства, которые препятствовали появлению у новых горожан «своих» любимых мест, уголков, маршрутов (тропинок и дорог жизни). Несмотря на наличие запечатлевшихся в памяти информантов отдельных интимных переживаний и воспоминаний (первая любовь, встречи с близкими и т. д.), в нарративах о начале 1960-х гг. эти позитивные событийные коннотации вытеснялись на периферию памяти, уступая место общему в основном негативному фону и образам городского пространства начала 1960-х гг.

Примечания

1. *Стась И. Н.* Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 96.
2. *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М.: Изд-во Весь Мир, 2003. С. 304–318, 269.
3. *Салманов Ф. К.* Сибирь – судьба моя. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 50.
4. Воспоминания Лемещенко В. Н. // Полевые материалы В. В. Рашевского (далее – ПМ.), г. Нефтеюганск, 2010 г.
5. Воспоминания Карплюка В. И. // ПМ., г. Нефтеюганск, 2011 г.
6. Воспоминания Рыжовой М. Г. // ПМ., г. Сургут, 2013 г.
7. Воспоминания Халиловой Л. И. // ПМ., г. Сургут, 2015 г.
8. *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М.: Политиздат, 1981. С. 220.
9. *Стафеев О. Н.* Воспоминания Ф. К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 166.
10. *Салманов Ф. К.* Указ. соч. С. 233.
11. Воспоминания Карплюка В. И. // ПМ., г. Нефтеюганск, 2011 г.
12. Воспоминания Борисовой Т. П. // ПМ., г. Нефтеюганск, 2010 г.
13. Воспоминания Рыжовой М. Г. // ПМ., г. Сургут, 2013 г.
14. *Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топичев М. С.* Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. С. 42.
15. Воспоминания Рыжовой М. Г. // ПМ., г. Сургут, 2013 г.
16. *Салманов Ф. К.* Указ. соч. С. 55–56.
17. Воспоминания Халиловой Л. И. // ПМ., г. Сургут, 2015 г.
18. *Демичева А. В.* Днепропетровск как объект социологической интерпретации // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. статей Всерос. конф. с междунар. участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: ООО Курганский дом печати, 2015. С. 783.
19. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 2452. Л. 104–107.
20. *Салманов Ф. К.* Указ. соч. С. 55–56, 69.
21. *Прищеп А. И.* Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут: Дефис, 2015. С. 18.
22. Воспоминания Теплякова Е. А. // ПМ., г. Тюмень, 2012 г.
23. Воспоминания Гильмановой Э. М. // ПМ., г. Сургут, 2013 г.
24. Воспоминания Рыжовой М. Г. // ПМ., г. Сургут, 2013 г.
25. *Стась И. Н.* Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 68.
26. Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958–1972 гг.) / авт.-сост. Н. К. Эскина. Нефтеюганск, 2004. С. 24.
27. Там же. С. 26.
28. Воспоминания Борисовой Т. П. // ПМ., г. Нефтеюганск, 2010 г.
29. *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Указ. соч. С. 221.
30. *Стафеев О. Н.* Образ региона. Индустриальное освоение Севера Западной Сибири в общественном сознании // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 361.

31. Бахилов В. В. Дорога к нефти. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. С. 32.
32. Салманов Ф. К. Жизнь как открытие. М.: РТК Регион, 2003. С. 170.
33. Воспоминания Халиловой Л. И. // ПМ., г. Сургут, 2015 г.
34. Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя. С. 11.
35. Стась И. Н. Сургут: образы и пространства «нефтяного города» // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 20. URL: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/62>.
36. Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень: «Вектор Бук», 2008. С. 108.
37. Воспоминания Рыжовой М. Г. // ПМ., г. Сургут, 2013 г.
38. Матлахова М. С. Феномен бездомности в пространстве современной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб., 2011. 18 с.
39. Ганопольский М. Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. С. 112.
40. Воспоминания Титовой Г. П. // Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958-1972 гг.). С. 33.
41. Стафеев О. Н. Указ. соч. С. 363.
42. Воспоминания Гильмановой Э. М. // ПМ., г. Сургут, 2013 г.
43. Воспоминания Федулова А. А. // ПМ., г. Сургут, 2014 г.
44. Воспоминания Рябова А. В. // ПМ., г. Нефтеюганск, 2011 г.
45. Стась И. Н. Эволюция жилищных условия горожан Ханты-Мансийского округа в 1960-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 297.
46. Там же. С. 297.
47. Тюменская стройка. М.: Недра, 1981. С. 32.
48. Стась И. Н. Эволюция жилищных условия горожан Ханты-Мансийского округа в 1960-х гг. С. 297.

Notes

1. Stas I. N. *Industrializaciya Hanty-Mansijskogo okruga kak osnovnoj faktor razvitiya gorodov nefteyanikov vo vtoroj polovine XX v.* [Industrialization of the Khanty-Mansiysk region as a major factor of urban development of the oil industry in the second half of the XX century] // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* – Oykumena. Regional studies. 2013, No. 2, p. 96.
2. Thompson P. *Golos proshlogo. Ustnaya istoriya* [Voice of the past. The oral history]. M. Publishing house Ves' Mir. 2003. Pp. 304-318, 269.
3. Salmanov F. K. *Sibir' – sud'ba moya* [Siberia – my destiny]. M. Mol. gvardiya. 1988. P. 50.
4. *Vospominaniya Lemeshchenko V. N.* – Memories of Lemeshenko V. N. // *Polevye materialy V. V. Rashevskogo (dalee – PM.)* – Field materials of V. V. Rashevsky (hereinafter – FM.). Nefteyugansk. 2010
5. *Vospominaniya Karplyuka V. I.* – Memories of V. I. Karpluk // *PM – FM. Nefteyugansk. 2011*
6. *Vospominaniya Ryzhovej M. G.* – Memories of Ryzhova M. G. // *PM – FM. Surgut. 2013*
7. *Vospominaniya Halilovoj L. I.* – Memories of L. I. Khalilova // *PM – FM. Surgut. 2015*
8. Kelle V. J., M. J. Kovalzon *Teoriya i istoriya: (Problemy teorii istoricheskogo processa)* [Theory and history: (problems of the theory of the historical process)]. M. Politizdat. 1981. P. 220.
9. Stafeev O. N. *Vospominaniya F. K. Salmanova kak istoricheskij istochnik razvitiya neftegazovogo kompleksa Zapadnoj Sibiri v 1960–80-e gg.* [Memoirs of F. K. Salmanov as a historical source for the development of oil and gas complex of Western Siberia in the 1960-80s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Tomsk State University. 2007, No. 294, p. 166.
10. Salmanov F. K. Op.cit. P. 233.
11. *Vospominaniya Karplyuka V. I.* – Memories of Karplyuk V. I. // *PM – FM. Nefteyugansk. 2011*
12. *Vospominaniya Borisovoj T. P.* – Memories of Borisova T. P. // *PM – FM. Nefteyugansk. 2010*
13. *Vospominaniya Ryzhovej M. G.* – Memories of Ryzhova M. G. // *PM – FM. Surgut. 2013*
14. Romanova A. P., Khlysheva E. V., Yakushenkov S. N., Topichev M. S. *CHuzhoj i kul'turnaya bezopasnost'* [Alien and cultural security]. M. ROSSPEN. 2013. P. 42.
15. *Vospominaniya Ryzhovej M. G.* – Memories of Ryzhova M. G. // *PM – FM. Surgut. 2013*
16. Salmanov F. K. Op. cit. Pp. 55-56.
17. *Vospominaniya Halilovoj L. I.* – Memories of L. I. Khalilova // *PM – FM. Surgut. 2015*
18. Demicheva V. A. *Dnepropetrovsk kak ob"ekt sociologicheskoy interpretacii* [Dnepropetrovsk as an object of sociological interpretation] // *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda: sb. nauch. statej Vseros. konf. s mezhdunar. uchastiem (g. Surgut, SurGU, 14 noyabrya 2014 g.)* – Historical urbanistics: past and present of the city: collected articles of All-Russian Conf. with the Intern. participation (city of Surgut, Surgut State University, November 14, 2014). Kurgan. Kurgan Publishing House LLC. 2015. P. 783.
19. State archive of the Tyumen region (GATO). F. 814. Sh. 1. File 2452. Sh. 104-107.
20. Salmanov F. K. Op. cit. Pp. 55-56, 69.
21. Prishchepa A. I. *Vozrozhdenie Surguta. Vtoraya polovina XX veka* [The Rebirth of Surgut. The second half of the twentieth century]. Surgut. Dephis. 2015. P. 18.
22. *Vospominaniya Teplyakova E. A.* – Memories of Teplyakov E. A. // *PM – FM. Tyumen. 2012*
23. *Vospominaniya Gil'manovoj E. M.* – Memories of Gilmanova E. M. // *PM – FM. Surgut. 2013*
24. *Vospominaniya Ryzhovej M. G.* – Memories of Ryzhova M. G. // *PM – FM. Surgut. 2013*

25. Stas I. N. *Urbanizaciya kak hozyajstvo: vedomstvennye goroda neftedobyvayushchih rajonov Zapadnoj Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Urbanization as agriculture: departmental cities of oil-producing regions in Western Siberia (the 1960-1980th)] // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* – Labirint. Journal of social and Humanities research. 2014, No. 1, p. 68.
26. *Nefteyugansk: Ust'-Balykskaya nefterazvedochnaya ehkspediciya (1958–1972 gg.)* – Nefteyugansk: Ust-Balyk oil-prospecting expedition (1958-1972.) / author-comp. N. K. Eskina. Nefteyugansk. 2004. P. 24.
27. Ibid. P. 26.
28. *Vospominaniya Borisovoj T. P.* – Memories of Borisova T. P. // *PM – FM. Nefteyugansk*. 2010
29. Kelle V. J., M. J. Kovalzon Op. cit. P. 221.
30. Stafeev O. N. *Obraz regiona. Industrial'noe osvoenie Severa Zapadnoj Sibiri v obshchestvennom soznanii* [The image of the region. Industrial development of the North of Western Siberia in public consciousness] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* – Problems of History, Philology and culture. 2008, No. 20, p. 361.
31. Bakhilov V. V. *Doroga k nefti* [Road to oil]. Sverdlovsk. Middle-Ural book publishment. 1975. P. 32.
32. Salmanov F. K. *ZHizn' kak otkrytie* [Life as discovery]. M. RTK Region. 2003. P. 170.
33. *Vospominaniya Halilovoj L. I.* – Memories of L. I. Khalilova // *PM – FM. Surgut*. 2015
34. Salmanov F. K. *Sibir' – sud'ba moya* [Siberia – my destiny]. P.11.
35. Stas I. N. *Surgut: obrazy i prostranstva «neftyanogo goroda»* [Surgut: images and space, "oil city"] // *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya* – Cultural and humanitarian geography. 2013, Vol. 2, No. 1, p. 20. Available at: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/62>.
36. Komgort M. V. *Zapadno-Sibirskaya neftegazonosnaya provinciya: istoriya otkrytiya* [West Siberian oil and gas province: the history of discovery]. Tyumen. "Vector Buk". 2008. P. 108.
37. *Vospominaniya Ryzhovoj M. G.* – Memories of Ryzhova M. G. // *PM – FM. Surgut*. 2013
38. Matlahova M. S. *Fenomen bezdomnosti v prostranstve sovremennoj kul'tury: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01* [Phenomenon of homelessness in modern culture: abstract. dis. ... Cand. cultural science: 24.00.01]. St. Petersburg. 2011. 18 p.
39. Ganopolskiy M. G. *Regional'nyj ehtos: istoki, stanovlenie, razvitie* [Regional ethos: the origins, formation, development]. Tyumen. TSOGU. 1998. P. 112.
40. *Vospominaniya Titovoj G. P.* – Memories of Titova G. P. // *Nefteyugansk: Ust'-Balykskaya nefterazvedochnaya ehkspediciya (1958-1972 gg.)* – Nefteyugansk: Ust-Balyk oil-prospecting expedition (1958-1972.). P. 33.
41. Stafeev O. N. Op. cit. P. 363.
42. *Vospominaniya Gil'manovoj EH. M.* – Memories of Gilmanova E. M. // *PM – FM. Surgut*. 2013
43. *Vospominaniya Fedulova A. A.* – Memories of Fedulov A. A. // *PM – FM. Surgut*. 2014.
44. *Vospominaniya Ryabova A. V.* – Memories of A.V. Ryabov // *PM – FM. Nefteyugansk*. 2011
45. Stas I. N. *EHvolyuciya zhilishchnyh usloviya gorozhan Hanty-Mansijskogo okruga v 1960-h gg.* [The evolution of the living conditions of the citizens of the Khanty-Mansi district in the 1960s] // *Irkutskij istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik: 2015* – Irkutsk historical and economic yearbook: 2015. Irkutsk. Publishing house of BSUEP. 2015. P. 297.
46. Ibid. P. 297.
47. *Tyumenskaya strojka* – Tyumen construction. M. Nedra. 1981. P. 32.
48. Stas I. N. *EHvolyuciya zhilishchnyh usloviya gorozhan Hanty-Mansijskogo okruga v 1960-h gg.* [The evolution of the living conditions of the citizens of the Khanty-Mansi area in the 1960s] P. 297.

УДК 811.161.1

И. Н. Кайгородова, И. Н. Крутова

Регулятивно-прагматические функции синтаксических идиом

В процессе коммуникации мы реагируем, проявляем своё отношение к окружающей действительности, что находит выражение в языке. Задача исследователей на современном этапе заключается в том, чтобы выяснить, как человек использует язык для достижения взаимопонимания и взаимодействия с другими людьми. В данной статье рассматривается, как с помощью синтаксических идиом координируется межличностное общение. Синтаксические идиомы представляют неоднородный круг средств выражения личного отношения говорящего к тому, что он сообщает.

In the process of communication we respond, to show their attitude to the surrounding reality that finds expression in the language. The goal of researchers at the present stage is to figure out how a person uses language to achieve understanding and interaction with other people. This article discusses how to use syntactic idioms coordinated interpersonal communication. Syntactic idioms represent a heterogeneous set of means of expressing personal attitude of the speaker to what he says.

Ключевые слова: синтаксические идиомы, эмотивные синтаксические идиомы, эмотивные речевые акты, прагматика, прагматические функции, регулятивно-прагматические функции.

Keywords: syntactic idioms, emotive syntactic idioms, emotive speech acts, pragmatics, pragmatic functions, regulativno-pragmatic functions.

Лингвистов интересуют те факты влияния сознания на язык, которые в той или другой степени закрепляются в его системе, становятся воспроизводимыми. Парадигмы современного языкознания сосредоточены на поиске того, как человек использует язык в качестве орудия общения и как в языковых единицах отразился сам человек во всём многообразии своих проявлений. Предмет лингвопрагматического исследования составляет изучение коммуникативного содержания высказывания, так как общество функционирует и развивается лишь при условии социальной интеракции, социального взаимодействия между его членами, осуществляемого с помощью языка.

В русском языке можно выделить особый тип предложений, который образуют слова-предложения, заключающие в себе непосредственную эмоциональную оценку происшедшего или высказанного, эмоционально выражающие побуждение к действию или служащие средством экспрессивного выражения отношения говорящего к наблюдаемым явлениям. Конструкции этого типа также называют *восклицательными предложениями*. Они образуются из междометий или из слов, которые не только являются выражением эмоций или волеизъявлений, но лексически обозначают отношение говорящего к высказыванию или к создавшейся ситуации [1].

На наш взгляд, всё многообразие междометных построений, реализующих в речи эмотивно-экспрессивные и регулятивно-прагматические функции, составляет область синтаксической идиоматики. Синтаксическая идиома – это устойчивый раздельнооформленный знак, структурно-семантическое единство которого формируется установлением асимметричных отношений между его формальной и содержательной структурами и достигается в результате изменений исходных синтаксических категорий предложения (редукции, преобразования): предикативности, модальности, коммуникативности и появления вторичных синтаксических связей, отношений и категорий [2].

Синтаксические идиомы образуют особый коммуникативный тип предложений, весьма неоднородный по своему коммуникативно-прагматическому потенциалу, но их доминирующей функцией является координация межличностного общения и выражение эмоционального отно-

шения. В устной диалогической речи вопрос одного из собеседников является стимулом для ответа собеседника. Например: *Гуревич посмотрел на Архипцева и презрительно спросил:*

– *И мы пойдем на выставку этого пижона?*

– **Боже нас сохрани!** – *в ужасе ответил Сергей. – Ни в коем случае! Стать свидетелями его позора? Это жестоко!* (В. Кунин. Хроника пикирующего бомбардировщика).

В настоящее время прагматика представляет собой изучение речевых актов и контекстов, в которых они происходят: «Существуют два основных вида проблем, разрешимых внутри прагматики: во-первых, установить интересные типы речевых актов общения и их результатов; во-вторых, установить характеристики общения, которые помогают определить, какая пропозиция выражена данным предложением» [3].

При включении в свою речь эмотивной синтаксической идиомы субъект речи не может не принимать во внимание всех факторов ситуации общения: кому, когда и как он говорит, как будет воспринята его речь. Говорящий представляет себе адресата, которому отправляет речевое сообщение с целью воздействия на него определёнными эмотивно-оценочными средствами языка, одновременно с нескольких сторон. Важность этого аспекта подчёркивал Л. П. Якубинский [4]. Виды речевых реакций адресата нельзя игнорировать, потому что нельзя уничтожить разницу между стимулирующими и реагирующими высказываниями.

В коммуникативной лингвистике большое внимание уделяется исследованию языковой категории эмотивности, поскольку для лингвиста чувства приобретают значение только тогда, когда они выражены языковыми средствами [5]. Эмотивность представляет собой языковое выражение эмоциональности. Например: *Герстнер распаковал баул, показывает Родиону Ивановичу изображения паровоза Стефенсона, чертежи вагонов, профили железных шин, по которым все это должно двигаться. Родион Иванович в восторге: – Боже мой! Антон Францевич! Да я всю жизнь мечтал о таком деле! Да я из кожи вылезу!.. Наизнанку вывернусь!.. Это же грандиозная идея!!! Схватил двумя руками гравюру с паровозом, впился в Герстнера горящим глазом, сказал торжественно, словно присягу принял: – Вы без меня, Антон Францевич, здесь пропадете. А я клянусь вам служить верой и правдой во благо России-матушки, для ее процветания и прогресса. Истово перекрестился и поцеловал гравюру будто икону...* (В. Кунин. Чокнутые).

Необходимо учитывать два вида речевой тактики: наступательную и оборонительную. Защитные реакции неотделимы от позиции адресата, они прямо из неё вытекают. Изучение защитных реакций обнаруживает различие в отношении прагматической ситуации к речевой деятельности и интересам говорящего и адресата. Основная масса тактических приёмов, применяемых адресатом, сводится к замене ожидаемого отклика на речевой стимул выдёргиванием «прагматической шпильки» (Н. Д. Арутюнова). Функцию такой «шпильки» выполняют эмотивные синтаксические идиомы. Их употребление связано с тактическими задачами, если адресат преследует оборонительную цель. Защита может осуществляться следующими речевыми тактиками:

1) указанием на неуместность или ненужность самого акта речи. Например:

– *А как ты будешь открывать и закрывать запертые двери квартиры и подъезда, когда нас с Тимом не будет дома?*

– *А окно? – спросил я.*

– **Ты с ума сошёл!** *У нас второй и достаточно высокий этаж* (В. Кунин. ИнтерКыся);

2) указанием на неуместность обращения или других языковых компонентов высказывания, например:

– *А я боле не буду хулиганить, маманя.*

– **Какая я тебе к бесу маманя.** *Я вот сейчас тебе такую «маманю» покажу!* (В. Кунин. ИнтерКыся);

3) указанием на несвоевременность или неуместность высказывания, реплики типа: *Нашёл время спрашивать!;*

4) отводом говорящего. Ср. реплики-реакции: – *Александр Христофорович, правда, распорядился установить за ним неусыпное наблюдение, но, как вы понимаете, из соображений чисто политических. Мы же со своей стороны...*

– **А нам-то что?** – *беззаботно удивился Потоцкий.*

– *Нам?! – возмущился Меншиков. – Да наше с вами акционерное общество почтовых колясок и дилижансов имеет от извозного промысла более ста миллионов рублей в год! И железные дороги Герстнера попросту лишат нас этого дохода! Это вы можете понять, граф?!* (В. Кунин. Чокнутые.)

В речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс. Если высказывание признаётся, то адресат делает

парирующий ход. Отпор может быть вызван любым компонентом коммуникативной ситуации. Прагматика речи составляет своего рода «отводной канал», по которому устремляется основная масса косвенных реакций. Последние отлились в виде диалогических шаблонов – эмотивных синтаксических идиом [6].

Идиоматичные структуры диалогической речи способны выражать эмоциональное значение, что закрепилось в узусе в качестве их характерной особенности. Целью фразеологизированных конструкций является передача не столько основного содержания сообщения, сколько субъективно-оценочного, эмоционально окрашенного отношения говорящего к предмету мысли. Установлено, что синтаксические идиомы существуют в языке как устойчивые образования, конституируются своим набором формальных и суперсегментных средств. Носитель языка на основе своей коммуникативной компетенции однозначно употребляет их для реализации своей коммуникативной установки и, прежде всего, для оказания воздействия на собеседника.

В условиях речевой деятельности значение синтаксической идиомы осложнено стойкими смысловыми связями с определёнными признаками контекста и дискурса. Эти связи настолько устойчивы и воспроизводимы, что дают основания считать прагматический аспект в семантике идиом ведущим. Адекватный анализ прагматики эмотивных синтаксических идиом должен производиться в контексте дискурса. Синтаксические идиомы способствуют созданию определённой тональности общения. Это может быть гармоничное речевое взаимодействие, которое проявляется в согласованности коммуникативных интенций участников диалога, в возможности понимания «с полуслова» или, напротив, негармоничная интеракция, когда конфликтность коммуникативных намерений очевидна.

Примечания

1. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. С. 336–340; Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. 288 с.; Нечленимое предложение // Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Синтаксис. Пунктуация: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1981. С. 114–117.

2. Кайгородова И. Н. Проблема синтаксической идиоматики (на материале русского языка). Астрахань: Изд. Астрахан. гос. пед. ун-та, 1999. С. 7.

3. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: «Прогресс», 1985. С. 423.

4. Якубинский Л. П. О диалогической речи. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 32.

5. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 4.

6. Кайгородова И. Н., Крутова И. Н. Коммуникативный потенциал эмотивных синтаксических идиом // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: кол. науч. монография; / [под ред. А. Г. Бердниковой]. Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2013. С. 196.

Notes

1. *Kratkaya russkaya grammatika* – A short Russian grammar / ed. by N. Y. Shvedova and V. V. Lopatin. M. Rus. yaz. 1989. Pp. 336-340; Melikyan V. U. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya: ucheb. posobie* [Modern Russian language. Syntax of inseparable sentence: tutorial]. Rostov-na-Donu. Publishing house of the RSPU. 2004. 288 p.; *Nechlenimoe predlozhenie* – Inseparable sentence // Babaitseva V. V., Maksimov L. U. *Sintaksis. Puntuaciya: ucheb. posobie* [Syntax. Punctuation: tutorial]. M. Prosveshcheniye. 1981. Pp. 114-117.

2. Kajgorodova. I.N. *Problema sintaksicheskoy idiomatiki (na materiale russkogo yazyka)* [The problem of idiomatic syntactic (in Russian language)]. Astrakhan. Publ. of Astrakhan. State Ped. University. 1999. P. 7.

3. Stalnaker R. S. *Pragmatika* [The Pragmatics] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* – New in foreign linguistics. Is. 16. Linguistic pragmatics. M. Progress. 1985. P. 423.

4. Yakubinsky L. P. *O dialogicheskoy rechi. Izbrannye raboty: YAzyk i ego funkcionirovanie* [On dialogic speech. Selected works: Language and its functioning]. M. 1986. P. 32.

5. Piotrovskaya L. A. *Ehmotivnye vyskazyvaniya kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov)* [Emotive utterances as the object of linguistic research (in Russian and Czech languages)]. SPb. Publishing house of St. Petersburg State University. 1994. P. 4.

6. Kajgorodova. N. A., Krutova I. N. *Kommunikativnyj potencial ehmotivnyh sintaksicheskikh idiom* [Communicative potential of emotive syntactical idioms] // *Prioritetnye napravleniya lingvisticheskikh issledovaniy: obshcheteoreticheskie, kognitivnye, kommunikativno-pragmaticheskie i funkcion'no-grammaticheskie aspekty yazyka: kol. nauch. monografiya* – Priority directions of linguistic research: theoretical, cognitive, communicative-pragmatic and functional-grammatical aspects of the language: coll. scient. monograph] / [ed. by A. G. Berdnikova]. Novosibirsk. Publ. "SibAK". 2013. P. 196.

Ментальный стереотип как смыслообразующий фактор в ценностных паремических репрезентациях

В данной статье предлагается обоснование применения когнитивно-прагматического подхода в ценностном моделировании паремической семантики в условиях доминирования определённого ментального стереотипа. Описанная методика базируется на ряде принципиальных положений относительно категориального статуса ценности как лингвоментальной единицы, представленной в языке посредством различных номинативных механизмов. Ментальный стереотип рассматривается как когнитивная категория, получающая устойчивое речевое воплощение посредством языковых единиц различного категориального статуса. В исследовании обосновывается когнитивно-прагматический подход к стратификации ценностей как фреймовых структур, объективируемых посредством косвенно-производной номинации; предлагается концепция ценностного моделирования паремической семантики применительно к таким жанрам народной афористики, как пословицы, поговорки и устойчивые сравнения; выявляются отдельные аспекты функционально-прагматической сущности паремий данных жанров, связанные с реализацией когнитивного основания ценностной репрезентации.

In this paper we propose a technique of value simulation study paremic semantics in terms of dominance of a certain mental stereotype. The described technique is based on a number of key provisions regarding the status of categorical values as intellectually-speech unit presented in the language through a variety of mechanisms nominative. Mental stereotype is regarded as a cognitive category, receiving a steady voice through the embodiment of linguistic units of different categorical status. The study substantiates the cognitive-pragmatic approach to stratification values as frame structures, objectified by means of indirectly-derived nomination; The concept of value-modeling paremic semantics in relation to such genres of folk aphorism as proverbs, sayings and sustainable comparison; revealed some aspects of functional and pragmatic nature of these proverbs genres associated with the implementation of cognitive base value representation.

Ключевые слова: паремия, когнитивно-прагматическая функция, ментальный стереотип, фрейм, когнитивное основание паремического значения, ценностное моделирование.

Keywords: proverbs, cognitive-pragmatic function, mental stereotype, frame, paremic cognitive base values, value simulation.

Введение. Проблема лингвокогнитивного статуса ценности и стереотипа как смыслопорождающих категорий паремического значения обусловлена рядом факторов терминологического и методологического свойства. Во-первых, ценность и категория применительно к лингвокультурологическому описанию трактуются, в основном, с опорой на культурологическое определение, во-вторых, проблема ценностного моделирования семантики затруднена неоднозначностью трактовки терминологической пары «ценность – оценка» как в автономном определении каждого понятия, так и в характеристике их глубинной взаимосвязи и статусной иерархии. Вместе с тем для анализа паремической семантики данные категории чрезвычайно важны: и в определении прагматической акцентуализации пропозитивного основания паремического текста (при выявлении прагматической значимости, то есть, собственно, дидактической рекомендации, заложенной в тексте паремии), и в установлении механизма когнитивной интеграции в основании паремического значения. Соответственно, особой задачей современной когнитивной лингвокультурологии является установление лингвокогнитивного статуса ценности как прагматического и смыслового стержня реализуемого паремией смысла.

Действительно, функция когнитивной единицы с ценностным содержанием чрезвычайно важна в организации фреймового основания пословиц, репрезентирующих стереотипное представление о типической ситуации, и в реализации стереотипной оценки посредством таких паремических жанров, как поговорка и устойчивое сравнение. Паремии в целом как знаки культуры с выраженным ценностным содержанием играют важную роль в реализации языковой картины мира, поскольку в качестве сложных синкретичных знаков детерминируют в её пространстве те фрагменты, которые связаны с осмыслением самой природы человеческих взаимоотношений и устройства социума. Эту гибридную лингво семиотическую сущность паремий отмечает О. Б. Абакумова в трактовке пословицы как языкового знака с текстовыми/прагматическими характеристиками, а «пословичную картину мира» – как фрагмент языковой, пересекающейся с концепту-

альной и входящей в качестве составной части в ценностную картину мира [1]. Вместе с тем народные афоризмы характеризуются большим жанровым разнообразием, обусловленным самой природой фольклора как среды преимущественно устного общения, порождающей формы с закреплённым значением. Малые жанры фольклора транслируют определённые доминанты языкового сознания, связанные (1) с образной ситуативной характеристикой (поговорки и устойчивые сравнения), (2) с обобщённой регламентацией поведения (пословицы), (3) с образной стереотипной кодировкой действительности (загадки), (4) со стереотипным прогнозом (приметы), (5) со стереотипным восприятием вербального идеала (пустоговорки, скороговорки, чистоговорки). При выраженной общности функции стереотипизации мышления, речи и поведения, при общих свойствах лаконичности, идиоматичности/обобщённости значения и вариативной воспроизводимости выделяемые паремические жанры характеризуются существенными различиями в части когнитивно-прагматических функций, обуславливающих их ценностно-репрезентативный потенциал.

Приоритетным для современной когнитивной паремиологии исследовательским материалом являются такие паремические жанры, как пословицы и поговорки, что связано, в частности, с высоким потенциалом текстовой единицы, признаваемым за пословицей. Так, М. Я. Блох считает **пословицы** диктемами, поскольку они имеют тематическую отнесенность и стилистическую оформленность [2], а Л. Б. Савенкова предлагает определять пословицу как иконический языковой знак и как мини-текст, отмечая, что «чем выше степень аналитичности пословицы, тем больше она приобретает черт, роднящих ее с речевым, дискурсивным знаком – текстом» [3]. Г. Г. Молчанова определяет пословицу как «художественный микротекст/дискурс и одновременно языковой знак иконического типа. Функционально пословица соотносится с определенным фактом бытия, подвергает его расширительной образной интерпретации, дает экспрессивную оценку и выражает культурно-национальное своеобразие народа» [4].

Нередко **пословицы и поговорки** рассматриваются в качестве единого пласта языкового материала без чёткого разграничения данных жанров, что обусловлено, в том числе, традиционным для них совместным размещением в паремиографических изданиях. Вместе с тем в последние годы паремиологи и паремиографы достаточно последовательно разграничивают данные жанры, отмечая, что в кругу устойчивых «тесных комплексов пословица структурно и функционально наиболее близка поговорке, но первая отчётливо отличается от второй наличием переносности значения (по сравнению с деривационной базой) и, как следствие, существованием определённой амплитуды абстрактности семантики» [5].

С появлением такого паремиографического издания, как «Большой словарь русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной системная работа с единицами данного жанра активизировалась. Для нашего исследования важна также и формулировка жанровой сущности поговорки, которую авторы словаря определяют как «самый точный и яркий способ оценки окружающей жизни общества» [6]. Помимо того, поговорка – это паремический вид, характеризующийся большим структурно-семантическим разнообразием, что позволяет в ходе когнитивно-прагматического моделирования проследить ряд нюансов смыслообразования в условиях определённой функционально-семантической структуры [7].

В ряду ранее названных популярных паремических жанров мы решили рассмотреть и **устойчивые сравнения**, которые трактуются нами как *фразеологические единицы с типовой структурой и закреплённой атрибутивной синтаксической функцией, образно характеризующие элементы действительности*. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина, составители «Большого словаря русских народных сравнений», определяют эти языковые единицы как «яркое средство оценки действительности» [8], апеллируя при этом к характеристике А. А. Потебни, данной им сравнению как речевой фигуре: «...сравнения наводят на мысль, раскрывая её во всём смысловом многоцветии» [9]. Интерес к данному виду единиц косвенно-производной номинации обусловлен как его редким рассмотрением именно в ряду паремических жанров, так и высоким образным потенциалом устойчивых сравнений как трансляторов стереотипной оценки.

Методика. Методика ценностного когнитивно-прагматического моделирования весьма избирательна в определении исследовательского инструментария для каждого конкретного паремического жанра. Для данного исследования мы ограничились языковым материалом, соотносимым с паремиями трёх видов: пословицы, поговорки и устойчивые сравнения. Подобный выбор обусловлен достаточным количеством интегральных и дифференциальных параметров, характеризующих паремии указанных видов в ряде различных аспектов:

- 1) статуса фраземы или паремической текстемы,
- 2) характера значения (обобщённое/идиоматическое/метафорическое),

3) характера когнитивного основания косвенно-производного значения паремии (моноконцептуальное/поликонцептуальное/фреймовое/интегративное и т. д.).

Соответственно, разработка методики ценностного когнитивно-прагматического моделирования паремий данных жанров опирается на следующие принципиальные положения:

- ценностно-репрезентативный потенциал паремий напрямую зависит от знаковой и функционально-прагматической природы конкретного паремического жанра как в части определения места ценностного концепта в когнитивном основании значения паремии, так и в плане взаимодействия ценности и оценки в порождении обобщённого паремического и дискурсивно-обусловленного значения;

- алгоритм ценностного моделирования определяется логической связью и речевой обусловленностью последовательной реализации таких уровней паремической семантики, как (а) когнитивное основание значения, (б) внутренняя форма высказывания, (в) паремическое значение (обобщённо-афористическое или фразеологическое), (г) дискурсивно-обусловленное значение и (д) прагматическая рекомендация [10].

В данном исследовании под ценностным когнитивно-прагматическим моделированием понимается выявление когнитивных единиц, структур и их взаимодействий, а также семантического и прагматического факторов, обуславливающих ценностную репрезентацию и её оценочный ракурс в рамках паремической семантики.

Моделирование осуществляется в ходе последовательной реализации следующих аналитических операций, нацеленных на выявление (1) исходного (текстового или образно-номинативного) ценностного ракурса паремической семантики и (2) дополнительных смысловых приращений, возникающих в условиях определённой дискурсивной интенции:

- 1) комплексный семантический анализ текста паремии, включающий элементы компонентного (семного) анализа и анализа композиционной семантики паремии;

- 2) прагматический анализ паремии в ходе установления прагматической функции жанра, прагматической цели высказывания и в ходе выявления прагматической рекомендации на уровне паремической единицы и на уровне дискурса;

- 3) анализ ценностной составляющей обобщённого афористического или фразеологического значения единицы

Основная часть. Ценностно-репрезентативный потенциал разножанровых паремий имеет выраженные особенности: в частности, **пословицы** репрезентируют ценности в их содержательном аспекте и, что особо важно, с дополнительной оценкой, в которой выражено отношение к данной ценности, уже собственно приводящее нас к рекомендации, выраженной в паремии. Например, *Был бы ум, будет и рубль; не будет ума, не будет и рубля* [11]: репрезентированные ценности – «Ум» в аспекте оценки 'умный человек всего добьётся', и «Богатство/Достаток» в аспекте оценки 'достаток будет только заслуженно'. Когнитивное основание пословицы – как правило, поликонцептуальное образование, вследствие чего в её тексте репрезентируется более чем одна ценность, причём, как видно из рассмотренного примера, с оценками различной полярности: 'умный человек всего добьётся/достаток будет только заслуженно'.

Поликонцептуальность текста пословицы вполне согласуется с композиционностью её семантической структуры. Например, *Горькое зелье пей одним духом* [12]: композиционность семантики данной пословицы обусловлена её свойствами «свёрнутого» текста, в котором сохранены событийные актаны – *пей одним духом* (предикативная доминанта) и *горькое зелье* (объектно-номинативная доминанта). Соответственно, концептуальная основа данного текста формируется с учётом, как минимум, двух пропозитивных топиков:

- характеристики вещества, предмета, на которое направлено действие (механизм концептуализации основан на кристаллизации содержательных признаков '*приворотное*', '*ядовитый напиток*', '*вредное вещество*' и т. д.) и

- характеристики действия (содержательные признаки '*сразу*', '*без колебаний/без раздумий*', '*в один прием*' и т. д.).

В аспекте ценностного анализа семантики пословиц тематический подход к выделению материала «срабатывает» не столько как принцип отбора единиц, репрезентирующих сходные ценности, сколько как способ организации экспериментальной базы. Например, тематическая группа пословиц «Жизнь – Смерть», включающая 410 единиц, может быть условно поделена в зависимости от того, **содержательным** или **оценочным** является по сути ценностный компонент пословичной семантики. Разная представленность ценности «Жизнь» в сознании носителей русской лингвокультуры приводит к образованию вариативных признаков, вербализация которых зависит от множества факторов. «Жизнь» представляет собой многомерное, вариативное

ментальное образование, языковая репрезентация которого отмечена национальной спецификой. Анализируя современные исследования, в которых приводится системный анализ концептов «Жизнь» и «Смерть», мы пришли к выводу, что в целом данные исследования посвящены анализу культурной специфики содержания данных концептов, но не рассматривают онтологические аспекты их содержания. Например, работа В. В. Тарасенко «Концепты “жизнь” и “смерть” в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов» (2008 г.) [13] посвящена исследованию отражения концептов «Жизнь» и «Смерть» во фразеологических оборотах, а также их репрезентация в системе языка и языковом сознании. Отдельные диссертационные исследования посвящены выявлению своеобразия идиолекта или идиостиля писателей или поэтов с точки зрения функционирования в них лингвокультурных концептов «жизнь» и «смерть» посредством анализа их вербального выражения в их произведениях [14]. В исследовании И. В. Бочарниковой [15] концепт «Жизнь» рассматривается как сложное ментальное образование, подверженное смысловому варьированию в различных дискурсивных практиках в гендерном и диахроническом аспектах через ассоциативное восприятие реципиентов.

При определении доминантных когнитивных признаков собственно предметом описания становится обобщённое значение пословицы, выражающее определённую ценностную установку. Например, ценностная составляющая отношения к жизни как 'времени от рождения до смерти' – *День к вечеру – к смерти ближе* [16]; *День да ночь, сутки прочь, а все к смерти поближе* [17]; *Жить тяжело, да и умирать нелегко* [18], встречается и смежная вербализация 'загробная жизнь': *На тот свет отовсюду дорога* [19] или *Тело в тесноту, а душу на простор* [20]. Доминантной составляющей концепта «Жизнь», репрезентированного в данных пословицах, является ценность жизни как 'физиологического функционирования', но такая оценка дается через оппозицию «Жизнь – Смерть». Несмотря на то, что «Жизнь» в большинстве паремий имеет признаки 'грустной, горькой, тяжелой', она все же 'лучше смерти': *Жизнь надокучила, а и к смерти не привыкнешь* [21] или *Горько, горько, а еще бы столько* [22]. Встречается и другое восприятие «Смерти» как 'источника спасения от жизни', например, в пословицах *И рад бы смерти, да где ее взять?* [23] или *Эта жизнь хуже смерти. Эта жизнь и смерти не стоит* [24]. Наибольшему варьированию подвергаются оценка значимости «Жизни» (*жизнь может цениться выше смерти, а может не иметь цены вовсе, быть хуже смерти*), а также доминантные признаки, отражающие содержательные характеристики и самооценку «Жизни». Например, встречается и такой вариант «пересмотра ценности» в составе паремического текста, как, например, в пословицах *От доброго жутья толстеют, а от дурного худеют* [25] или *Не жизнь, а малина* [26] акцент делается на материальном благополучии, то есть 'существование без нужды и забот'.

Таким образом, можно прийти к выводу, что доминантные ценностные составляющие пословичной семантики выражаются в условиях определённой текстовой организации данной разновидности паремий.

Поговорки осуществляют ценностную репрезентацию собственно в ходе вербализации смыслообразующего концепта – основного стимула фразеоморфизации [27]. Соответственно, для поговорки оценка превалирует над ценностью и выступает в качестве исходного когнитивного посыла вербализации. Например, *Сидя за печью, хочет огород выстроить речью* [28]: репрезентирована негативно-ироническая оценка «Бездельника-Бахвальника», характеризующая антиценность «Лень-Пустобрехство». Вместе с тем собственно ценностно-репрезентативный потенциал у поговорки также присутствует, просто его актуальность в реализации прецедентного потенциала паремии обусловлена свойствами конкретной жанрово-структурной разновидностью поговорки, например поговорка с обобщенным значением характеризуется признаками обобщенного значения, но не выражает умозаключения. Таким образом, для поговорки ценностно-репрезентативный потенциал будет реализован через предмет морали в данных паремических единицах в рамках предусмотренной дискурсивным окружением дидактической целесообразности.

Для **устойчивых сравнений** как репрезентаторов ценностного основания этнокультуры чрезвычайно важна функция когнитивного фокуса, который сопоставим с фреймом в своей структурирующей направленности, но, в отличие от последнего, имеет не замкнутую конфигурацию «рамки», а характер открытой и чётко нацеленной актуализации. Например, *ударяться как сноп* [29]: выражена оценка 'сильно', а непосредственной ценностной вербализации не наблюдается, поскольку устойчивое сравнение в своей репрезентационной функции далеко не только от пословицы, выражающей умозаключение, но и от поговорки, выражающей образную характеристику. Устойчивое сравнение, выражая образную оценку, может участвовать в ценностной репрезентации только опосредованно – в определённой дискурсивной среде. Например, в обсуждении

проблемы «Ребёнок падает – подхватываете?» на интернет-форуме для молодых мам (орфография источника сохранена):

– Ну падала она конечно не откуда-ть, а просто на подстеленном полу, но видно, подстелила мало-то... Вот если бы она хотя бы голову убирала на грудь, что бы не затылком ударяться, так нет, падает как сноп (это мы теперь на диване, так что падаем весело, без слез)...

– Моя доча тоже падала "как сноп" :), когда вижу – ловлю, но иногда не успеваю. Мне кажется, что после нескольких падений ребенок действительно начнет быстрее понимать что именно ему причиняет боль и как этого избежать... [30].

Получается, что устойчивое сравнение фокусирует оценку, перенаправляя стереотипный взгляд с одного денотата на другой, как некий прообраз метафоры. Например, на психологическом интернет-форуме, где даются правила поведения человека для повышения своей самооценки, в контексте употребляется поговорка *Каждый кулик свое болото хвалит*, которая выражает оценку 'правильное, самое лучшее то, к чему он привык':

Человек с низкой самооценкой, пускаясь в «похвалу», как правило, очень зависим от реакции окружающих на него. Тем более, если «кулик сам хвалит свое болото». Съядте и напишите, что хорошего сделали вы сами, чем вы себе нравитесь, а рядом – положительные качества ваших близких и друзей, каждого по отдельности. Похвалите их и себя – на бумаге, когда никого рядом нет, когда вам не надо лицемерить с какой-то целью. Спокойно проанализируйте, поищите хорошее в себе и других (обязательно параллельно) и выпишите. Оставьте этот листик, как памятку, и заглядывайте в него, как только начинаете «увлекаться прошлым» [31].

Таким образом, проблема ценностной репрезентации посредством паремий различного языкового статуса и афористического жанра осложнена рядом вопросов когнитивной семантики и проблем типологии речевых жанров, которые в комплексе позволяют расширить фокус описания семантики единиц косвенно-производной номинации.

Выводы

Выдвинутая гипотеза относительно ценностно-смыслового специфики паремических репрезентаций в основном подтвердилась: в ходе лингвокогнитивного моделирования обнаружилось доминирование процесса осмысления и оценки исходной прагматической ситуации в ходе вычленения ценности как факта культуры. Стереотипная природа ценностно-смысловых репрезентаций во многом соответствует функциональному потенциалу паремий, реализующих языковой и ментальный стереотип, исходя из жанровых особенностей отдельных афористических видов.

Ценностный потенциал паремий различных структурно-семантических и функциональных типов, рассмотренный на примере пословиц, поговорок и устойчивых сравнений, вполне соответствует когнитивно-прагматическому потенциалу данных жанров:

пословица репрезентирует ценность в контексте дидактической функции, поучая и одновременно формируя культурно значимый стереотип;

поговорка в части ценностно-репрезентативного потенциала своей семантики характеризуется акцентом на ценностной составляющей репрезентатора смыслопорождающего концепта, а сама оценка определённой ценностной позиции в ней во многом обусловлена дискурсивной интенцией;

для устойчивого сравнения ценностно-репрезентативный потенциал ограничен невозможностью выражения законченного смысла, выделенного из дискурсивного окружения, и потому сводится к «ценностной фокусировке» прагматических смыслов, реализуемых в ближайшем контекстуальном окружении.

Намеченные проблемы анализа ценностных паремических репрезентаций имеют, на наш взгляд, широкую перспективу как в плане попытки системного описания концепции ценностного моделирования паремической семантики, так и в аспекте характеристики самого механизма концептуализации значения лексем, образующих текст этих паремий, в условиях конкретной дискурсивной реализации.

Примечания

1. Аббакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 115.

2. Блох М. Я. Факторы регуляции речевого общения // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Прикладная лингвистика в науке и образовании». СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 61.

3. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. С. 12.

4. Молчанова Г. Г. Текст как иконический знак (на материале сопоставительного анализа русско-английских антропонимических паремий) // Язык и действительность: сб. науч. трудов памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 512.
5. Савенкова Л. Б. Указ. соч. С. 67.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. С. 6.
7. Семенов Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: монография. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. С. 34–44.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Указ. соч. С. 4.
9. Там же. С. 11.
10. См.: Семенов Н. Н. Указ. соч. С. 137–144.
11. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. С. 215.
12. Там же. С. 64.
13. Тарасенко В. В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов: дис. ... канд. филол. наук. Комсомольск н/А, 2008. 244 с.
14. Бычкова Т. А. Концепт «Жизнь – смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 162 с.; Талицкая А. А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в лирике Н. А. Заболоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011. 24 с.; Чумак О. С. Корреляция концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле Б. Л. Пастернака (на материале романа «Доктор Живаго»): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
15. Бочарникова И. В. Ценностно-смысловое варьирование лингвокультурного концепта «Жизнь»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 26 с.
16. Даль В. И. Указ. соч. С. 141.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же. С. 143.
24. Там же.
25. Там же. С. 144.
26. Там же.
27. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. С. 69.
28. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Указ. соч. С. 498.
29. Там же. С. 627.
30. URL: <http://2006-2009.littleone.ru/archive/index.php/t-121373.html>
31. URL: <http://podrastem.com/publ/13-1-0-14>

Notes

1. Abbakumova O.B. *Poslovice v yazyke, soznanii i kommunikacii* [Proverbs in language, mind and communication]. SPb. Publishing house "Alef-Press". 2012. P. 115.
2. Blokh M. Y. *Faktory regulyacii rechevogo obshcheniya* [Regulation Factors of verbal communication] // *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Prikladnaya lingvistika v nauke i obrazovanii»* – Materials of the IV International scientific-practical conference "Applied linguistics in science and education". Spb. RSPU n.a. Herzen. A. I. 2008. P. 61.
3. L. B. Savenkova *Russkaya paremiologiya: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian Proverbs: semantic and linguo-cultural aspects]. Rostov-na-Donu. Publ. of Rostov University. 2002. P.12.
4. G. G. Molchanova *Tekst kak ikonicheskij znak (na materiale sopostavitel'nogo analiza russko-anglijskih antroponimicheskijh paremij)* [Text as iconic sign (based on the comparative analysis of Russian-English anthroponymic paroemias)] // *Yazyk i dejstvitel'nost': sb. nauch. trudov pamyati V. G. Gaka* - Language and reality: collected papers in memory of V.G. Gak. M. LENAND. 2007. P. 512.
5. Savenkova L. B. Op. cit. P. 67.
6. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoj slovar' russkih poslovic* [Large dictionary of Russian Proverbs]. M. ZOA "OLMA Media Group". 2010. P.6.
7. Semenenko N. N. *Russkie paremii: funkcii, semantika, pragmatika: monografiya* [Russian paroemia: functions, semantics, pragmatics: a monograph]. Stary Oskol. Publishing house ROSA. 2011. Pp. 34-44.
8. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Op. cit. P.4.
9. Ibid. P.11.
10. See: Semenenko N. N. Op. cit. Pp. 137-144.
11. Dal V. I. *Poslovice russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. M. Publishing house Eksmo, Publishing house NNN. 2005. P.215.
12. Ibid. P. 64.
13. Tarasenko V.V. *Koncepty «zhizn'» i «smert'» v sisteme yazyka i soznanii raznoyazychnyh nositelej: na materiale frazeologizmov: dis. ... kand. filol. nauk* [The concepts "life" and "death" in the language system of the

multilingual mind and media: the material of phraseological units: dis. ... Cand. of Philology]. Komsomolsk-na-Amure. 2008. 244 p.

14. Bychkova T. A. *Koncept «ZHizn' – smert'» v idiolekte Mihaila Zoshchenko: dis. ... kand. filol. nauk* [Concept of "Life – death" in the idiolect of Mikhail Zoshchenko: dis. ... Cand. of Philology]. Kazan. 2004. 162 p.; Talitskaya A. A. *Koncepty «ZHizn'» i «Smert'» v lirike N. A. Zabolockogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concepts "Life" and "Death" in the lyrics of N. Zabolotsky A.: abstract dis. ... Cand. of Philology]. Yaroslavl. 2011. 24 p.; Chumak O. S. *Korrelyatsiya konceptov «zhizn'» i «smert'» v idiostile B. L. Pasternaka (na materiale romana «Doktor Zhivago»): dis. ... kand. filol. nauk* [Correlation of the concepts "life" and "death" in the style of B. L. Pasternak (on the material of the novel "Doctor Zhivago"): dis. ... Cand. of Philology]. Saratov. 2004.

15. Bocharnikova I. V. *Cennostno-smyslovoe var'irovanie lingvokul'turnogo koncepta «ZHizn'»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Value-semantic variation of linguo-cultural concept "Life": abstract dis. ... Cand. of Philology]. Volgograd. Publishing house of VSSPU "Peremena". 2013. 26 p.

16. Dal V. I. Op. cit. P. 141.

17. Ibid.

18. Ibid.

19. Ibid.

20. Ibid.

21. Ibid.

22. Ibid.

23. Ibid. P. 143.

24. Ibid.

25. Ibid. P. 144.

26. Ibid.

27. Alefirenko N. F. *Frazeologiya i kognitivistika v aspekte lingvisticheskogo postmodernizma: monografiya* [Phraseology and cognitive science in the linguistic aspect of postmodernism: monograph]. Belgorod. Publishing house of BSU. 2008. P. 69.

28. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Op. cit. P. 498.

29. Ibid. P. 627.

30. Available at: <http://2006-2009.littleone.ru/archive/index.php/t-121373.html> (in Russ.)

31. Available at: <http://podrastem.com/publ/13-1-0-14> (in Russ.)

УДК 81'37

М. И. Андреева

Семантический состав эмотивов на примере эмотивов, номинирующих эмоцию *joy* (радость)

В статье представлены результаты исследования семантики эмотивов профессиональных языков, функционирующих в общем дискурсе и номинирующих эмоцию *joy* (радость). Автором изучены и описаны синтаксическая, лексическая и семантическая специфика эмотивов-номинативов. Метод компонентного анализа позволяет выявить в эмотивах-номинативах ядерные и дифференциальные семы. Ядерные семы исследуемых эмотивов представлены следующими подгруппами: лицо, состояние лица, действия лица, результат действий лица, место, время, средство. Выявлены интегральные дифференциальные семы «счастья» и «удовольствия». Интегральной потенциальной семой эмотивных единиц является – «причина»; интегральными семными конкретизаторами: «присутствие» и «достижение»; модификатором – «спорт». Потенциальные семы, семные конкретизаторы и модификаторы наводятся из текстов общего англоязычного дискурса. Представлены расширенные словарные статьи изучаемых эмотивов.

The paper presents the results of the study of *joy*-nominating emotives extracted from professional languages' dictionaries, general English discourse. The syntax, lexis and semantics are in focus of attention. The integral core and differential semes are revealed by the method of component analysis. The core semes of the emotives fall into seven groups: person, state, action, actions result, place, time and means. The integral differential semes are "happiness" and "joy", potential seme is "reason". The study presents integral seme specifiers of "presence" and "achievement"; integral modifier is "sport". The potential semes, specifiers and modifiers are retrieved from the texts of general English discourse. The enlarged dictionary entries of the emotives are compiled.

Ключевые слова: эмотив, фразеологические единицы, компонентный анализ, наведение потенциальных сем, семантика, контекст, словарная статья.

Keywords: emotive, phraseological units, component analysis, revealing potential semes, semantics, context, dictionary entry.

Исследователями подчеркивается важность изучения номинаций эмоций, так как «эмотивы-номинативы дают представление не только о чувственном опыте, физиологии и поведении в познании мира, но и самих формах познания и концептуализации окружающего мира» [1]. Категория эмоциональности эквивалентна эмотивности в языковом выражении. Согласно В. И. Шаховскому, «эмотивный – то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» [2].

Актуальность представленного исследования состоит в значимости изучения синтаксиса, лексики и семантики эмотивов профессиональных языков, номинирующих эмоцию *joy (радость)* для уточнения их значения и использования в лексикографической практике.

Целью представленного исследования является выявление специфики семного состава указанных эмотивов, функционирующих в общем англоязычном дискурсе.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) фиксация языковых единиц, генетически связанных с профессиональными языками, денотативное значение которых номинирует эмоцию *joy (радость)*; 2) выявление узальной семантики и этимологии эмотивов на основе информации, представленной в указанных словарях; 3) доказательство функционирования данных эмотивов в современном англоязычном дискурсе; 4) компонентный анализ узального значения эмотивов; 5) дистрибутивный анализ лексико-семантической сочетаемости эмотивов; 6) уточнение состава и представление расширенных словарных статей эмотивов; 7) сопоставление семантики изучаемых эмотивов.

Материалом исследования послужили единицы с эмотивными смыслами в денотативном макрокомпоненте значения, зафиксированные в шести словарях [3]. Изучаемые единицы являются многословными ФЕ, за исключением одного слова **chuffed** *довольный*.

Источниками исследования явились одно- и двуязычные англо-русские словари, а также корпус общего англоязычного дискурса [4].

В работе использованы следующие **методы**: лексикографический анализ, дескриптивный метод, метод сплошной выборки, компонентный анализ, лексикографический метод, дистрибутивный анализ.

Объектом исследования выступает общее и различное в семантике англоязычных эмотивных единиц профессиональных языков.

Предметом исследования является семантика эмотивов, номинирующих эмоцию *joy (радость)*.

В научной литературе существует несколько терминов-аналогов, используемых при описании лексических и синтаксических сочетаний фразеологических единиц (далее – ФЕ): микро- и макроконтекст [5], развернутый и расширенный контекст [6], лексический и синтаксический контекст [7], окружение [8], дистрибуция [9]. Принимая во внимание представленные теории, а также на основании задач и материала исследования в настоящей работе используем рабочий термин – *развернутый синтаксический контекст*, под которым понимаем «такой контекст, указательным минимумом в котором служит сама по себе синтаксическая конструкция, элементом которой является семантически реализуемое слово, независимо от лексических значений входящих в эту конструкцию слов» [10]. Теория и метод окружения, разработанные М. Т. Тагиевым, используются в работе для выявления лексико-грамматических элементов или синтаксических конструкций, выступающих в конфигурации с ФЕ [11]. Конфигурацию составляет сама ФЕ – ядро и ее окружение. В отличие от свободного сочетания, составляющие ФЕ, как правило, не оказывают влияния на состав ее окружения. Семантику языковых единиц составляют ядерные семы (архисемы), периферийные (дифференциальные) и потенциальные семы [12]. Под архисемами, вслед за Л. А. Новиковым, понимаем «интегрирующую родовую сему, присутствующую во всех единицах определённого класса и отражающую их общие категориальные свойства и признаки. Дифференциальные семы фиксируют семантические различия единиц» [13]. Потенциальные семы наводились из контекстов функционирования единиц в текстах общего англоязычного дискурса.

В работе учитывается разграничение между терминами смысловой (или семантической) структуры слова и структуры значения слова, введенными И. В. Арнольд. Под смысловой структурой слова понимается «все множество лексико-семантических вариантов слова. По одному из значений и известной грамматической характеристике слова можно будет судить и о других возможных для него значениях» [14].

Номинативный спектр производящей основы рассматриваемых единиц, содержащих эмотивную сему *joy (радость)*, в денотативном макрокомпоненте значения не имеет ограничений: в прямом значении лексемы обозначают широкий диапазон референтов, таких, как лица (*kirreg* –

малый, парень; King Arthur – Король Артур), артефакты (kitbags – мешки, сумки; boat – лодка), действия (to commit – участвовать; to drink – пить, выпивать; party – вечеринка; flurry – шквал, возбуждение, суматоха), состояния (chuffed – довольный), явления природы (wave – волна), временные отрезки (day – день, night – ночь), место (green – поляна).

Отдельно укажем на то, что эмотивы Ac I **cake and arse party** *офицерская вечеринка*; Ac II **Diff night** *вечеринка в честь гостя*; Ac III **Dicky flurry** *кутеж, шумная попойка на берегу*; Ac IV **King Arthur** *шуточная церемония, проводимая на судах, рядом с экватором или в жарких широтах*; Ac VII **Cheese down** *безудержный хохот, при котором человек погибает, наклоняется вперед*, номинированы существительными с общими неспециальными значениями (вечеринка, кутеж, церемония, хохот). Только в одном эмотиве имеет место указание на профессиональную составляющую лица, испытывающего эмоцию *joy* (радость) – Ac VI **commit aviation** *наслаждаться полетами* (досл. быть преданным авиации). Именно данный факт, очевидно, способствует выходу профессионализмов из сферы институционального дискурса в общий.

Метод компонентного анализа (далее – КА) служит для анализа сем и описания значений изучаемых эмотивных единиц. Метод КА позволяет выделить интегральные и дифференциальные семы в близких по значению единицах. При проведении минимального КА в небольшом наборе близких по значению единиц осуществляется интуитивный поиск различий в их значении [15].

В соответствии с задачами проводимого исследования на втором этапе были рассмотрены синтаксические функции эмотивных единиц, номинирующих эмоцию *joy* (радость) и изучен их лексический контекст.

Изучение лексического контекста эмотива **chuffed** *довольный* показывает характерное одностороннее окружение – конфигурацию с одним словом: формами глагола **to be** *быть* (41 иллюстрация из 53); модификаторами **really** *действительно* (5 иллюстраций), **dead** *абсолютно* (4 иллюстрации), **quite** *вполне* (4 иллюстрации), **pretty** *достаточно* (4 иллюстрации), **very** *очень* (3 иллюстрации), **real** *несомненно* (2 иллюстрации), **too** *тоже* (2 иллюстрации), **rather** *довольно* (2 иллюстрации) и др. В постпозиции единицы характерно использование предлогов **about** (5 иллюстраций), **with** (4 иллюстрации) и др.; инфинитивных конструкций, например, *'I'm dead chuffed to have won'* [16]. Я *абсолютно доволен* победой.

В 48 иллюстрациях функционирования в текстах общего англоязычного дискурса единица **chuffed** *довольный* выступает в функции составного именного сказуемого, например, *'The young art lot are always chuffed when Ferry turns up'* [17]. *Творческая молодежь всегда радуется, когда появляется Ферри*; в пяти иллюстрациях – в функции определения, например, *'There will be a lot of chuffed people today, including everyone who cares about Britain's heritage'* [18]. *Сегодня будет много довольных гостей, включая тех, кто заботится о наследии Британии*.

ФЕ **on the crest of a wave** *на вершине счастья, удачи* используется в сферах спорта, политики, экономики, культуры. Изучение лексического контекста ФЕ показывает характерное одностороннее окружение – конфигурацию в препозиции с одним словом: формами глагола **to be** *быть* (8 иллюстраций из 20); модальным глаголом **could** *мочь*; сочетаниями глаголов **will enter** *войдет*, **was passed** *прошла*, **came to power** *пришел к власти*; причастием **riding**. В постпозиции ФЕ характерно использование наречий **today** *сегодня*, **at present** *в настоящий момент*; союза **because** *потому что*; предлогов **of**, **since**. Данная ФЕ используется в функции составного именного сказуемого, предиката, обстоятельства времени, например, в следующем тексте: *'Baker hoped to <...> ride into the Oval Office on the crest of a wave of global stability and harmony'* [19]. *Бэйкер надеялся <...> занять овальный кабинет на волне процветания общей стабильности и гармонии*.

Отметим частотное употребление единиц, номинирующих эмоцию *joy* (радость), в функциях составного именного сказуемого и дополнения.

При моделировании сем вводится авторская маркировка иллюстраций, в соответствии с которой шифр иллюстраций «буква – число» включает указание на архисему и номер иллюстрации, где Pers. Обозначает лицо (Person), Ac – действие (Action), St – состояние (State), Res – результат действий лица (Result), Pl – место (Place), T – время (Time) а римские цифры нумеруют иллюстрации. На третьем этапе исследования выявленные эмотивы были классифицированы на основании ядерной семы. В ходе анализа было выделено семь подгрупп:

а) лицо Pers I **Merry old kipper** *старый весельчак* (перевод здесь и далее выполнен автором статьи. – М. А.);

б) действия лица Ac I **cake and arse party** *офицерская вечеринка*; Ac II **Diff night** *вечеринка в честь гостя*; Ac III **Dicky flurry** *кутеж, шумная попойка на берегу*; Ac IV **King Arthur** *шуточная церемония, проводимая на судах, рядом с экватором или в жарких широтах*; Ac V **To drink at Freeman's quay** *получать удовольствие, наслаждаться*; Ac VI **commit aviation** *наслаждаться по-*

летами; As VII **Cheese down** безудержный хохот, при котором человек погибает, наклоняется вперед;

с) состояние лица St I **Chuffed** довольный, St II **Chuffed to bits** чрезвычайно довольный St III **On the crest of the wave** на вершине счастья, удачи, St IV **Saturday night at sea** веселое настроение, царящее в кают-компании на судне;

d) результат действий лица Res I **Laughing kitbags** что-либо, вызывающее гомерический хохот;

e) место Pl I **Fiddler's green** рай моряков (особенно умерших на берегу), где по поверью, веселятся их души;

f) время T I **Halcyon days** дни счастья и процветания, T II **a field day** счастливый, приятный день; возможность или случай повеселиться;

g) средство Means I **Jolly-boat** четырехвесельный ял, используемый для увеселительных прогулок.

Подробно рассмотрим подгруппу состояния. При помощи метода КА для ФЕ **on the crest of a wave** на вершине счастья, удачи выделяем архисему «состояние». Дифференциальные семы наводились из определений данной ФЕ: 1) 'to be very successful so that many good things happen to you very quickly' [20]; 2) 'to be very successful for a limited period of time' [21]; 3) 'If you say that you are on the crest of a wave, you mean that you are feeling very happy and confident because things are going well for you.' [22]; 4) enjoying a period of great success or popularity [23].

Дифференциальные семы ФЕ **on the crest of a wave** на вершине счастья, удачи: сема «скорость» «наводились из определения 'many good things happen to you very quickly' [24]; сема «успех» (success) [25]; сема «непродолжительность» ('for a limited period of time') [26]; «счастье», «уверенность», ('feeling very happy and confident') [27]; «популярность» (popularity) [28].

Аналогичным образом в составе изучаемых эмотивов-номинативов выделяем архисемы и дифференциальные семы (см. табл. 1).

Таблица 1

ФЕ	chuffed to bits	chuffed	on the crest of a wave
Значение	вне себя от радости, в восторге	довольный	на вершине счастья, удачи
Архисема	состояние	состояние	в состоянии
	удовольствие	удовольствие	счастье
Дифференциальные семы	взволнованность	направленность на себя	успех
		удовлетворенность	популярность
		гордость собой	скорость
		восторг	непродолжительность
			уверенность

Изучив минимальные семантические составляющие значений эмотивов, номинирующих эмоцию *joy* (радость), выделим интегральные семы у всех единиц данной группы, архисема: «состояние»; дифференциальные семы – «счастье», «удовольствие» выделены цветом в табл. 1.

На следующем этапе исследования наводим потенциальные семы из текстов общего англоязычного курса на основании представленных семантических контекстов в значениях эмотивных единиц.

Рассмотрим потенциальные семы эмотива **chuffed** *довольный*, сопровождающиеся иллюстрациями функционирования эмотива, собранных в картотеке автора.

Семным конкретизатором в значении *довольный* выступает «обретение чего-либо», модификатором – определенный предмет одежды либо титул: 'New jumper, please! Andy Murray's miffed with sweater but **chuffed** with Arsenal shirt' [29]. Новый джемпер, пожалуйста! Энди Мюррей огорчен из-за свитера, но **доволен** футболкой Арсенала; 'Lenny Henry **'chuffed'** at knighthood [30]. Ленни Генри «**доволен**» рыцарством.

«Присутствие кого-либо» выступает конкретизатором потенциальной семы «причина» в следующем контексте: 'The young art lot are always **chuffed** when Ferry turns up' [31]. Творческая молодежь всегда **радуется**, когда появляется Ферри.

Семным конкретизатором семы «довольный» выступает «достижение», модификатором – наименования видов спорта: гонки, гольф, футбол: 'Mr Perks, who plays off a handicap of five, is a member of Baron Hill Golf Club, Beaumaris. <...> ' I feel absolutely **chuffed** about winning.' [32] Мистер

Перкс, разыгрывающий 5 гандикап, является членом гольф клуба Baron Hill в Бомарисе. «Я абсолютно **доволен** выигрышем».

«Принадлежность» к какому-либо коллективу наводится из следующих контекстов: 'I'm really **chuffed** that Sandy chooses to go on working with us.' [33]. Я действительно **доволен** тем, что Сэнди продолжает работать с нами.

Таким образом, эмотив **chuffed** *довольный*, употребляется в семантическом контексте, указывающем на «причину» удовольствия и конкретизируется текстом, описывающим обретение какого-либо объекта (модификатор: предмет одежды или титул), единение группы людей, чье-либо присутствие, достижения (модификатор: спортивные) и принадлежность (модификатор: к коллективу). Таким образом, данная единица используется для характеристики объектов и действий лиц.

Аналогичным образом выявляются семные конкретизаторы и модификаторы остальных изучаемых эмотивов (табл. 2).

Таблица 2

ФЕ	chuffed to bits	on the crest of a wave	chuffed
З	вне себя от радости, в восторге	на вершине счастья, удачи	довольный
П	причина		
К 1	достижение		
М 1	спортивные	футбол, плавание, гонки, скачки, гребля	гонки, гольф, футбол
К 2	присутствие к.-л., ч.-л.		
М 2	музыкальное оборудование	прибыль	
М 2.1	звук		
К 3	принадлежность		
М 3		к организации	к коллективу
К 4			(не) обретение ч.-л.
М 4			предмет одежды
М 4.1			титул
К 5			единение

Условные обозначения: З – значение, П – потенциальная сема, К – конкретизатор, М – модификатор. Арабские цифры нумеруют конкретизаторы и модификаторы.

Таким образом, интегральной потенциальной семой эмотивов профессиональных языков является «причина»; общими семными конкретизаторами – «присутствие», «достижения», «принадлежность»; модификатором – «спорт», выделены цветом в табл. 2.

На основе проведенного анализа возможна корректировка ранее существующих словарных статей. Представим фрагмент расширенной словарной статьи эмотивных единиц **chuffed** *довольный*, **chuffed to bits** *вне себя от радости, в восторге*. Особо укажем на то, что в определениях существующих словарей зафиксирован меньший диапазон дифференциальных сем ФЕ **chuffed to bits** *вне себя от радости, в восторге* по сравнению с производящим словом **chuffed** *довольный* (ср. две дифференциальные семы в значении ФЕ и шесть – в однословной единице).

Выделяем следующие составляющие зоны словарной статьи: зона значения, грамматическая зона, темпоральные указатели (время возникновения, изменение значения в различный период), социальную и профессиональную сферу использования (мор., ав. и т. д), территориальную зону, этимологию, зону иллюстраций. Отметим, что выделенные значения (шрифт *жирный курсив*) наводились автором из текстов общего англоязычного дискурса. В статье также приводятся иллюстрации функционирования словарной единицы в соответствующем значении.

chuffed, прил., прич. разг. 1) 1855–1860, *довольный*; 2) 1950е., «пухлый и довольный»; 3) *сер.* XIX в. диалектн. угрюмый и мрачный. < от англ. диалект. (нач. XVII в.)

♦ **chuffed to bits**, прич. 1) вне себя от радости, в восторге; 2) **единение** • 'There will be a lot of **chuffed** people today, including everyone who cares about Britain's heritage [34]. Сегодня будет много **довольных** гостей, включая тех, кто заботится о наследии Британии. 3) обладание чем-либо • 'New jumper, please! Andy Murray's miffed with sweater but **chuffed** with Arsenal shirt' [35]. Новый джемпер, пожалуйста! Энди Мюррей огорчен из-за свитера, но **доволен** футболкой Арсенала; 4) **присутствие кого-либо** • 'The young art lot are always **chuffed** when Ferry turns up' [36]. Творческая молодежь всегда **радуется**, когда появляется Ферри; 5) **достижения** • ': 'Mr Perks, who plays off a handicap of five, is a member of Baron Hill Golf Club, Beaumaris. <...> 'I feel absolutely **chuffed** about winning' [37]. Мистер Перкс, разыгрывающий 5 гандикап, является членом гольф клуба Baron Hill в

Бомарисе. «Я абсолютно доволен выигрышем.»; б) принадлежность •‘I’m really *chuffed* that Sandy chooses to go on working with us’ [38]. Я действительно доволен тем, что Сэнди продолжает работать с нами.

Таким образом производящая основа эмотивов в прямом значении не ограничена в использовании референтов.

Эмотивы используются в функциях составного именного сказуемого, определения, обстоятельства времени, дополнения. Развернутый синтаксический контекст указывает на частотное сочетание эмотивов с модификаторами при односторонней сочетаемости.

Структура значений эмотивов профессиональных языков, функционирующих в общем дискурсе, содержит общую архисему «состояния», дифференциальные семы «счастья» и «удовольствия».

Отметим, что потенциальная сема «причина» присутствует в значениях всех изучаемых эмотивов и конкретизируется и модифицируется в контексте отдельных иллюстраций. Общими потенциальными семами для всей группы эмотивов являются «достижение» и «присутствие».

Примечания

1. Солнышкина М. И. Эмоции в зеркале профессиональной номинации // Эмоции в языке и речи. М.: РГГУ, 2005. С. 312–323.
2. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 4-е. М., 2012. 208 с.
3. *The free dictionary be Farlex*. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/>; *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus*. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>; *MacMillan Dictinary*. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>; *Collins English dictionary*. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>; *Oxford dictionaries*. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>; *Mail online*. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/tennis/index.html>
4. *British National Corpus* URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
5. Торсуева И. Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 264.
6. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ., аспирантов, преподавателей-филологов. Изд. 4-е. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 450.
7. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Изд. 3-е. М.: Изд-во Либроком, 2013. 216 с.
8. Тагиев М. Т. Окружение как дифференциальный признак ФЕ // Филологические науки. 1966. № 4.
9. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991. С. 39; Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. 122 с.
10. Амосова Н. Н. Указ. соч.
11. Тагиев М. Т. Указ. соч.
12. Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки», 2011. 150 с.
13. Новиков Л. А. Сема // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 688 с.
14. Арнольд И. В. Полисемия существительного и лексико-грамматические разряды // ИЯШ. 1969. № 5.
15. Стернин И. А. Указ. соч.
16. *Oxford dictionaries*. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
17. Ibid.
18. Ibid.
19. *British National Corpus*. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
20. *The free dictionary be Farlex*. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/>
21. *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus*. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>
22. *Collins English dictionary*. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>
23. *MacMillan Dictinary*. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
24. *The free dictionary be Farlex*. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/>
25. *The free dictionary be Farlex*. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/>; *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus*. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>; *MacMillan Dictinary*. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
26. *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus*. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>
27. *Collins English dictionary*. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>
28. *MacMillan Dictinary*. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
29. *Mail online*. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/tennis/index.html>
30. *British National Corpus* URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
31. *Oxford dictionaries*. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
32. *British National Corpus* URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
33. Ibid.

34. *Oxford dictionaries*. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
 35. *Mail online*. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/tennis/index.html>
 36. *Oxford dictionaries*. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
 37. *British National Corpus* URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
 38. Ibid.

Notes

1. Solnyshkina M. I. *EHmocii v zerkale professional'noj nominacii* [Emotions in the mirror of professional nomination] // *EHmocii v yazyke i rechi* – Emotions in language and speech. M. RGGU. 2005. Pp. 312-323.
 2. Shakhovskiy V. I. *Kategorizaciya ehmocij v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Publ. 4th. M. 2012. 208 p.
 3. *The free dictionary be Farlex*. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com/>; *Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>; *MacMillan Dictionary*. Available at L: <http://www.macmillandictionary.com/>; *Collins English dictionary*. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>; *Oxford dictionaries*. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/>; *Mail online*. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/sport/tennis/index.html>
 4. *British National Corpus* Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
 5. Torsueva I. G. *Kontekst* [Context] // *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary. M. 1990. P. 264.
 6. Bolotnova N. S. *Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie dlya stud., aspirantov, prepodavatelej-filologov* [Philological analysis of the text: tutorial for students, graduate students, teachers-philologists]. Publ. 4th. M. Flinta: Nauka. 2009. P. 450.
 7. Amosova N. N. *Osnovy anglijskoj frazeologii* [Fundamentals of English phraseology]. Publ. 3d. M. Publishing house Librokom. 2013. 216 p.
 8. Tagiyev M. T. *Okruzhenie kak differencial'nyj priznak FE* [Environment as a differential symptom of FE] // *Filologicheskie nauki* – Philological Sciences. 1966. No. 4.
 9. Arnold I. V. *Osnovy nauchnyh issledovanij v lingvistike* [Basics of scientific research in linguistics]. M. 1991. P. 39; Sternin I. A. *Problemy analiza struktury znacheniya slova* [Problem of analysis of the structure of the meaning of the word]. Voronezh. Publishing house of Voronezh University. 1979. 122 p.
 10. Amosova N. N. Op. cit.
 11. Tagiyev M. T. Op. cit.
 12. Sternin I. A. *Semanticheskij analiz slova v kontekste* [Semantic analysis of words in context]. Voronezh. Istoki. 2011. 150 p.
 13. Novikov L. A. *Sema* [Sema] // *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'*- Linguistic encyclopedic dictionary. M. 1990. 688 p.
 14. Arnold I. V. *Polisemiya sushchestvitel'nogo i leksiko-grammaticheskie razryady* [Noun polysemy and lexical-grammatical level] // *IYASH – FLS*. 1969, No. 5.
 15. Sternin I. A. Op. cit.
 16. *Oxford dictionaries*. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/>
 17. Ibid.
 18. Ibid.
 19. *The British National Corpus*. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
 20. *This free dictionary be Farlex*. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com/>
 21. *Cambridge Advanced learner's dictionary and Thesaurus*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>
 22. *Collins English dictionary*. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>
 23. *Macmillan Dictionary*. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>
 24. *This free dictionary be Farlex*. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com/>
 25. *This free dictionary be Farlex*. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com/>; *the Cambridge Advanced learner's dictionary and Thesaurus*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>; *McMillan Dictionary*. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>
 26. *Cambridge Advanced learner's dictionary and Thesaurus*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>
 27. *Collins English dictionary*. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>
 28. *Macmillan Dictionary*. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>
 29. *Mail online*. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/sport/tennis/index.html>
 30. *The British national corpus* Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
 31. *Oxford dictionaries*. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/>
 32. *The British national corpus* Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
 33. Ibid.
 34. *Oxford dictionaries*. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/>
 35. *Mail online*. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/sport/tennis/index.html>
 36. *Oxford dictionaries*. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/>
 37. *The British national corpus* Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
 38. Ibid.

Термин «концепт» в современной лингвистике

В статье приводится определение термина «концепт». Раскрываются различные точки зрения. Одни ученые считают, что концепт есть мысленное образование, которое замещает неопределенное множество предметов одного и того же рода. Другие ученые полагают, что термины «концепт» и «понятие» не равны. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» нет термина «концепт». Это всего лишь синоним термина «понятие». В статье обобщаются все точки зрения термина «концепт» и дается его определение. Концепт – это единица коллективного сознания.

This article gives the meaning of the term concept and is devoted to research the term of concept. There are a lot of points of view about what the concept is. Some scholars consider that the concept is a mental unit which replace us indefinite lots of objects of one sort. The other scholars suppose that the concept and the conception are not equal. Stepanov says that the concept and the conception are the terms of different sciences. The conception is maintain the term of logic and philosophy and the concept is the term of mathematics logic and culturology. There is no dictionary entry in linguistic encyclopedic dictionary of the term concept. It is only a synonym of the term conception. This article summarize all points of view about the term concept and give its definition.

Ключевые слова: концепт, понятие, культурология, термин, ученые.

Keywords: concept, Conception, culturology, term, scholars.

Термин «концепт» «вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной размытостью границ, произвольностью его употребления, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами [1].

В настоящее время нет четкого и точного определения термина «концепт», поскольку он охватывает сразу несколько областей: когнитивистику, семантику и лингвокультурологию. Этот термин схож с другими близкими терминами по языковой форме. Главная задача – это дать точное и четкое определение, которое включало бы в себя все стороны термина «концепт».

Существует много точек зрения на то, что же такое концепт.

Известный лингвист С. А. Аскольдов определяет его как мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [2]. По мнению С. А. Аскольдова, концепт может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт «справедливость», а также может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций. Таковы, например, математические концепты [3]. С. А. Аскольдов акцентирует свое внимание на том, что заместительная роль концептов в области мысли, в общем, совпадает по своей цели и значению с разного рода заместительными функциями в области реальных жизненных отношений, а таких замещений в жизненной сфере очень много [4]. Ученый много рассуждает о природе познавательных концептов. Образно выражаясь, он говорит о концепте, что это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей [5]. Следует также упомянуть о концепте познания. С. А. Аскольдов утверждает, что концепт познания имеет всегда отношение к какой-нибудь множественной предметности – идеальной или реальной [6]. Он определяет слово как органическую часть концепта [7].

Другие ученые дают иные определения.

Такие известные ученые, как З. Д. Попова и И. А. Стернин, определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [8].

Р. М. Фрумкина отмечает, что концепт является объектом концептуального анализа, смысл которого – «проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» [9]. Концептуальный анализ – это исследования, для которых кон-

цепт является объектом анализа. Смысл концептуального анализа – это, по существу, означает знание концепта, т. е. концепт – это знание об объекте из мира действительности.

А. П. Бабушкин в монографии «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» рассматривает концепты как структуры представления знаний. Он понимает концепт «как любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата. Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [10].

«Концепт» и «понятие» не равны, что отмечает в своих работах В. Н. Телия. Она считает, что «смена термина “понятие” на термин “концепт” – не просто терминологическая замена: концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности». «Концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т. п. – знаки национальной и – шире – общечеловеческой культуры» [11].

Свое объяснение терминам «концепт» и «понятие» дал и Ю. С. Степанов, который считает, что концепт и понятие – термины разных наук; понятие употребляется главным образом в логике и философии, а термин «концепт», являясь термином в математической логике, в последнее время закрепился еще и в науке о культуре, в культурологии [12].

Ю. С. Степанов, рассматривая концепт как факт культуры, выделяет три компонента, или три «слоя», концепта:

- 1) основной, актуальный признак;
- 2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»;
- 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [13].

В современных исследованиях анализ понятия «концепт» ведется по двум направлениям:

1. По гносеологии концепта (с точки зрения происхождения концепта и его «местоположения», а также его соотношения с действительностью и форм его проявления).
2. По типологии концептов (с точки зрения определенной пауки (дисциплины) с учетом ее понятийного аппарата и ее потребностей в данном термине) [14].

Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Человеческое сознание – посредник между реальным миром и языком. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется: «Концепты образуют “своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром”» [15].

По В. В. Колесову, «концепт – зерно первосмысла, семантический “зародыш” слова»; «Концепт потому и становится действительностью речемысли, образно данной в слове, что существует реально так же, как существует язык, фонема, морфема и прочие, уже выявленные наукой “нумены” плана содержания, для всякой культуры жизненно необходимые. Концепт есть то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что, напротив, направляет мысль говорящих на данном языке, определяя их выбор и создавая потенциальные возможности языка-речи». И в отличие от образа, символа, понятия «концепт не расширяется каким-либо вопросом, ибо именно он – и точка отсчета, и завершение процесса на новом уровне семантического развития живого в языке; он и есть источник всеобщего смысла, который организуется в системе отношений множественных форм и значений» [16].

Для описания концептослова в социополитическом дискурсе, во-первых, необходимо комплексное лексикографирование по данным не одного словаря, с обязательным привлечением новейших словарей. Как отмечает А. Г. Бердникова, «словарные описания лексических единиц относятся к языковой картине мира, они описывают кирпичики, из которых языковая картина мира, по сути, складывается. Они отражают языковую ментальность носителей конкретного естественного языка». Но «толковые словари отчасти показывают степень представленности концепта в сознании носителей языка: каков набор, иерархия семантических компонентов, из которых они состоят» [17].

Следующую структуру предлагает С. Г. Воркачев. Он выделяет в составе лингвокультурного концепта три составляющие: понятийную, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру, образную, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики [18].

Согласно В. И. Карасику, концепт состоит из трех компонентов – понятийного, образного и ценностного [19]. Он считает, что культурный концепт в языковом сознании – это многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими повторяющиеся фрагменты социальной жизни [20].

Смысл – это, по определению Г. П. Щедровицкого, «общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» [21]. Он всегда ситуационен, обусловлен контекстом, принадлежит речи и первичен по отношению к значению, которое, в свою очередь, внеконтекстно, неситуационно, принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется, в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым, исключительно составителями словарей [22].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» термин «концепт» самостоятельной словарной статьей не представлен, но его значение раскрывается в статье «Понятие», а «концепт» как синоним обозначен рядом в скобках: «Понятие (концепт) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [23].

В современной научной литературе концепт и понятие – явления не «того же порядка, что и значение слова», – как уже отмечалось, – концепт значительно шире значения [24].

Обобщая различные точки зрения лингвистов на термин «концепт», можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существует двойное понимание терминов «концепт» и «понятие».

В. Н. Телия и Ю. С. Степанов считают, что концепт и понятие – термины разных наук. Понятие употребляется главным образом в логике и философии, а термин концепт, являясь термином, – в математической логике.

В отличие от них В. Н. Ярцева считает, что термин «концепт» является всего лишь синонимом термина «понятие».

Во-вторых, можно выделить три составляющие термина концепт. С. Г. Воркачев и В. И. Карасик выделили в составе лингвокультурного концепта три компонента, причем первые два у них одинаковые – понятийный и образный.

В-третьих, В. З. Демьянков, на основе большого количества текстов разных жанров проанализировав употребление термина «концепт» в разных языках, пришел к следующим выводам:

1. Языки варьируются по времени укоренения термина «концепт» в гуманитарных науках, в художественной литературе и в обыденной речи. В русском языке, если отвлечься от «цитирующего» упоминания концепта как термина средневековой философии, данный термин начинает часто использоваться с 1920-х гг., причем вплоть до середины 1970-х гг. – чаще всего как полный синоним термина «понятие».

2. Пика популярности в русском языке концепт достигает, когда этот термин начинают употреблять в значении ином, чем просто «понятие», особенно в гуманитарных науках. Разграничение проходит по следующей линии: понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью уверенности. Иногда референты у терминов «концепт» и «понятие» совпадают.

3. В таких истолкованиях значение термина концепт содержит идею «зачаточной истины», заложенной в латинском *conceptus* «зачатый». Концепт – то, что, видимо, «зачато». Своеобразная мода на термин «концепт» в научной и художественной литературе конца XX – начала XXI в. указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» (априорным) смыслом. Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о событиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений – старых концептов, не разрушая их, попытаться сконструировать новые понятия. Новое, особенно в этике, является реконструкцией старого. Со справедливостью этого положения мы сталкиваемся и в общественной, и в научной жизни [25].

Таким образом, концепт – это мысленное образование, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, не подлежащая изменениям в семантике словесного знака единица, направляющая мысль говорящих на данном языке, при этом определяя их выбор и создавая потенциальные возможности языка-речи, а также являющаяся базовой единицей мыслительного кода человека, которая обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющей собой результат познавательной (когнитивной)

деятельности личности и общества и несущей комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.

Это определение весьма объемно. Поэтому будем придерживаться точки зрения С. А. Аскольдова, который понимает концепт как мысленное образование, замещающее в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода.

Итак, подводя итоги всему вышесказанному, мы пришли к следующим выводам:

- Термины «концепт» и «понятие» не тождественны.
- Термин «понятие» употребляется главным образом в логике и философии.
- Концепт – это единица коллективного сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Примечания

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 75.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 269.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 24.
9. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3.
10. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Воронеж, 2006. С. 29.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 96, 215.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: «Академический проект», 2001. С. 43.
13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 46–54.
14. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2008. С. 17.
15. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3–6.
16. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002. С. 50–51.
17. Бердникова А. Г. Концепт «Благодарность» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. С. 35.
18. Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115–124.
19. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.
20. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты. С. 142.
21. Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 546–576.
22. Там же.
23. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 384.
24. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 281.
25. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.

Notes

1. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty*. Diskurs [Language circle: personality, concepts. Discourse]. M. Gnosis. 2004. P. 75.
2. Askoldov S. A. *Koncept i slovo* [Concept and the word] // *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* – Russian literature. From theory of literature to the structure of the text. The anthology / under the editorship of V. P. Neroznak. M. Academia 1997. P. 269.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh. 2006. P. 24.

9. Frumkina R. M. *Konceptual'nyj analiz s točki zreniya lingvista i psihologa* [Conceptual analysis from the point of view of the linguist and psychologist] // *Nauchno-tehnicheskaya informaciya* – Scientific and technical information. 1992. Ser. 2. No. 3.
10. Babushkin A. P. *Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka, ih lichnostnaya i nacional'naya specifiika* [Types of concepts in lexico-phraseological semantics of the language, their personal and national features]. Voronezh. 2006. P. 29.
11. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M. 1996. Pp. 96, 215.
12. Stepanov Y. S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. M. "Academic project". 2001. P. 43.
13. Stepanov Y. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. The experience of research]. M. School "Languages of Russian culture". 1996. Pp. 46-54.
14. Prokhorov Y. E. *V poiskah koncepta* [In search of a concept]. M. 2008. P. 17.
15. Arutyunova N. D. *Vvedenie* [Introduction] // *Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya* – Logic analysis of language. Mental steps. M. Nauka. 1993. Pp. 3-6.
16. Kolesov V. V. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of Russian words]. St. Petersburg. 2002. Pp. 50-51.
17. Berdnikova A. G. *Koncept «Blagodarnost'» v russkoj yazykovoj kartine mira* [Concept of "Gratitude" in Russian language picture of the world] // *Problemy interpretacionnoj lingvistiki: mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Problems of interpretational linguistics: Intercollege coll. of scient. works. Novosibirsk. 2000. P. 35.
18. Vorkachev S. G. *Bezrazlichie kak ehtnosemanticheskaya harakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noj paremiologii* [Indifference as ethnosemantic characteristic of the individual: the experience of comparative paremiology] // *VYA*. 1997, No. 4, pp. 115-124.
19. Karasik V. I. *O kategoriyah lingvokul'turologii* [About categories of cultural linguistics] // *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoj deyatel'nosti* – Linguistic personality: problems of communicative activities. Volgograd. 2001. Pp. 3-16.
20. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty* [Language circle: personality, concepts]. P. 142.
21. Shchedrovitsky G. P. *Smysl i znachenie* [Meaning and significance] // Shchedrovitsky G. P. *Selected works*. M. 1995. Pp. 546-576.
22. Ibid.
23. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* -Linguistic encyclopedic dictionary / under the editorship of V. N. Yartseva. M. 1990. P. 384.
24. Likhachev D. S. *Konceptosfera russkogo yazyka* [Conceptosphere of the Russian language] // *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya* – Russian literature. From theory of literature to the structure of the text: an anthology / ed. by V. P. Neroznak. M. 1997. P. 281.
25. Demyankov V. Z. *Ponyatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom yazyke* [Notion and concept in literature and in scientific language] // *Voprosy filologii* – Questions of Philology. 2001, No. 1, pp. 35– 47.

УДК 930. 2

А. С. Столетова

Сотрудничество писательских организаций Европейского Севера России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей)*

В статье рассматривается развитие деятельности писательских организаций Севера – Архангельского и Вологодского отделений Союза писателей. Отмечается, что совместная работа повлияла на потенциал, творческую активность, признание местных писателей. Устанавливается, что контакты между литераторами были достаточно интенсивными. Взаимодействие выразилось в процессе подготовки к образованию писательских организаций, участии в съездах и совещаниях, издании совместных трудов, образовании межобластного журнала. Определяется, что на формирование тематики произведений, связанной с описанием жизни северной деревни, повлияли уже опытные, известные писатели – Ф. А. Абрамов и А. Я. Яшин (уроженцы рассматриваемых областей). Содействие росту и продвижению литературного актива оказало образование в Архангельске Северо-Западного издательства. Путь к читателю получали книги многих местных состоявшихся и начинающих авторов. В то же время издательство способствовало консолидации писательских сил и установлению творческих связей. Публиковались коллективные сборники. В статье делается вывод о том, что 1950–1960-е гг. в регионе были созданы важнейшие элементы инфраструктуры

© Столетова А. С., 2015

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341 «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания».

чтения, выступившие образующими литературного и читательского сообществ. В тексте находят отражение сведения об устойчивом интересе читателей к творчеству северных писателей.

The article considers development of the activities of the writer's organizations of the north – Arkhangelsk and Vologda branches of the writer's Union. Noted that the joint work has affected potential, creativity, recognition of local writers. Established that the contacts between the writers were quite intense. The interaction resulted in preparation for the formation of writers' organizations, participation in congresses and meetings, publication of joint works, formation inter-provincial magazine. Determined that the experienced and already famous writers – F.A. Abramov and A. J. Yashin (natives of the areas under consideration) have influenced the formation of thematic of the works related to the description of the life of northern village. Assistance to growth and promotion of literary asset had formation Northwestern Publishing House in Arkhangelsk. Books of many local experienced and novice writers get a way for the reader. At the same time publishing contributed to the writer's consolidation forces and the establishment of creative communications. Published collective compilations. The article concludes that in the 1950–1960-ies. in the region have been established critical elements of infrastructure in reading, which became generator of literary and reader communities. The text reflects information about the sustained interest of readers to the works of northern writers.

Ключевые слова: Архангельская область, Вологодская область, писатель, литература, Архангельское отделение Союза писателей, Вологодское отделение Союза писателей, Северо-Западное книжное издательство, журнал «Север».

Keywords: Arkhangelsk region, Vologda region, writer, literature, Arkhangelsk branch of the Union of Writers, Vologda branch of the Union of Writers, Northwestern Publishing House, the «North» magazine.

Общность исторического и культурного развития территорий Архангельской и Вологодской областей повлияла на процесс развития литературной жизни региона. Взаимодействие писателей происходило как на уровне создания писательских организаций, проведения совместных встреч и совещаний, так и в период разработки тематики творчества, при образовании Северо-Западного книжного издательства и журнала «Север».

Одной из форм сотрудничества писателей являлась деятельность в процессе организации писательских объединений. Известный вологодский писатель А. Я. Яшин участвовал в подготовке к созданию краевой писательской организации в Архангельске. Там же вышел первый сборник его стихотворений «Песнь Северу» [1]. Особый вклад А. Я. Яшин внес в становление отделения Союза писателей в Вологодской области. Выступая руководителем и участником областных совещаний писателей в Вологде, Александр Яковлевич стремился сплотить разрозненные литературные силы, давал местным авторам рекомендации для принятия в члены Союза писателей, тем самым активизируя литературное движение [2].

В совещаниях, предшествующих учреждению Вологодского отделения Союза писателей принимали участие архангелогородцы. К примеру, К. Коничев присутствовал в октябре 1950 г. на втором, 20 декабря 1955 г. на третьем и с 5 по 8 февраля 1960 г. на четвертом областных совещаниях начинающих писателей и поэтов. На последнем из них также побывал Е. Коковин [3]. После образования 21 июля 1961 г. Вологодского областного отделения Союза писателей (от Архангельска на собрании присутствовал Н. К. Жернаков) связь писателей Вологды с писателями других областей значительно укрепилась [4].

Литераторы рассматриваемых областей, контактируя друг с другом, узнавали о творческой обстановке, после чего нередко меняли место жительства. В 1950-е гг. в Архангельске ежегодно издавалась книга альманаха «Север», в которой были напечатаны первые произведения И. Полуянова, О. Фокиной, авторов, в начале 1960-х гг. переехавших жить и работать в Вологду [5]. Это было связано с тем, что в развитии Архангельской писательской организации обозначился этап, когда отделение было малочисленно, часто сменялись ответственные секретари, а партийное руководство осуществлялось недостаточно интенсивно [6]. В Вологде, напротив, представители власти являлись организаторами и участниками собраний писателей и приемов в обкоме, содействовали разрешению квартирного вопроса, давали рекомендации по тематике будущих произведений [7].

Участие в творческих семинарах, совещаниях и съездах в 1960-е гг. стало еще одной формой совместной работы писателей, вошло в традицию и продолжило активизировать литературную жизнь региона. Второй съезд писателей РСФСР в 1965 г. посетили А. Романов, С. Викулов, В. Гура, А. Яшин, К. Коничев, И. Полуянов, В. Дементьев, С. Орлов, О. Фокина, В. Белов и др. [8] 28–29 ноября 1966 г. состоялась первая встреча писателей Северо-Запада в Петрозаводске, где прошло совещание литераторов Мурманска, Архангельска, Вологды, Нарьян-Мара. В разговоре о литературе Севера было отмечено, что книги вологжан И. Полуянова, В. Гарновского, архангелого-

родца Е. Коковина получили общее признание. На мероприятии высоко были оценены вологодские поэты. Было установлено, что творчество С. Викулова, А. Романова, О. Фокиной, В. Коротаева внесло немалый вклад в советскую поэзию. Много раз на совещании назывались имена архангелогородцев Н. Жернакова, Е. Коковина, Ю. Галкина и др. [9] 29–30 июня 1967 г. в Петрозаводске работал съезд писателей Карелии, куда в качестве гостя был приглашен архангельский поэт В. В. Фролов [10]. Делегатом съезда являлся также вологодский поэт А. А. Романов, который выступил с анализом творчества земляков и указал на имена В. Белова и С. Викулова как на «глубоких исследователей жизненных процессов» [11]. Архангельский поэт Н. Журавлев был избран участником пятого Всесоюзного совещания молодых писателей, прошедшего в марте 1969 г. [12]

При рассмотрении деятельности организаций писателей важно остановиться на вопросе формирования тематики их произведений. В данной связи нельзя не упомянуть творчество А. Я. Яшина (родился в Вологодской губернии) и Ф. А. Абрамова (родился в Архангельской губернии), способствующих укреплению и развитию направления в советской литературе, которое принято называть «деревенская проза» [13]. В 1951 г. в газете «Известия» в статье «Молодые писатели Вологды» А. Яшин писал о задаче глубокого изучения жизни [14]. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г., указавшего на отставание сельского хозяйства от роста промышленности и принявшего программу ликвидации запущенности ряда важнейших отраслей, Ф. Абрамов писал, что среди художественных произведений почетное место занимали книги, в которых изображались люди колхозной деревни, описывался их трудовой подвиг. С точки зрения писателя, это было необходимо для оказания помощи в борьбе за развитие сельского хозяйства [15].

Развитие особого направления в творчестве стало следующей формой взаимодействия писателей. Большинство вологодских литераторов к середине 1950-х гг. посвящали свои произведения темам деревни, важнейшим вопросам сельского хозяйства. В 1955 г. С. Викулов писал, что «деревенская тема» стала занимать ведущее место в творчестве вологодских писателей [16]. Начиная со второй половины 1950-х гг. и в течение 1960-х гг. в произведениях вологжан поднимаются нравственно-социальные проблемы, связанные с судьбой русской деревни. Темы партийного руководства сельским хозяйством, колхозного строительства, трудовых будней, образ передового председателя колхоза, проблемы привлечения и закрепления в деревне молодежи, судьбы поколения, сложности взаимосвязей города и деревни звучат в творчестве А. Романова, С. Викулова, Н. Угловского, В. Гарновского, В. Белова и других авторов [17].

С середины 1950-х гг. большое значение изображению жизни Севера и деревни придавали архангелогородцы. К описанию крестьянского труда, деревенского детства и пр. обращались Н. Жернаков, Е. Богданов, П. Лысков, Ю. Галкин и др. [18]

Отметим, что произведения местных писателей находили отклик среди читателей. Как писал Б. Пономарев, роман Н. Н. Никитина «Северная Аврора», освещающий борьбу против американских, английских и французских оккупантов 1918–1920-х гг. на территории Архангельской губернии, в 1950-е гг. нашел у архангелогородцев «живой и горячий отклик». В областной библиотеке им. Н. А. Добролюбова, в Архангельской городской библиотеке им. М. В. Ломоносова, а также во всех районных были проведены конференции читателей, посвященные обсуждению произведения [19]. «Литературные вечера кипели от народа – желающих попасть не вмещал зал Вологодской областной библиотеки», – вспоминал о 1960-х гг. А. Романов [20]. О встрече А. Яшина с жителями Харовского района Вологодской области в 1963 г. писал член Союза журналистов России, в то время работник областного радио, А. Сушинов: «Районный Дом культуры был битком забит горожанами, сотни людей пришли послушать выступление писателя» [21]. В 1963 г., после вечера поэзии, проведенного в Доме политпросвещения Вологды, читатели, как писал М. Аристов, охотно покупали книги стихов А. Романова «Семизвездие» и «За морем березовым», С. Викулова «Деревьям снятся листья», сборник поэтов-вологжан «Крылья крепнут в полете» [22].

В данной связи нельзя не обратиться к вопросу создания совместного печатного издания и сотрудничества писателей в нем. Во время проведения в Вологде четвертого совещания писателей области (1960 г.), его участники и гости из Архангельска, Ярославля, Петрозаводска и других северных городов говорили о необходимости создания на Северо-Западе межобластного журнала [23]. 27 октября 1961 г. на собрании писателей и литературного актива Архангельска было принято решение совместно с литераторами других областей обратиться в правление Союза писателей РСФСР с вопросом об открытии в Архангельске литературного журнала [24]. 9 ноября 1961 г. вологодские писатели решили просить Правление Союза писателей РСФСР сделать журнал «На рубеже» – орган Союза писателей Карело-Финской АССР – межобластным для Северо-Запада, ввести в состав редколлегии журнала представителей от Архангельской, Вологодской, Кировской, Ярославской, Новгородской и других писательских организаций [25]. К тому времени журнал «На рубеже», единственный русский журнал, издававшийся на Севере страны, выходил небольшим

тиражом и испытывал большие трудности. Поэтому и возникла идея объединить писательские силы и создать полноценный журнал Русского Севера [26].

В итоге в январе 1965 г. журнал «На рубеже» был преобразован в межобластной журнал для Вологодской, Архангельской, Мурманской, Новгородской областей и Республики Карелия, а с марта этого же года получил название «Север». Годом позже к числу создателей присоединилась Республика Коми. Объединение под знаменами «Севера» было выгодно всем: писатели областей получали выход на всесоюзную литературную арену, «Север» – возможность конкурсного отбора рукописей, творческую конкурентоспособность на любом уровне литературной периодики [27]. Появилась совместная возможность координации издательской и книготорговой деятельности [28].

Внимание к журналу было усилено в начале 1966 г. публикацией повести В. Белова «Привычное дело», ставшей ярким примером русской «деревенской прозы», «корневой вещью», как отмечал поэт А. Романов [29]. Во второй половине 1960-х гг. творческое взаимодействие в журнале и писательская активность стали предметом совместных обсуждений. На проведенной 28–29 ноября 1966 г. в Петрозаводске конференции писателей Карелии, Архангельска, Вологды, Мурманска были выработаны принципы, которыми определялось творческое и тематическое лицо совместного издания. Главный редактор журнала Д. Гусаров в своем докладе подчеркивал, что одно из центральных мест занимал показ бурно развивающегося Севера, его тружеников. Каждая писательская организация имела свое направление в журнале. Архангельские литераторы были склонны к романтическому восприятию жизни, описанию природы Севера. Вологжанам был свойственен повышенный интерес к проблемам села, внимание к внутреннему миру человека [30].

Еще в 1965 г. вологодские писатели призывали провести в Вологде представительное творческое совещание на уровне выездного Пленума Союза писателей РСФСР с повесткой дня: «Писатели-северяне и советская деревня» с участием писателей Архангельска, Карелии, Мурманска, Коми АССР, Ярославля, Костромы, работающих над деревенской тематикой [31]. В этом же году в Архангельске было проведено собрание писателей, где также была высказана идея о проведении конференции. По этому поводу было послано письмо, а также просьба Архангельского обкома КПСС в Союз писателей Л. С. Соболеву [32]. В итоге 12–13 октября 1970 г. в Архангельске был проведен выездной секретариат правления Союза писателей РСФСР. В город прибыли писатели из Москвы, Ленинграда, республик и областей Северо-Запада России. На встрече была рассмотрена тема «Человек труда в произведениях писателей Севера». Секретарь правления Союза писателей РСФСР, первый секретарь правления Ленинградской писательской организации О. Н. Шестинский сделал обзор поэзии журнала «Север», при этом выделил поэму А. Романова «Земля», имена О. Фокиной и Н. Рубцова. Литературовед В. Гура в выступлении о прозе и публицистике журнала «Север» обозначил как положительное явление то, что журнал «настойчиво разрабатывает тему Севера, ставит жгучие вопросы сегодняшнего дня, публикует десятки очерков о людях, событиях, свершениях». О раскрытии темы труда в произведениях северных писателей рассказывал архангелогородец Ш. Галимов. Он назвал произведения В. Белова, В. Коротаева, А. Романова, Д. Гусарова, Ю. Галкина, отмечая правдивое изображение трудового героизма советского человека в их книгах [33].

Организация писательской жизни шла через подготовку и обсуждение публикаций, через работу в издательстве. Расширению возможностей писателей способствовало открытие в 1964 г. в Архангельске Северо-Западного книжного издательства (сформировано на базе Архангельского и Вологодского областных книжных издательств), имевшего в своей структуре Вологодское отделение [34]. Директор Северо-Западного книжного издательства Б. Пономарев отмечал в 1966 г., что произведения архангельских и вологодских писателей, как правило, издавались солидными тиражами и расходились далеко за пределы региона. Так, в 1965 г. 75-тысячным тиражом была издана книга Е. Коковина «Детство в Соломбале» [35]. К 50-летию Октября в 1967 г. в Северо-Западном книжном издательстве вышла книга «Поэзия Севера», где было представлено творчество 42 поэтов: А. Яшина, С. Викулова, С. Орлова, А. Романова, О. Фокиной, А. Левушкина и др. [36] В 1967 г. также был издан сборник «Преображенный Север» – коллективный труд писателей и журналистов Архангельска и Вологды об истории преобразования Севера [37].

Таким образом, писатели Архангельской и Вологодской областей работали не изолированно друг от друга, и в т. ч. от окружающих отделений Союза писателей, а в тесной взаимосвязи, что позволило им определить творческое лицо и стать яркими представителями одного из ведущих направлений в русской литературе. Как утверждал в 1970 г. критик В. Сурганов, «в северные края, на вологодско-архангельскую “основу” переместился центр тяжести интереснейшего твор-

ческого спора о судьбах нашей деревни, о ее месте и роли в жизни нашего общества, в формировании духовного облика грядущих поколений» [38].

Как показал анализ, в рассматриваемом регионе в период 1950–1960-х гг. сложились важные составляющие инфраструктуры чтения: функционировали писательские организации, издательство и журнал. Их образование способствовало созданию содружества поэтов и писателей Севера, одновременно с тем формировалась читательская аудитория, интересующаяся жизнью своего края и изображением современников.

Примечания

1. *Галимова Е.* Литература Архангельского Севера (обзор) // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова: Проект «Литературный Север». URL: <http://writers.aonb.ru/map/project.htm> (дата обращения: 21.03.2015); *Карасева Г. М.* Дом, в котором родился писатель А. Я. Яшин // ВОУНБ. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Вологодская область. М.: Б. и, 1979. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mat/eri/aly/47.htm> (дата обращения: 21.03.2015).

2. *Кибардина А.* Живите творчески быстрее // Красный Север. 1960. 11 февр. С. 2; *Романов А.* Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 472; *Яшина З., Яшин М.* От всего сердца: к 20-летию Вологодской писательской организации // Вологодский комсомолец. 1981. 19 авг. С. 2.

3. IV областное совещание писателей // Красный Север. 1960. 6 февр. С. 2; Второе областное совещание писателей // Красный Север. 1950. 25 окт. С. 4; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2938. Оп. 1. Д. 519. Л. 11; Совещание молодых писателей области // Красный Север. 1955. 28 дек. С. 2.

4. *Романов А.* Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 476; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 846. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; РГАЛИ. Ф. 2938. Оп. 1. Д. 594. Л. 59; Рождение новой организации // Красный Север. 1961. 27 июля. С. 4.

5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 741. Оп. 1. Д. 159. Л. 7; *Михайлов А.* Литературный Архангельск // Вопросы литературы. 1958. № 6. С. 66.

6. *Галимова Е.* Указ. соч.; Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 741. Оп. 1. Д. 159. Л. 2, 14–15; Архангельские писатели: библиогр. справочник / сост. Б. С. Пономарев. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. С. 5–6; *Галимова Е., Кузьмина Е.* История Архангельской писательской организации // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова: Проект «Литературный Север». URL: <http://writers.aonb.ru/union/history.html> (дата обращения: 21.03.2015); Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГААО). Ф. 296. Оп. 2. Д. 1860. Л. 13, 14, 16; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 45. Д. 86. Л. 4.

7. *Белозеров В.* Начало большой дружбы // Коммунист. 1960. 12 февр. С. 4; *Бобылев В., Сушинов А.* Рукопожатие // Вологодский комсомолец. 1966. 10 апр. С. 4; Встреча писателей с партийным активом // Литературная газета. 1958. 1 апр. С. 3; ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 5. Л. 30; Литературные традиции Русского Севера: Александр Яшин, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Василий Белов: исследования и материалы. Кн. 1. Писатель и его время / под ред. С. А. Тихомирова. Вологда: Книжное наследие, 2008. С. 151.

8. Встреча писателей-земляков // Красный Север. 1964. 2 дек. С. 4; *Сухарев А.* Вологжане на съезде писателей // Вологодский комсомолец. 1965. 12 марта. С. 2–3.

9. *Иванов В.* Первая встреча (с совещания писателей северян) // Север. 1967. № 1. С. 123; *Кибардина А.* Пусть будет это традицией // Красный Север. 1966. 10 дек. С. 3; *Сушинов А.* Встречи на Карельской земле // Вологодский комсомолец. 1966. 5 дек. С. 4.

10. ГААО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 199. Л. 32.

11. Большие дни карельской литературы (Заметки с V съезда писателей Карелии) // Север. 1967. № 4. С. 110.

12. *Пономарев Б.* Литературный Архангельск: События, имена, факты, 1920–1980. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. С. 164; РГАЛИ. Ф. 2938. Оп. 2. Д. 953. Л. 33.

13. *Галимова Е.* Указ. соч.; Литературные традиции Русского Севера. С. 5; *Пономарев Б.* Указ. соч. С. 151–152; *Шошин В. А.* Яшин Александр Яковлевич // ВОУНБ. Русские писатели. XX век. Т. 2. М., 1998. URL: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=322&pid=177&sub=workabout> (дата обращения: 21.03.2015).

14. *Яшин А.* Молодые писатели Вологды // Известия. 1951. 6 марта. С. 3.

15. *Абрамов Ф.* Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. 1954. № 4. С. 210–231.

16. *Викулов С.* О творчестве молодых // Красный Север. 1955. 14 дек. С. 3.

17. *Романов А.* Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 475; *Викулов С.* За работу, товарищи писатели! // Красный Север. 1961. 4 дек. С. 3; *Викулов С.* Писать о жизни народной // Вологодский комсомолец. 1964. 5 дек. С. 2; *Гура В.* Вологодские писатели сегодня // Вологодский комсомолец. 1961. 22 июля. С. 3; *Гура В.* Голос участия // Вологодский комсомолец. 1966. 7 окт. С. 3.

18. *Михайлов А.* Литературный Архангельск // Вопросы литературы. 1958. № 6. С. 57–58; *Галимов Ш.З.* Чувство времени: Заметки о творчестве архангельских писателей. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во,

1966. С. 79–95, 110, 136; Павел Георгиевич Лысков // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова: Проект «Литературный Север». URL: http://writers.aonb.ru/map/shenk/lyskov_pg.htm (дата обращения: 21.03.2015).

19. Пономарев Б. Указ. соч. С. 122; ГААО. Ф. 5790. Оп. 3. Д. 163. Л. 9; ГААО. Ф. 5790. Оп. 3. Д. 165. Л. 28, 32.

20. Романов А. Указ. соч. С. 480.

21. Сушинов А. Зажмурься, но скажи правду!: [воспоминания о встречах с поэтом А. Я. Яшиным] // Русский Север. 1998. 27 марта. С. 11.

22. Аристов М. Крепнут в полете // Литературная Россия. 1963. 27 дек. С. 4.

23. Викулов С. За работу, товарищи писатели! // Красный Север. 1961. 4 декабря. С. 3. Л. 11; Павел Георгиевич Лысков // Архангельская областная научная библиотека им. Н.А. Добролюбова: Проект «Литературный Север». URL: http://writers.aonb.ru/map/shenk/lyskov_pg.htm (дата обращения: 21.03.2015).

24. ГААО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 159. Л. 73.

25. ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

26. Гусаров Д. Раздумья в дни юбилея // Север. 1990. № 6. С. 4–5.

27. Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Север». URL: <http://www.sever-journal.ru/o-zhurnale/> (дата обращения: 21.03.2015); Тихонов О. Неюбилейные раздумья // Север. 2000. № 5–6. С. 135; Четверть века! // Север. 1965. № 6. С. 4.

28. Сушинов А. Встречи на Карельской земле // Вологодский комсомолец, 1966. 5 дек. С. 4. Л. 11.

29. Романов А. Указ. соч. С. 479.

30. Иванов В. Первая встреча (с совещания писателей северян) // Север. 1967. № 1. С. 123–128; Кибардина А. Пусть будет это традицией // Красный Север. 1966. 10 дек. С. 3; Гусаров Д. Раздумья в дни юбилея // Север. 1990. № 6. С. 5; Четверть века! // Север. 1965. № 6. С. 4–5.

31. РГАЛИ. Ф. 2938. Оп. 2. Д. 631. Л. 1–3.

32. РГАЛИ. Ф. 2938. Оп. 2. Д. 953. Л. 10; РГАЛИ. Ф. 2938. Оп. 2. Д. 625. Л. 10.

33. Пономарев Б. Указ. соч. С. 143; Дневник второго дня работы выездного секретариата // Литературная Россия. 1970. 23 окт. С. 2–3; Коваленко Р., Юнина Л. Земля Михайлы Ломоносова слушает слова писателей о человеке труда // Литературная Россия. 1970. 16 окт. С. 3, 4–5.

34. Волынская В. А. Борис Семенович Пономарев // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова. Проект «Литературный Север». URL: <http://writers.aonb.ru/map/arkh/ponomarev.htm> (дата обращения: 21.03.2015).

35. ГААО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 159. Л. 23; Встреча писателей-земляков // Красный Север. 1964. 2 дек. С. 4; Пономарев Б. Книги архангельских и вологодских писателей // Красный Север. 1966. 5 янв. С. 4.

36. ГААО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 199. Л. 3; Мишин О. Главная тема – Север // Север. 1967. № 3. С. 124.

37. ГААО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 199. Л. 4.

38. Сурганов В. Вологодская школа. К выездному секретариату правления СП РСФСР в Архангельске // Литературная Россия. 1970. 9 окт. С. 4.

Notes

1. Galimova E. *Literatura Arhangel'skogo Severa (obzor)* [Literature of the Arkhangelsk North (review)] // *Arhangel'skaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. N. A. Dobrolyubova: Proekt «Literaturnyj Sever»* – The Arkhangelsk regional scientific library named after. N. A. Dobrolyubov: The Project "Literary North". Available at: <http://writers.aonb.ru/map/project.htm> (reference date: 21.03.2015); Karaseva G. M. *Dom, v kotorom rodilsya pisatel' A. YA. Yashin* [House, the birthplace of the writer A. I. Yashin] // *VOUNB. Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR: Vologodskaya oblast'* – Vologda Regional Universal Scientific Library. The materials of the Arch of monuments of history and culture of the RSFSR: Vologda region. M. B. 1979. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/mat/eri/aly/47.htm> (reference date: 21.03.2015).

2. Kibardina A. *ZHivite tvorcheshki bystree* [Live creatively faster] // *Krasnyj Sever* – Red North. 1960. 11 Feb. P. 2; Romanov A. *Narodnye korni literatury: iz istorii Vologodskoj pisatel'skoj organizacii* [Folk roots of literature: from the history of the Vologda writers ' organization] / *Literaturnaya Vologda* – Literary Vologda. Vologda. Book heritage. 2007. P. 472; Z. Yashina, Yashin M. *Ot vsego serdca: k 20-letiyu Vologodskoj pisatel'skoj organizacii* [From the heart: on the 20th anniversary of the Vologda writers ' organization] // *Vologodskij komsomolec* – Vologda Komsolets. 1981, 19 Aug., p. 2.

3. *IV oblastnoe soveshchanie pisatelej* – IV regional meeting of writers // *Krasnyj Sever* – Red North. 1960, 6 Feb., p. 2; *Vtoroe oblastnoe soveshchanie pisatelej* – The second regional meeting of writers // *Krasnyj Sever* – Red North. 1950, 25 Oct., p. 4; *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI)* – Russian state archive of literature and art (RGALI). F. 2938. Sh. 1. File 519. Sh. 11; the Meeting of young writers of the region // *Krasnyj Sever* – Red North. 1955, 28 Dec., p. 2.

4. Romanov A. *Narodnye korni literatury: iz istorii Vologodskoj pisatel'skoj organizacii* [Folk roots of literature: from the history of the Vologda writers ' organization] // *Literaturnaya Vologda* – Literary Vologda. Vologda. Book heritage. 2007. p. 476; *Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO)* – State archive of the Vologda region (GAVO). F. 846. Sh. 1. File 1. Sh. 2; RGALI. F. 2938. Sh. 1. File 594. Sh. 59; *Rozhdenie novej organizacii* – Birth of a new organization // *Krasnyj Sever* – Red North. 1961, July 27, p.4.

5. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO)* - State archives of Arkhangelsk region (GAAO). F. 741. Sh. 1. File 159. Sh. 7; Mikhailov A. *Literaturnyj Arhangel'sk* [Literary Arkhangelsk] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 1958, No. 6, p. 66.

6. Galimova E. Op. cit.; *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO)* – State archive of Arkhangelsk region (GAAO). F. 741. Sh. 1. File 159. Sh. 2, 14-15; *Arhangel'skie pisateli: bibliogr. spravochnik* – Arkhangelsk writers: bibliography. guide / comp. B. S. Ponomarev. Arkhangelsk: North-West publishing house. 1986. P. 5-6; Galimova E., Kuzmina E. *Arhangel'skoj pisatel'skoj organizacii* [The history of the Arkhangelsk writers' organization] // *Arhangel'skaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. N. A. Dobrolyubova: Proekt «Literaturnyj Sever»* – Arkhangelsk regional scientific library n.a. N. A. Dobrolyubov: The Project "Literary North". Available at: <http://writers.aonb.ru/union/history.html> (reference date: 21.03.2015); *Otdel dokumentov social'no-politicheskoj istorii gosudarstvennogo arhiva Arhangel'skoj oblasti (ODSPI GAAO)*- The Department of social and political history of state archive of Arkhangelsk region (ODSPI GAAO). F. 296. Sh. 2. File 860. Sh. 13, 14, 16; RGALI. F. 631. Sh. 45. File 86. Sh. 4.

7. Belozerov V. *Nachalo bol'shoj družby* [Beginning of a great friendship] // *Kommunist* – The Communist. 1960, 12 Feb., p. 4; V. Bobylev, A. Sushinov *Rukopozhatie* [Handshake] // *Vologodskij komsomolec* – Vologda Komsomolets. 1966, 10 Apr., p. 4; *Vstrecha pisatelej s partijnym aktivom* – Meeting of writers with party activists // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1958, 1 Apr., p. 3; GAVO. F. 846. Sh. 1. File 5. Sh. 30; *Literaturnye tradicii Russkogo Severa: Aleksandr Yashin, Viktor Astaf'ev, Nikolaj Rubcov, Vasilij Belov: issledovaniya i materialy. Kn. 1. Pisatel' i ego vremena* – Literary traditions of the Russian North: Alexander Yashin, Viktor Astafyev, Nikolai Rubtsov, Vasily Belov: studies and materials. Book 1. The writer and his times / ed. by A. S. Tikhomirov. Vologda. Book heritage. 2008. P. 151.

8. *Vstrecha pisatelej-zemlyakov* – Meeting of writers-countrymen // *Krasnyj Sever* – Red North. 1964, 2 Dec., p. 4; Sukharev A. *Vologzhane na s"ezde pisatelej* [People from Vologda at the Congress of writers] // *Vologodskij komsomolec* – Vologda Komsomolets. 1965, March 12, pp. 2-3.

9. Ivanov V. *Pervaya vstrecha (s soveshchaniya pisatelej severyan)* [The First meeting (conference with writers northerners)] // *Sever* – The North. 1967, No. 1, p. 123; Kibardina A. *Pust' budet eto tradiciej* [Let it be a tradition] // *Krasnyj Sever* – Red North. 1966, 10 Dec., p. 3; A. Surinov *Vstrechi na Karel'skoj zemle* [Meeting on Karelian land] // *Vologodskij komsomolec* – Vologda Komsomolets. 1966, 5 Dec., p.4.

10. SAAO. F. 741. Sh. 1. File 199. Sh. 32.

11. *Bol'shie dni karel'skoj literatury (Zametki s V s"ezda pisatelej Karelii)* – Big days of Karelian literature (Notes on the fifth Congress of writers of Karelia) // *Sever* – The North. 1967, No. 4, p. 110.

12. Ponomarev B. *Literaturnyj Arhangel'sk: Sobytiya, imena, fakty, 1920–1980* [Literary Arkhangelsk: the events, names, facts, 1920-1980]. Arkhangelsk. North-West publishing house. 1982. P. 164; RGALI. F. 2938. Sh. 2. File 953. Sh. 33.

13. Galimova E. Op. cit.; *Literaturnye tradicii Russkogo Severa* – Literary traditions of the Russian North. P.5; Ponomarev B. Op. cit. Pp. 151-152; Shoshin V. A. *Yashin Aleksandr Yakovlevich* [Yashin Alexander Yakovlevich] // *VOUNB. Russkie pisateli. XX vek* – Vologda Regional Universal Scientific Library. Russian writers. XX century. Vol. 2. M. 1998. Available at: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=322&pid=177&sub=workabout> (reference date: 21.03.2015).

14. Yashin A. *Molodye pisateli Vologdy* [Young writers of Vologda] // *Izvestiya* – News. 1951, March 6, p.3.

15. Abramov F. *Lyudi kolhoznoj derevni v poslevoennoj proze* [People of kolkhoz village in postwar prose] // *Novyj mir* – New world. 1954, No. 4, pp. 210-231.

16. Vikulov S. *O tvorchestve molodyh* [On the work of young] // *Krasnyj Sever* – Red North. 1955, 14 Dec., p.3.

17. Romanov A. *Narodnye korni literatury: iz istorii Vologodskoj pisatel'skoj organizacii* [Folk roots of literature: from the history of the Vologda writers' organization] / *Literaturnaya Vologda* – Literary Vologda. Vologda. Book heritage. 2007. P. 475; S. Vikulov *Za rabotu, tovarishchi pisateli!* [To the work, comrade writers!] // *Krasnyj Sever* – Red North. 1961, 4 Dec., p. 3; S. Vikulov *Pisat' o zhizni narodnoj* [To write about the life of folk] // *Vologodskij komsomolec* – Vologda Komsomolets. 1964, 5 Dec., p. 2; V. Gura *Vologodskie pisateli segodnya* [Vologda writers today] // *Vologodskij komsomolec* – Vologda Komsomolets. 1961, July 22, p. 3; V. Gura *Golos uchastiya* [Voice of participation] // *Vologodskij komsomolec* – Vologda Komsomolets. 1966, 7 Oct., p.3.

18. Mikhailov A. *Literaturnyj Arhangel'sk* [Literary Arkhangelsk] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 1958, No. 6, pp. 57-58; Galimov Sh.Z. *CHuvstvo vremeni: Zametki o tvorchestve arhangel'skih pisatelej* [Sense of time: remarks on the work of the Arkhangelsk writers]. Arkhangelsk. North-West publishing house. 1966. Pp. 79-95, 110, 136; Pavel Georgievich Lyskov – Pavel Georgievich Lyskov // *Arhangel'skaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. N. A. Dobrolyubova: Proekt «Literaturnyj Sever»* – Arkhangelsk regional scientific library n.a. N. A. Dobrolyubov: The Project "Literary North". Available at: http://writers.aonb.ru/map/shenk/lyskov_pg.htm (reference date: 21.03.2015).

19. Ponomarev B. Op.cit. P. 122; SAAO. F. 5790. Sh. 3. File 163. Sh. 9; SAAO. F. 5790. Sh. 3. File 165. Sh. 28, 32.

20. Romanov A. Op. cit. P. 480.

21. Surinov A. *Zazhmur'sya, no skazhi pravdu! [vospominaniya o vstrechah s poehtom A. YA. Yashiny]* [Shut your eyes, but tell the truth!: [recollections of meetings with the poet A.Ya. Yashin] // *Russkij Sever* – Russian North. 1998, March 27, p.11.

22. M. Aristov *Krepnut v polete* [Stronger in flight] // *Literaturnaya Rossiya* – Literary Russia. 1963, 27 Dec., p.4.

23. Vikulov S. *Za rabotu, tovarishchi pisateli!* [For the work, comrade writers!] // *Krasnyj Sever* – Red North. 1961, December 4, p. 3. L. 11; Pavel Georgievich Lyskov – Pavel Georgievich Lyskov // *Arhangel'skaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. N.A. Dobrolyubova: Proekt «Literaturnyj Sever»*- Arkhangelsk regional scientific library n.a. N. A. Dobrolyubov: The Project "Literary North". Available at: http://writers.aonb.ru/map/shenk/lyskov_pg.htm (reference date: 21.03.2015).

24. SAAO. F. 741. Sh. 1. File 159. Sh. 73.

25. GAVO. F. 846. Sh. 1. File 5. Sh. 8; GAVO. F. 846. Sh. 1. File 4. Sh. 20.
26. Gusarov D. *Razdum'ya v dni yubileya* [Thoughts during the anniversary] // *Sever – North*. 1990, No. 6, pp. 4-5.
27. *Literaturno-hudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij zhurnal «Sever»* – Literary-artistic and public-political journal "North". Available at: <http://www.sever-journal.ru/o-zhurnale/> (accessed: 21.03.2015); Tikhonov O. *Neyubilejnye razdum'ya* [Unusual thoughts] // *Sever – The North*. 2000, No. 5-6, p. 135; *CHetvert' veka! – A quarter of a century!* // *Sever – The North*. 1965, No. 6, p.4.
28. Surinov A. *Vstrechi na Karel'skoj zemle* [Meetings on Karelian land] // *Vologodskij komsomolec – Vologda Komsomolets*. 1966, 5 Dec., pp. 4. L. 11.
29. Romanov A. Op. cit. P. 479.
30. Ivanov V. *Pervaya vstrecha (s soveshchaniya pisatelej severyan)* [The First meeting (conference with writers northerners)] // *Sever – The North*. 1967, No. 1, pp. 123-128; Kibardina A. *Pust' budet eh to tradiciej* [Let it be a tradition] // *Krasnyj Sever – Red North*. 1966, 10 Dec., p. 3; D. Gusarov *Razdum'ya v dni yubileya* [Thoughts during the anniversary] // *Sever – The North*. 1990, No. 6, p. 5; *A quarter of a century!* // *Sever – The North*. 1965, No. 6, pp. 4-5.
31. RGALI. F. 2938. Sh. 2. File 631. Sh. 1-3.
32. RGALI. F. 2938. Sh. 2. File 953. Sh. 10; RGALI. F. 2938. Sh. 2. File 625. Sh. 10.
33. Ponomarev B. Op. cit. P. 143; *Dnevnik vtorogo dnya raboty vyezdnogo sekretariata* – Diary of the second day of the mobile Secretariat // *Literaturnaya Rossiya – Literary Russia*. 1970, 23 Oct., pp. 2-3; R. Kovalenko, L. Unina L. *Zemlya Mihajly Lomonosova slushaet slova pisatelej o cheloveke truda* [Earth of Mikhailo Lomonosov listening to the words of writers about the working man] // *Literaturnaya Rossiya – Literary Russia*. 1970, 16 Oct., pp. 3, 4-5.
34. Volynskaya A. V. *Boris Semenovich Ponomarev* [Boris Semenovich Ponomarev] // *Arhangel'skaya oblast'naya nauchnaya biblioteka im. N.A. Dobrolyubova. Proekt «Literaturnyj Sever»* – Arkhangelsk regional scientific library named after N. A. Dobrolyubov. The Project "Literary North". Available at: <http://writers.aonb.ru/map/arkh/ponomarev.htm> (reference date: 21.03.2015).
35. SAAO. F. 741. Sh. 1. File 159. Sh. 23; *Vstrecha pisatelej-zemlyakov* – Meeting of writers-countrymen // *Krasnyj Sever – Red North*. 1964, 2 Dec., p.4; Ponomarev B. *Knigi arhangel'skih i vologodskih pisatelej* [Book of the Arkhangelsk and Vologda writers] // *Krasnyj Sever – Red North*. 1966, 5 Jan., p.4.
36. SAAA. F. 741. Op. 1. D. 199. 3 L.; Mishin, O. *Glavnaya tema – Sever* [Main theme – North] // *Sever – North*. 1967. No. 3. P. 124.
37. SAAO. F. 741. Sh. 1. File 199. Sh. 4.
38. Sarganov V. *Vologodskaya shkola. K vyezdnomu sekretariatu pravleniya SP RSFSR v Arhangel'ske* [Vologda school. To the offsite Secretariat of the management board of JV RSFSR in Arkhangelsk] // *Literaturnaya Rossiya – Literary Russia*. 1970, 9 Oct., p. 4.

УДК 821.161.1:159.923.2

Жэнь Фэй

Молчание и его роль в коммуникации (на материале произведений А. П. Чехова)

В статье рассматривается вопрос об особенностях невербальной коммуникации. Автор анализирует научные работы, посвященные данной проблематике. Особо останавливается на исследованиях, в которых речь идет о семантике молчания. В центре внимания семантика молчания и анализ контекстов употребления глагола *молчать* в произведениях А. П. Чехова. Автор показывает, что молчание у А. П. Чехова обычно входит в структуру диалога, что оно мотивировано и обуславливается рядом причин: отсутствием темы для разговора; психологическим состоянием персонажа; степенью близости героев друг с другом; страхом высказаться в присутствии какого-либо лица; недовольством чьим-либо поведением; игнорированием собеседника; иерархическими отношениями между участниками коммуникации. Соотносимое с глаголом *молчать* существительное *молчание* используется весьма редко и указывает на отсутствие произносимых звуков, перерыв в разговоре или возобновление разговора после паузы.

In the article the question of features of nonverbal communication is considered. The author analyzes the scientific works devoted to this perspective. Especially stops on researches in which semantics of silence is discussed. In the center of attention are the semantics of silence and the analysis of contexts of the use of the verb *to be silent* in works of A. P. Chekhov. The author shows that silence at A.P. Chekhov's works is usually included into the structure of the dialogue, is motivated and caused by a variety of reasons: lack of a subject for conversation; psychological state of the character; degree of proximity of heroes with each other; fear to express in the presence of any person; discontent with someone's behavior; ignoring of the interlocutor; hierarchical relations between participants of communication etc. Correlated to a verb *to be silent* the noun *silence* is used very seldom and indicates lack of the said sounds, break in conversation or renewal of conversation after a pause.

Ключевые слова: художественный текст, невербальное поведение персонажей, коммуникативная ситуация, семантика молчания.

Keywords: art text, nonverbal behavior of characters, communicative situation, semantics of silence.

Анализ коммуникативного взаимодействия людей дается в целом ряде работ [1]. Активно описываются также семантика молчания и его роль в коммуникации [2]. Каждый из авторов описывает молчание в избранном им аспекте. Все авторы сходятся в том, что молчание коммуникативно значимо.

Н. Д. Арутюнова, в частности, пишет: «Смысл молчанию придает контекст, ситуация, регламент социального поведения, поверья, ритуал. Для того, чтобы отсутствие звуков стало значимым, нужны особые условия, а иногда также опора на сопутствующие молчанию действия или паралингвистические сигналы – выражение лица, жест, мимические движения» [3]. Особо Н. Д. Арутюнова рассматривает молчание в контексте диалога. Она пишет: «Наиболее нормирован диалог. В его контексте хорошо заметны отклонения от нормы. На его фоне четко обозначены контуры молчания. В диалоге молчание может быть невольным и намеренным. В первом случае молчание симптоматично, во втором – семиотично. Диалогическое молчание может быть вызвано разными причинами и сообразно с ними (а также в согласии с мимикой) получать различную интерпретацию» [4].

Молчание как презентация коммуникативной ситуации рассматривается в работе Н. Д. Шестопаловой. Автор приходит к следующему выводу. Ср.: «Молчание может выступать в качестве полноценного коммуникативного акта, реализация которого позволяет продолжать межличностную коммуникацию на качественно ином уровне. Наряду с этим крайне важно не забывать о том, что, как всякий поступок, молчание включено в определённые контексты употребления. В зависимости от того или иного контекста оно может получать самый различный спектр значений и порой совершенно противоположный. Молчание может как объединить собеседников, так и разъединить их, может сигнализировать взаимопонимание или антипатию и даже угроз, может подразумевать глубокую задумчивость или пассивность и бездействие и т. д.» [5]

Т. Р. Копылова пишет о современных подходах к характеристике молчания в лингвистической литературе, молчание рассматривается автором как особый вид коммуникации, как нулевой речевой акт, как определенные стратегии и тактики поведения человека, как национально специфичный феномен [6].

С. В. Крестинский посвящает свою статью анализу факторов, которые провоцируют молчание собеседника в ходе вербальной коммуникации. В итоге автор делает следующий вывод: «Психологическое состояние как причина молчания субъекта является одним из самых важных факторов, влияющих на процесс порождения молчания в речевом общении. Практически все (или почти все) акты молчания связаны в большей или меньшей степени с каким-либо эмоциональным состоянием человека, которое почти всегда является одной из обязательных составляющих интрасилленциального содержания акта молчания» [7].

О молчании как семиотическом знаке в культуре и коммуникации пишет И. П. Амзаракова. Она отмечает: «В семиотике молчание позиционируется как знак, противоположный слову. Для лингвистики это нулевой акт коммуникации, или отказ от коммуникации, для искусства – выбор образа, демонстрирующего молчание» [8].

Молчание является объектом характеристики и в диссертационных исследованиях [9]. Особо выделим кандидатскую диссертацию Д. Б. Мухаметова, посвященную молчанию как компоненту диалогического фрагмента текста в прозаических произведениях А. П. Чехова [10]. Автор показывает, что молчание как компонент коммуникации получает «сущностное наполнение только на фоне диалогического общения», что «в художественном произведении знание по поводу смыслов молчания принадлежит не только общающимся персонажам, но и автору, поэтому связь на уровне “персонаж – персонаж” часто усиливается связью “персонаж – читатель”» [11]. Д. Б. Мухаметов отмечает также, что «А. П. Чехов не только изображает вербальное общение и молчание персонажей, но, как правило, раскрывает мотивы, повлекшие использование молчания, что создает объемное представление о сущности коммуникации героев» [12]. В диссертационном исследовании Д. Б. Мухаметова подчеркивается, что «в прозаических произведениях А. П. Чехова молчание является средством создания психологизма», что «явления, сопутствующие молчанию, – пауза, тишина и внутренняя речь – значимы как самостоятельные феномены, так и во взаимодействии с молчанием» [13].

С. В. Меликян в работе «Речевой акт молчания в структуре общения» отмечает: «Интерпретируя молчание говорящего, информанты часто не разграничивают выжидательную и риториче-

скую функции; медитативную и эмотивную; выжидательную и терминационную функции. Что касается молчания слушателя, то здесь наиболее часто не разграничиваются дисконтактная и терминационная функции. Видимо, это происходит потому, что и в том и в другом случае общение прерывается: информанты воспринимают эти функции как близкие» [14].

Новизна нашего подхода к интерпретации молчания в произведениях у А. П. Чехова в том, что молчание рассматривается нами на фоне анализа обширного поля невербальных единиц коммуникации в целом, во всем многообразии этих единиц. Рассмотрим особенности словесного обозначения молчания у А. П. Чехова подробнее.

Наиболее часто молчание обозначается у А. П. Чехова глаголом **молчать**, отмечены также случаи употребления существительного **молчание**. Прежде всего охарактеризуем семантику глагола **молчать**.

В толковом словаре русского языка глагол **молчать** имеет следующее определение. Ср.: **Молчать**, молчу, -чишь; *несов.* 1. Не произносить ничего, не говорить, не издавать никаких звуков. *Молчал всю дорогу. Птицы молчат.* 2. о чем. Держать в тайне, не рассказывать, не высказываться. *Я обещал молчать об этом.* || сущ. **молчание**, -я, ср. [15]

Глагол **молчать** употребляется в ситуациях, связанных с коммуникативным взаимодействием людей. Контекст дает указание на то, является ли молчание преднамеренной реакцией на ситуацию или же невольным, непреднамеренным актом. Деепричастная форма **молча**, отмеченная в ряде контекстов, сохраняет глагольное значение, но обозначает действие второстепенное, сопутствующее тому, которое названо глаголом-сказуемым. Анализ конкретного языкового материала показал, что у А. П. Чехова во всех случаях представлены контексты, в которых молчание является преднамеренным актом. Приведем анализ такого рода контекстов с обоснованием причин молчания [16].

Причины молчания, как показал анализ материала, могут быть весьма разнообразными. Перечислим далее эти причины.

1. Отсутствие темы для разговора

Ср.: *Лаптев сидел в кресле и читал, покачиваясь; Юлия была тут же в кабинете и тоже читала. Казалось, говорить было не о чем, и оба с утра молчали. Изредка он поглядывал на нее через книгу и думал: женишься по страстной любви или совсем без любви – не всё ли равно?* (А. П. Чехов. Три года. 1987. С. 133).

2. Психологическое состояние персонажа (или персонажей)

Ср.: *Вернувшись домой, она сказала мужу: – Мы должны как можно скорее перебраться на Пятницкую и жить там. И ты каждый день будешь ездить в амбар. Потом оба сидели в кабинете рядом и **молчали.** У него было тяжело на душе и не хотелось ему ни на Пятницкую, ни в амбар, но он угадывал, о чем думает жена, и был не в силах противоречить ей (А. П. Чехов. Три года. 1987. С. 141).*

*Она села на постели, спустив ноги. При свете лампы глаза у нее казались большими, черными. – Я прошу извинения, – проговорила она. От волнения и дрожи во всем теле он уже не мог выговорить ни одного слова, а стоял перед ней и **молчал.** Она тоже дрожала и сидела с видом преступницы, ожидая объяснения (А. П. Чехов. Три года. 1987. С. 115).*

3. Степень близости с кем-либо, позволяющая обходиться без слов

Ср.: *Юлия Сергеевна обыкновенно **молчала** в его присутствии, и он странным образом, быть может чутьем влюбленного, угадывал ее мысли и намерения. И теперь он сообразил, что если она после всенощной не пошла к себе переодеваться и пить чай, то, значит, пойдет сегодня вечером еще куда-нибудь в гости (А. П. Чехов Три года. 1987. С. 67).*

*Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом и **молчали**, плечи наши касались, я **молча** брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга... (А. П. Чехов. О любви. 1985. С. 224).*

4. Страх высказаться в присутствии какого-либо лица

Ср.: *– Вы не можете ее бить! Вы не имеете никакого полного права ее бить! – Ну, околеваешь там на печке, ледащий! – крикнула на него Фекла со злобой. – Принесла вас сюда нелегкая, дармоедов! И Саша, и Мотья, и все девочки, сколько их было, забились на печи в угол, за спиной Николая и **молчали**, и оттуда слушали все это **молча**, со страхом, и слышно было, как стучали их маленькие сердца (А. П. Чехов. Мужики. 1987. С. 173).*

*Она глядела в потолок и прислушивалась, а я сидел возле, не смея заговорить с нею, с таким чувством, как будто я был виноват, что на дворе кричали «караул» и что ночь была такая длинная. Мы **молчали**, и я с нетерпением ждал, когда в окнах забрезжит свет (А. П. Чехов. Моя жизнь. 1983. С. 155).*

5. Недовольство ситуацией, поведением кого-либо

Ср.: В нашей губернии был обычай: во время сенокоса и уборки хлеба по вечерам на барский двор приходили рабочие и их угощали водкой, даже молодые девушки выпивали по стакану. Мы не держались этого; косари и бабы стояли у нас на дворе до позднего вечера, ожидая водки, и потом уходили с бранью. А Маша в это время сурово хмурилась и молчала или же говорила доктору с раздражением, вполголоса: – Дикари! Печенегу! (А. П. Чехов. Моя жизнь. 1983. С. 149).

6. Иерархические отношения между участниками коммуникативной ситуации

Ср.: В ожидании экипажа, который должен был прийти из города, он со своим приказчиком обошел усадьбу, громким голосом давая приказания, потом целый час сидел у нас во флигеле и писал какие-то письма: при нем на его имя приходили телеграммы, и он сам выстукивал ответы. Мы трое стояли молча навывтяжку. – Какие беспорядки! – сказал он, брезгливо заглядывая в ведомость. – Через две недели я перевожу контору на станцию и уж не знаю, что мне с вами делать, господа (А. П. Чехов. Моя жизнь. 1983. С. 125).

7. Игнорирование собеседника

Ср.: Я говорил жене, что она видит пятна на стекле, но не видит самого стекла; в ответ она молчала или напевала, как Степан: «у-лю-лю-лю»... (А. П. Чехов. Моя жизнь. 1983. С. 152).

8. Ожидание, что собеседник вступит в диалог первым

Ср.: – А вы много читаете? – Много. Ведь у меня всё время свободно, от утра до вечера. Днем читаю, а по ночам – пустая голова, вместо мыслей какие-то тени. – Вы что-нибудь видите по ночам? – спросил Королев. – Нет, но я чувствую... Она опять улыбнулась и подняла глаза на доктора и смотрела так грустно, так умно; и ему казалось, что она верит ему, хочет говорить с ним искренно и что она думает так же, как он. Но она молчала и, быть может, ждала, не заговорит ли он (А. П. Чехов. Случай из практики. 1985. С. 256).

9. Невозможность словесного обмена информацией из-за того, что пространство коммуникации уже заполнено какими-то звуками (напр., ситуация слушания музыки)

Ср.: После ужина Андрей Андреич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояли. Он десять лет назад кончил в университете по филологическому факультету, но нигде не служил, определенного дела не имел и лишь изредка принимал участие в концертах с благотворительною целью; и в городе называли его артистом. Андрей Андреич играл; все слушали молча. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай. Потом, когда пробило двенадцать, лопнула вдруг струна на скрипке; все засмеялись, засуетились и стали прощаться (А. П. Чехов. Невеста. 1985. С. 334).

10. Болезненное состояния персонажа

Ср.: Вавила сел на подводу с бочкой, старик и Липа сели на другую. Поехали шагом, Вавила впереди. – Мой сыночек весь день мучился, – сказала Липа. – Глядит своими глазочками и молчит, и хочет сказать и не может. Господи батюшка, царица небесная! (А. П. Чехов. В овраге. 1985. С. 323).

11. Отсутствие необходимости в комментариях

Ср.: Походив еще немного, он схватил себя за голову и произнес трагическим голосом: – Да, честь прежде всего! Будь проклята минута, когда мне впервые пришло в голову ехать в этот Вавилон! Дорогой мой, – обратился он к доктору, – презирайте меня: я проигрался! Дайте мне пятьсот рублей! Андрей Ефимыч отсчитал пятьсот рублей и молча отдал их своему другу (А. П. Чехов. Палата № 6. 1983. С. 131).

Она заплакала и проговорила, закрывая лицо муфтой: – Одна! Мне тяжело жить, очень тяжело, и на всем свете нет у меня никого, кроме вас. Не покидайте меня! Ища платка, чтобы утереть слезы, она улыбнулась; мы молчали некоторое время, потом я обнял ее и поцеловал, при этом оцарапал себе щеку до крови булавкой, которою была приколата ее шапка (А. П. Чехов. Моя жизнь. 1983. С. 142).

Как видим, молчание персонажей А. П. Чехова обусловлено различными причинами, связанными с психологическими, социальными, физиологическими факторами, что подтверждает вывод Д. Б. Мухаметова о том, что «коммуникативное молчание – это сложная коммуникативная семиотическая единица, выражающая различные смыслы, допускающая большое количество интерпретаций, которые задаются ситуацией и контекстом общения» [17].

Особо остановимся на особенностях употребления А. П. Чеховым существительного **молчание**. Это существительное зафиксировано только в 3 контекстах. Приведем их. См. также наш комментарий в скобках.

Ср.: Лаптев спустился к себе в нижний этаж, в комнаты с низкими потолками, где посто-
янно пахло геранью и было душно. В гостиной у него сидел Панауров, муж Нины Федоровны, и читал газету. Лаптев кивнул ему головой и сел против. Оба сидели и молчали. Случалось, что так

молча они проводили целые вечера, и это **молчание** (= отсутствие произносимых звуков, разговора) не стесняло их (А. П. Чехов. Три года. 1987. С. 70).

*А полтинник фальшивый, – продолжал Костыль и оглянулся; ему хотелось говорить шёпотом, но говорил он придушенным, сиплым голосом, и всем было слышно. – А полтинник, выходит, фальшивый. Спрашивают: где взял? А это, говорит, мне Анисим Цыбукин дал. Когда, говорит, я у него на свадьбе гулял... Кликнули урядника, повели... Гляди, Петрович, как бы чего не вышло, какого разговору... – Дедушка-а! – дразнил всё тот же голос за воротами. – Дедушка-а! Наступило **молчание** (= наступил перерыв в разговоре, пауза). – Ах, деточки, деточки, деточки... – быстро забормотал Костыль и встал; его одолевала дремота. – Ну, спасибо за чай, за сахар, деточки. Пора и спать. Стал уж я трухлявый, балки во мне все подгнили. Хо-хо-хо!* (А. П. Чехов. В овраге. 1985. С. 312).

*Видно было, как пришел пароход из Феодосии, освещенный утренней зарей, уже без огней. – Роса на траве, – сказала Анна Сергеевна после **молчания** (= после перерыва в разговоре он был возобновлен). – Да. Пора домой. Они вернулись в город* (А. П. Чехов. Дама с собачкой. 1985. С. 280).

В приведенных контекстах существительное **молчание**, как видим, употребляется в значениях «отсутствие произносимых звуков»; «наступление паузы в разговоре или же возобновление разговора после паузы». Слово **молчание** вряд ли можно в данных контекстах признать синонимом слова **тишина**. Ср.: «Различие между словами **тишина** и **молчание** во фразах вроде “Они сидели в тишине” и “Они сидели в молчании”, “Тишина ничем не прерывалась” и “Молчание ничем не прерывалось” и т. п. – очевидно. С первым существительным связано значение “отсутствие звуков”, со вторым – значение “отсутствие произносимых звуков”. Соответственно можно сказать, например, “Между ними длилось молчание”, но не “Между ними длилась тишина”. Однако во фразах вроде “Кругом царило молчание” и “Кругом царила тишина” это различие стирается» [18].

Подводя итоги, подчеркнем, что **молчание** в произведениях А. П. Чехова выступает как коммуникативно значимое, носит преднамеренный и мотивированный характер. Основным средством обозначения молчания является глагол **молчать**.

Примечания

1. Богданов В. В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 18–25; Барышникова Г. В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004; Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 309 с.; Верецагин Е. М., Костромаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36–47; Изотова Н. В. Коммуникативная значимость и место личных местоимений-подлежащих в репликах диалогов // Язык и стиль А. П. Чехова. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1986. С. 89–95; Кнапп М. Л. Невербальная коммуникация. М., 1978; Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М., 2004; Крестинский С. В. О роли невербальных компонентов в языковой коммуникации // Научно-лингвистические и психолого-педагогические проблемы преподавания иностранного языка: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Тверь: ТвГУ, 2003. С. 212–215.

2. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий / ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 106–117; Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. С. 417–436; Крестинский С. В. Молчание в системе невербальных средств коммуникации // Тверской лингвистический меридиан: теор. сб. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 74–79; Крестинский С. В. Понять молчание // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тверь: ТвГУ, 2014. С. 109–113; Михайлова Т. И. Женское молчание как бинарная оппозиция мужскому властному дискурсу // Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 62–76; Шестопалова Н. Д. Молчание как презентация коммуникативной ситуации // Вестник ТвГУ. Сер. «Филология». 2014. № 4. С. 191–198; Копылова Т. Р. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализ // История и философия. Вестник Удмуртского университета. 2014. № 5–2. С. 36–39; Амзаракова И. П. Молчание как семиотический знак в культуре и коммуникации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 23–27.

3. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания. С. 418.

4. Там же. С. 423.

5. Шестопалова Н. Д. Указ. соч. С. 197.

6. Копылова Т. Р. Указ. соч. С. 36.

7. Крестинский С. В. Понять молчание. С. 114.

8. Амзаракова И. П. Указ. соч. С. 23.

9. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения. автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 23 с.; Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент диалогического фрагмента текста в прозаических произведениях А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009.

10. Мухаметов Д. Б. Указ. соч.
11. Там же. С. 5.
12. Там же. С. 6.
13. Там же. С. 6.
14. Меликян С. В. Указ. соч. С. 21.
15. Лопатин В. В., Лопатина В. В. Толковый словарь современного русского языка. М., 2004.
16. В тексте статьи цитаты из произведений А. П. Чехова приводятся по изданиям: Чехов А. П. Сочинения: в 2 т. М., 1983; Чехов А. П. Повести и рассказы. М., 1985; Чехов А. П. Повести, пьесы. М., 1987. С. 64–147.
17. Мухаметов Д. Б. Указ. соч. С. 8.
18. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 128.

Notes

1. Bogdanov V. V. *Funkcii verbal'nyh i neverbal'nyh komponentov v rechevom obshchenii* [Functions of verbal and nonverbal components in speech communication] // *Yazykovo obshchenie: Edinicy i regulatory* – Linguistic communication: Units and regulators. Kalinin. 1987. Pp. 18-25; Baryshnikova G. V. *Gendernye razlichiya ehmoional'nogo kommunikativnogo povedeniya hudozhestvennykh partnerov (na materiale francuzskoj literatury XVII–XX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Gender differences of emotional communicative behavior of partners in art (on a material of French literature of the XVII–XX centuries): abstract dis. ... Cand. of Philology]. Volgograd. 2004; Bolotnova N. S. *Hudozhestvennyj tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyj analiz edinic leksicheskogo urovnya* [Artistic text in communicative aspect and complex analysis of lexical units]. Tomsk. TSU Publishing house. 1992. P. 309; E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov *O svoeobrazii otrazheniya mimiki i zhestov verbal'nymi sredstvami (na materiale russkogo yazyka)* [On the uniqueness of the reflection of the expressions and gestures by verbal means (in Russian language)] // *Voprosy yazykoznanija* – Issues of linguistics. 1981, No. 1, pp. 36-47; Izotova N. V. *Kommunikativnaya znachimost' i mesto lichnykh mestoimenij-podlezhashchih v replikah dialogov* [Communicative significance and the place of personal pronouns-subject to replicas dialogues] // *Yazyk i stil' A. P. Chekhova* – Language and style of A. P. Chekhov. Rostov-na-Donu. Publ. of Rostov State University. 1986. Pp. 89-95; Knapp M. L. *Neverbal'naya kommunikaciya* [Nonverbal communication]. M. 1978; G. E. Kreidlin *Neverbal'naya semiotika: Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyj yazyk* [Nonverbal semiotics: Nonverbal semiotics: body language and natural language]. M. 2004; Krestinsky S. V. *O roli neverbal'nykh komponentov v yazykovej kommunikacii* [On the role of nonverbal components of language communication] // *Nauchno-lingvisticheskie i psihologo-pedagogicheskie problemy prepodavaniya inostrannogo yazyka: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Scientific-linguistic and psychological-pedagogical problems of teaching foreign languages: materials of the Inter-University scientific-practical conf. Tver. Tver State University. 2003. Pp. 212-215.

2. Arutyunova N. D. *Molchanie: konteksty upotrebleniya* [Silence: the contexts of use] // *Logicheskij analiz yazyka: Yazyk rechevykh dejstvij* – Logical analysis of language: the language of speech acts / ed. D. Arutyunova, N. K. Ryabtseva. M. Nauka. 1994. Pp. 106-117; Arutyunova N. D. *Fenomen molchaniya* [Phenomenon of silence] // *Yazyk o yazyke* – Language about language / resp. ed. D. Arutyunova. M. Publishing house "Yazyki Russkoj kultury". 2000. Pp. 417-436; Krestinsky S. V. *Molchanie v sisteme neverbal'nykh sredstv kommunikacii* [Silence in the system of nonverbal communication] // *Tverskoj lingvisticheskij meridian: teor. sb.* – Tver linguistic Meridian: theory. sat. Tver. Tver State University. 1998. Pp. 74-79; S. V. Krestinsky *Ponyat' molchanie* [To understand the silence] // *Yazykovej diskurs v social'noj praktike: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Language discourse in social practice: proceedings of the international scientific-practical conf. Tver. Tver State University. 2014. Pp. 109-113; Mikhailova T. L. *ZHenskoe molchanie kak binarnaya oppoziciya muzhskomu vlastnomu diskursu* [Women's silence as a binary opposition of male power discourse] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* – Woman in Russian society. 2008, No. 4, pp. 62-76; Shestopalova N. D. *Molchanie kak prezentaciya kommunikativnoj situacii* [Silence as the presentation of the communicative situation] // *Vestnik TvGU. Ser. «Filologiya»* – Herald of Tver State University. Ser. "Philology". 2014, No. 4, pp. 191-198; Kopylova T. R. *Molchanie v sovremennoj lingvistike: podhody k analiz* [Silence in modern linguistics: approaches to analysis] // *Istoriya i filosofiya. Vestnik Udmurtskogo universiteta* – History & philosophy. Herald of Udmurt University. 2014, No. 5-2, pp. 36-39; P. I. Amzarakova *Molchanie kak semioticheskij znak v kul'ture i kommunikacii* [Silence as a semiotic sign in the culture and communication] // *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* – Herald of Khakass State University n.a. N. F. Katanov. 2013, No. 4, pp. 23-27.

3. Arutyunova N. D. *Fenomen molchaniya* [Phenomenon of silence]. P. 418.

4. Ibid. P. 423.

5. Shestopalova N. D. Op. cit. P. 197.

6. Kopylova T. R. Op. cit. P. 36.

7. S. V. Krestinsky *Ponyat' molchanie* [To understand the silence]. P. 114.

8. Amzarakova P. I. Op. cit. P. 23.

9. Melikyan V. S. *Rechevoj akt molchaniya v strukture obshcheniya. avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech act of silence in the structure of communication. Abstract dis. ... Cand. of Philology]. Voronezh. 2000. 23 p.; Mukhametov D. B. *Molchanie kak komponent dialogicheskogo fragmenta teksta v prozaicheskikh proizvedeniyah A. P. Chekhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Silence as a component of the dialogic text, in the prose works of Anton Chekhov: abstract dis. ... Cand. of Philology]. Rostov-na-Donu. 2009.

10. Mukhametov D. B. Op. cit.

11. Ibid. P.5.
12. Ibid. P.6.
13. Ibid. P.6.
14. Melikyan V. S. Op. cit. P. 21.
15. Lopatin V. V., Lopatina V. V. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. M. 2004.
16. In the text quotations from the works of Anton Chekhov are by publications: A. P. Chekhov *Sochineniya* [Works: in 2 vol.] M. 1983; Anton Chekhov *Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. M. 1985; Chekhov A. P. *Povesti, p'esy* [Stories, plays]. M. 1987. Pp. 64-147.
17. Mukhametov D. B. Op. cit. P.8.
18. Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [The problem of semantic analysis of vocabulary (on the material of the Russian language)]. M. 1973. P. 128.

УДК 81'42

Тун Хуэй

Лексика со значением слухового восприятия в рассказе Юрия Коваля «Капитан Клюквин»

В настоящей статье на примере рассказа Юрия Коваля «Капитан Клюквин» анализируется лексика со значением чувственного восприятия. В качестве непосредственного предмета рассмотрения выступают языковые единицы, называющие слуховые восприятия. Автор отмечает семантическое и морфологическое разнообразие этой лексики и выделяет три семантические группы слов, обозначающих слуховые восприятия. Особо анализируются случаи сложных, комбинированных восприятий, когда звуковые ощущения сочетаются с ощущениями других органов чувств (в частности, зрения и осязания). Языковой материал позволяет выявить основные источники слуховых восприятий в рассказе и убедительно показать, кто является главным действующим героем рассказа. Показано, что в художественном тексте лексика восприятия обогащается различными смысловыми оттенками, за счёт чего создаются необычные образы окружающей действительности.

In the article on the example of Yury Koval's story «Captain Klyukvin» the lexicon with the meaning of sensory perception is analyzed. The language units calling acoustical perceptions are the direct subject of consideration. The author notes a semantic and morphological variety of this lexicon and allocates three semantic groups of the words designating acoustical perceptions. Cases of the difficult, combined perceptions when sound feelings are combined with feelings of other sense organs are especially analyzed (in particular, sight and touch). Language material allows to reveal the main sources of acoustical perceptions in the story and it is convincing to show who is the main acting character of the story. It is shown that in the art text the lexicon of perception is enriched with various semantic shades at the expense of what unusual images of surrounding reality are created.

Ключевые слова: перцептивная лексика, слуховое восприятие, лингвистическая интерпретация художественного текста, Юрий Коваль.

Keywords: perceptual lexicon, acoustical perception, linguistic interpretation of the art text, Yury Koval.

Объектом рассмотрения в настоящей статье является лексика, обозначающая восприятия органов чувств (а именно слуховые восприятия), в рассказе Юрия Коваля «Капитан Клюквин». Цель статьи – на конкретном языковом материале показать особенности употребления перцептивной лексики в художественном тексте.

Человек познаёт мир с помощью органов чувств. «Для чего нам нужны органы чувств? Чтобы познавать окружающий мир, получая по возможности более точные сведения о внешнем мире, о происходящих в нём изменениях. Такое восприятие называется чувственным восприятием» [1].

Восприятие как важная составляющая ориентации человека в мире изучается прежде всего наукой психологией. С точки зрения психологии, восприятие – это «1. Субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов (употребляются также термины «образ восприятия», «перцептивный образ»); 2. Сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа (употребляются также термины «перцепция», «перцептивный процесс»)…» [2].

В последние десятилетия изучением особенностей процесса восприятия и формирования образа мира занимается также лингвистика. Учёные пришли к пониманию того, что «лексическое значение представляет собой разновидность знания о мире. Именно поэтому оно находится в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности. Значение слова изначально существует для фиксации знаний людей, полученных в процессе познания окружающей действительности» [3].

В русском языке для обозначения процесса чувственного восприятия существует специальная лексика. К ней относятся не только такие слова, как *восприятие, чувство, чувственный, сенсорный*, но и большое количество слов, называющих восприятия каждого из пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса.

Основным видом восприятия для человека является зрительное, ср.: «Для большинства людей мир в основном состоит из зрительных образов» [4]. Именно поэтому в языке наиболее широко представлена лексика со значением зрительного восприятия. К ней можно отнести обозначения света и тьмы (*свет, яркость, тьма, мрак*), цвета (*красный, синий, жёлтый*), формы (*круглый, квадратный, угловатый*), движения и его отсутствия (*бегать, летать, приседать, стоять, сидеть, покоиться*) и других внешних характеристик предметов и явлений, воспринимаемых посредством зрения.

Слуховое восприятие обозначается лексикой, называющей звуки тихие и громкие (*петь, кричать, шептать, журчать, тихий, звучный, шумный*), протяжные и прерывистые (*стон, рёв, стук, голосить, брякать, пииииииииии-пииииииииии-пииииииииии, цок*).

Осязательное восприятие связано с ощущениями тепла и холода (*горячий, тёплый, мёрзлый*), твёрдой или мягкой поверхности (*жёсткий, чёрствый, гибкий, податливый*), гладкой или шероховатой поверхности (*скользкий, шершавый*), с ощущениями давления или толчка (*тяжёлый, лёгкий, резкий, плавный*) и т. д.

Обонятельное восприятие – это способность человека чувствовать и различать запахи (*аромат, вонь, благоухание*).

Вкусовое восприятие связано с ощущениями *сладкого, горького, кислого, солёного* вкуса.

Данная лексика всегда привлекала внимание лингвистов, ср., напр.: [5].

Изучение этой лексики позволяет лингвистам понять, как устроена картина мира того или иного народа, какие восприятия играют наиболее важную роль в формировании образа мира, в чём особенность отражения мира различными людьми (писателями, поэтами и другими творцами), чем восприятие здорового человека отличается от восприятия больного человека и т. д.

Очевидно, что языковой материал также может показать и то, каким образом человек представляет себе восприятие мира другими существами, например животными. Биологической науке известно, что разница между восприятием мира человеком и животными существует, однако отражается ли это различие в языке? Эта тема ещё недостаточно изучена, а потому весьма актуальна. Возможностью приблизиться к ней является обращение к произведениям Юрия Ковалева.

Юрий Коваль – российский писатель, многие произведения которого посвящены природе. В рассказах Ю. Ковалева мы находим множество тонких наблюдений за жизнью животных, птиц, растений, и все эти наблюдения переданы с помощью особых языковых средств. Приведём несколько характеристик Юрия Ковалева как автора, тонко чувствующего природу. Цитаты приводятся по изданию [6]: *Природа. Она захватывала его целиком, делала его зорким, чувствующим, свободным.* (Роза Харитоновна. «Солнце делает людей красивыми и честными»); *Казалось, что каждую травинку, каждую козявку Юра знает по имени-отчеству. Что уж там говорить про деревья, птиц и рыб* (Э. Блинова. Праздник общения с Юрой Ковалём); *Он знал травы, цветы, деревья так, словно окончил биофак МГУ. Сколько изумительных слов, названий болотных, лесных, луговых и речных трав и цветов встречала я на страницах его книг* (Т. Шорыгина. Юрий Коваль – мой литературный наставник).

Одним из рассказов Ю. Ковалева о природе является рассказ «Капитан Клюквин».

В рассказе повествуется о том, как автор однажды на Птичьем рынке «за трёшку» купил лесную птицу – клеста. Клёт, с перьями кирпичного и клюквенного цвета, прожил в комнате почти год. Из-за цвета оперения и гордого нрава автор назвал птицу «внушительным именем» – Капитан Клюквин. Каждый день перед заходом солнца Капитан вылетал из клетки, усаживался на аквариум и, пока автор настраивал гитару, «легонышко цокал, прочищая горло». Однако весной Клюквин загрустил, как пишет автор, «скис», и однажды вечером даже не вылетел из клетки. Человек понял, что птица затосковала, и отпустил Капитана на волю.

В рассказе «Капитан Клюквин» широко представлена лексика со значением восприятия. Всего нами было выбрано 164 контекста, включающих в себя лексику восприятия. Чаще всего в

рассказе встречается лексика со значением зрительного восприятия – 80 примеров; далее по частотности идёт лексика со значением слухового восприятия – 62 примера; осязательное восприятие представлено 12 примерами, обонятельное восприятие – 6, вкусовое восприятие – 2. Также нам встретились 3 случая сложных, комбинированных восприятий.

Приведём примеры (здесь и далее цитаты приводятся по изданию [7]).

Зрительное восприятие: *Лапы у него были белые – значит, сидел он в клетке давно; Крыша мелькомбината наконец – таки покрылась снегом; С высокого седьмого этажа он полетел было вниз, к мельничному комбинату имени Цюрупы, потом резко повернул, набрал высоту.*

Слуховое восприятие: *Но и оттуда доносилось зловещее циканье капитана; Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде «тиуууу-лиууу»; Теперь ручеёк потёк более уверенно, и Капитан Клюквин добавлял в него свежую струю (об игре на гитаре).*

Осязательное восприятие: *Это продавцы тропических рыбок обогрели аквариумы и банки керосиновыми лампами.*

Обонятельное восприятие: *Шишка была свежая, от неё крепко пахло смолой.*

Вкусовое восприятие: *Кривоклювый Капитан пел целыми днями, и песня его звучала сочно и сильно.*

Как видно из приведённых примеров, лексика со значением чувственного восприятия в рассказе «Капитан Клюквин» весьма разнообразна. Употребление этой лексики нуждается в специальной лингвистической интерпретации и определённых пояснениях, так как словоупотребление в художественном тексте часто бывает образным, а значение лексем в контексте обогащается новыми оттенками. В настоящей статье мы подробно рассмотрим лексику слухового восприятия.

Лексика со значением слухового (звукового) восприятия может быть классифицирована по различным основаниям. Так, Л. В. Калинина, изучавшая имена существительные со значением слухового восприятия, пишет: «Среди этих существительных можно выделить три группы в зависимости от характера звука, который они называют. Часть существительных обозначает звуки сложные, но при этом не членимые на отдельные элементы (*бормотание, грохот, шорох*); другая часть существительных обозначает, напротив, звуки одноактные, одномоментные (*всхлип, стук, писк*); наконец, третья группа слов обозначает звуки протяжные и однородные (*рёв, стон, гул*)» [8]. В. В. Сальникова предлагает следующую классификацию лексики звукового восприятия: 1. Звуки, издаваемые людьми. 2. Звуки, производимые неодушевлёнными предметами. 3. Звуки, существующие в природе [9].

Мы не можем полностью принять ту или иную готовую классификацию, так как наш материал отличается своей спецификой. В рассказе «Капитан Клюквин» встретились примеры, которые можно распределить по следующим группам. Большую часть примеров составляют контексты, в которых характеризуются звуки, издаваемые клестом (46 примеров); это пение клеста и звуки, которые он издаёт, производя различные действия. Вторая по количеству примеров группа – это звуки, издаваемые человеком (игра на гитаре) – 9 примеров. Далее следуют контексты, содержащие описание звуков природы (4 примера). Особо следует рассмотреть 4 примера с синестетическими ощущениями.

Рассмотрим данные группы по принципу убывания количества примеров.

Звуки, издаваемые клестом (46 примеров)

Чаще всего автор характеризует звуки клеста как «цоканье» или «циканье». Это звуки короткие и отрывистые, ср.: «**Цокать** – издавать отрывистые резкие звуки. *Подковы цокают о камень. Цокать языком (звонко прищелкивать)*» [10]. В рассказе клёст, как правило, цоканьем и циканьем выражает своё настроение: он цокает и цикает то весело, то сердито, то воинственно и т. д. Ср.: *Он весело цокал, удивляясь, видно, моей щедрости; Капитан сердито цокнул, подскокил ко второму ладу и ущипнул меня за палец; Он воинственно цокал, стараясь ухватить московку за ногу; Яростно цокая, он смело рубил сук, на котором сидел; Тогда я сунул семечко в рот, и звонко цокнув, разгрыз его; Радостно цокнув, он долбанул в стекло кривым клювом; Но и оттуда доносилось зловещее циканье Капитана; Он даже бросил петь и только изредка восхищённо цокал; Клёст подпрыгнул и зацокал громко и радостно, как лошадь копытами по мостовой.*

Далее по частоте употребления следуют слова *песня* и *петь*. Пение – это одно из основных занятий клеста: *Кривоклювый Капитан пел целыми днями, и песня его звучала сочно и сильно.* Пение Капитана Клюквина автор описывает с помощью различных определительных слов, чтобы показать разнообразие и красоту издаваемых клестом звуков. Ср.: *Песня началась глухо, незаметно; Иногда она бывала звонкой и радостной, иногда – печальной; В сумерках Клюквин пел особенно хорошо, душевно.*

Особо можно выделить те контексты, в которых автор использует иные обозначения (кроме слов *цокать, цикаать, петь, песня*), передающие звуки Капитана Клюквина. Это такие языковые единицы, как **свистеть, посвист, зарычать, трели, рулады** и т. д. (всего 7 примеров). Ср.: *Звук этот сменился задорным посвистом; А после зазвенели колокольчики, словно от жаровонка, трели и рулады, как у певчего дрозда; Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде «Тииууу-лиууу».*

Кроме звуков, которые можно назвать «речью клеста», выделяются также обозначения звуков, сопровождающих различные действия птицы. Чаще всего это звуки, производимые клестом во время шелушения шишек и семечек. Ср.: *Этой буквой Х клёт лихо хватает подсолнух – трах!; Даже шишки он долбил теперь не с таким яростным интересом.*

Также клёт занимается тем, что расшатывает клетку и прыгает по ней. Все эти действия сопровождаются характерными звуками: **Расшатывал** клювом **железные прутья** или **выламывал дверцу**; **Прикончив все шишки, Капитан принимался долбить** бузину **жёрдочку** – своего деревянного коня; **Целый день прыгал он по клетке**. Сюда же, можно отнести и такой пример: *Капитан Клюквин спал беспокойно, встряхивался, будто сбрасывал с перьев капли дождя.* Все эти примеры объединяет то, что в них, по сути, нет лексики звучания (*долбить, прыгать, расшатывать, встряхиваться* и т. д. – это обозначения физических действий), но читатель понимает, что данные действия не могут быть бесшумными. Они сопровождаются какими-то отрывистыми звуками. Поэтому мы включили данные примеры в группу со значением слуховых восприятий.

Реже всего клёт находится в таком состоянии, которое не сопровождается никакими звуками, т. е. молчит. В нашем материале встретилось всего 3 таких примера: *Новое колено в песне меня порадовало, но Капитан замолчал; Видно, он переждал, выдерживал паузу, прислушивался к песне, которая, так сказать, зрела у него в груди; Капитан помолчал, поглядел задумчиво в окно и запел.* Следовательно, клёт в рассказе постоянно издаёт какие-то отрывистые, резкие, частые звуки: цокает, цикает, свистит, долбит шишку и т. д.

Звуки, издаваемые человеком (8 примеров)

Среди данной группы большую часть примеров составляют контексты, в которых описывается игра автора на гитаре (5 примеров). Интересно отметить, что писатель почти не использует в этих случаях слово *гитара*, а называет или исполняемое произведение (*Пятый Этюд Джульяни*), или характеризует игру на гитаре иносказательно, например словом *ручечек*, имея в виду плавную последовательность звуков. Ср.: *А я по-прежнему пилил одно и то же; По вечерам мы играли Пятый Этюд Джульяни и глядели на аквариум; Но дома Клюквин скис, вечером даже не вылетел из клетки посидеть на аквариуме – напрасно разыгрывал я Пятый Этюд Джульяни; Каждый вечер я сидел на балконе и наигрывал на балконе и наигрывал Пятый Этюд Джульяни; Когда его (Пятый этюд Джульяни) играешь быстро, звуки сливаются, и выходит – вроде ручечек журчит.*

В одном случае автор называет свою игру на гитаре словом *пилить*, которое, судя по всему, употребляет в значении созвучного ему слова *пиликать*. Ср.: *«Пиликать – 1. Издавать тонкие, пискливые звуки. 2. Плохо, неумело играть на музыкальном инструменте» [11].* В рассказе автор именно учится играть на гитаре, поэтому и использует для характеристики своей игры слово *пилил*.

Звуки природы (4 примера)

Данная группа немногочисленна и представлена всего 4 примерами. Три из них характеризуют поведение синиц, которые прилетает на балкон и дразнят клеста. Ср.: *Иногда синицы садилась на крышу клетки и начинали дразнить клеста, сытали на него снег и тинькали в самое ухо; Синицы увертывались и хохотали; Они клевали коноплю и сало в кормушках, пересвистываясь с Капитаном.*

Всего один пример описывает звучание таких природных явлений, как дождь и ветер, причём автор никак не характеризует эти звуки, а просто говорит о том, что они были слышны, ср.: *... всю ночь за окном слышен был дождь и ветер.*

Сложные звуки (4 примера)

Нам встретилось несколько примеров, которые трудно однозначно отнести к какой-либо группе, так как в них описываются звуки сложные, комбинированные, основанные на эффекте синестезии. Рассмотрим эти примеры подробнее.

Ср.: *Нашлось только одно слово, в котором есть и клюв и красный цвет – клюква.* Здесь смешиваются, сочетаются впечатления от цвета (красный цвет), формы объекта (клюв) и звучания слова (клюква). Клюква – это ягода красного цвета. В названии этой ягоды не указан её цвет, но и автор, и читатели как носители русского языка знают значение слова *клюква*. Приведём его словарное толкование: **«Клюква** – стелющийся болотный кустарничек семейства брусничных с

красными кислыми ягодами, а также его ягоды» [12]. Стало быть, красный цвет клюквы – подразумевается, а вместе с этим подразумевается и его зрительное восприятие. Кроме того, в слове *клюква* есть буквы К, Л, Ю, В, составляющие слово *клюв*. Благодаря этому автор заставляет читателя мысленно представить предмет определённой формы, то есть задействовать зрительное восприятие иного рода. Наконец, *клюква* – это ещё и просто слово со своим звучанием, со своим фонетическим обликом. Это даёт возможность использовать это слово как источник слухового восприятия, слухового впечатления. Таким образом, в рассмотренном примере сочетаются два вида зрительного восприятия (цвет и форма) со слуховым восприятием.

Ср.: *Теперь ручеёк потёк более уверенно, и Капитан Клюквин добавлял в него свежую струю*. В данном случае сочетаются слуховое и осязательное восприятия. Слово *ручeёк*, как мы заметили выше, обозначает игру на гитаре, то есть может быть отнесено к слуховым восприятиям. Словосочетание *свежая струя* довольно сложно для интерпретации, так как в него входит многозначное прилагательное *свежий*. В словаре у него отмечается 7 значений, ср.: «**Свежий** – 1. Недавно добытый или приготовленный, не испортившийся. 2. Идущий в пищу в своём натуральном виде, без приготовления. 3. О воздухе: прохладный и чистый, не спёртый. 4. О ветре, погоде: холодный. 5. Не утративший ясности, яркости. 6. Не бывший ещё в употреблении, незапачканный, чистый. 7. Недавно возникший, новый или (о силах, возможностях) обновлённый» [13]. В контексте нашего примера имеется в виду, скорее всего, значение 7 «недавно возникший, новый, обновлённый», которое уточняет слуховое восприятие, подразумевая новые, необычные звуки, издаваемые клестом. С другой стороны, прилагательное *свежий* может быть отнесено к осязательным восприятиям, а именно ощущению движения воздуха, дуновения ветра (ср. словарные значения 3 и 4: о воздухе: прохладный и чистый, не спёртый; о ветре, погоде: холодный). В целом в приведённом примере возникает сложное, комбинированное восприятие, передающее субъективное впечатление автора от игры на гитаре в сопровождении пения птицы.

Ср.: *Конечно, выглядело всё не так уж прекрасно – корявая игра на гитаре сопровождалась кривоносым пением, но я пришёл в восторг*. В сочетании «корявая игра на гитаре» совмещаются осязательное и зрительное восприятие, связанные с семантикой слова *корявый*, и слуховое восприятие, связанное с представлением о звучании гитары. В сочетании *кривоносая песня* совмещаются представления о форме (кривой) и о звучании (пение), то есть комбинируются зрительное и слуховое восприятия.

Ср.: *Однако шишка – хе-хе! – была прикручена проволокой*. Данный пример занимает особое место, так как на самом деле никакого звука в нём не издаётся. Междометие *хе-хе* называет не прозвучавший смех, а, скорее, передаёт мысли, чувства, автора в его внутренней речи. Ср.: «**Хе-хе** и **хе-хе-хе** межд. звукоподр. Воспроизведение негромкого смеха, смешка» [14]. То есть автор внутренне улыбается, забавляется, глядя на клеста. Поэтому данный пример лишь условно можно отнести к группе слуховых восприятий.

Таким образом, анализ лексики со значением слуховых восприятий в рассказе Юрия Ковалёва «Капитан Клюквин» показал следующее. Эта лексика, представленная словами разных частей речи (существительными, глаголами, прилагательными, междометиями, звукоподражаниями, а также некоторыми словосочетаниями), занимает в рассказе второе место после обозначений зрительных восприятий. По семантике она может быть разделена на три группы: звуки, издаваемые клестом; звуки, издаваемые человеком; звуки природы. Отдельно мы рассмотрели случаи комбинированных, сложных восприятий. Наибольшее количество примеров представлено в первой группе. Сразу видно, что главным героем рассказа является не человек, а клест. Также на материале рассказа Юрия Ковалёва можно заметить переосмысление лексики восприятия в художественном тексте и развитие у неё дополнительных оттенков значения, что позволяет автору создавать необычные образы.

Примечания

1. Подольный Р. Про чувства. М.: Дет. лит., 1966. С. 4.
2. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. С. 83.
3. Стернин И. А., Розенфельд М. Я. Слово и образ. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8.
4. Каширина Т. Образ мира // Энциклопедия для детей. Т. 18. Человек. Ч. 2. Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия. М.: Аванта+, 2005. С. 70.
5. Жаркова О. С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 322 с.; Мишанкина Н. А. Метафорические модели звучания // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 164–194; Некрасова Л. Эстетическая функция перцептивной лексики в романе А. Платонова «Чевенгур» (запахи и звуки) // Балтийский филологический курьер, 2005. № 5. С. 234–250; Овчиннико-

ва Л. О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 23 с.; Рахимова Г. Р. Колористическая лексика в аспекте языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 3. С. 130–133 и др.

6. Ковалина книга: Вспоминая Юрия Ковалю. М.: Время, 2008. 496 с.

7. Коваль Ю. Листобой. Избранные произведения. М.: Подкова, Деконт+, 2000. 512 с.

8. Калинина Л. В. Семантика и функционирование абстрактных существительных со значением слуховых восприятий // Актуальные проблемы современной русистики: тез. докл. III регион. науч.-практ. конф. Киров: ВятГГУ, 1996. С. 40.

9. Сальникова В. В. Семантическая классификация звуковой лексики в художественных произведениях о детстве (на материале повестей С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты») // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-1. С. 211.

10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

Notes

1. R. Podolny *Pro chuvstva* [About feelings]. M. Det. lit. 1966. P.4.

2. Meshcheriakov B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoj psihologicheskij slovar'* [Big psychological dictionary]. SPb. Prime-EVROZNAK. 2004. P. 83.

3. Sternin I. A., Rosenfeld M. J. *Slovo i obraz* [Word and image]. Voronezh. Istoki. 2008. P. 8.

4. Kashirina T. *Obraz mira* [The image of the world] // *EHnciklopediya dlya detej* – Encyclopaedia for children. Vol. 18. People. Part 2. *Arhitektura dushi. Psihologiya lichnosti. Mir vzaimootnoshenij. Psihoterapiya* – The architecture of the soul. Psychology of personality. The world of relationships. Psychotherapy. M. AVANTA+. 2005. P. 70.

5. Zharkova O. S. *Leksika oshchushcheniya, vospriyatiya i chuvstvennogo predstavleniya kak sredstvo nominacii i predikacii v poemah S. Esenina: dis. ... kand. filol. nauk* [Vocabulary of sensation, perception and sensory representations as means of nomination and predication in the poems of Esenin: dis. ... Cand. of Philology]. M. 2005. 322 p.;

Mishankina N. A. *Metaforicheskie modeli zvuchaniya* [Metaphorical model of the sound] // *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* – Pictures of the Russian world: axiology in language and texts. Tomsk. Publishing house of Tomsk University. 2005. Pp. 164-194; Nekrasova L. *EHsteticheskaya funkciya perceptivnoj leksiki v romane A. Platonova «Chevengur» (zapahi i zvuki)* [Aesthetic function of perceptive vocabulary in the novel of A. Platonova "Chevengur" (smells and sounds)] // *Baltijskij filologicheskij kur'er* – Baltic philological messenger. 2005, No. 5, pp. 234-250; Ovchinnikova L. O. *Sensornaya leksika kak sredstvo vyrazheniya cennostnoj kartiny mira YU. N. Kuranova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sensory vocabulary as a means of expressing the axiological picture of the world of Yu.N. Kuranov: abstract dis. ... Cand. of Philology]. Kaliningrad. 2009. 23 p.; Rakhimova G. R. *Koloristicheskaya leksika v aspekte yazykovoj kartiny mira* [Coloristic vocabulary in the aspect of the language picture of the world] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological Sciences. Issues of theory and practice. Tambov. Gramota. 2010, No. 3, pp. 130-133.

6. *Kovalinaya kniga: Vspominaya YUriya Kovalya* – Kovalin's book: Remembering Yury Koval. M. Vremya. 2008. 496 p.

7. Koval Yu. *Listoboj. Izbrannye proizvedeniya* [Listoboj. Selected works]. M. Podkova, Dekont+. 2000. 512 p.

8. Kalinina L. V. *Semantika i funkcionirovanie abstraktnyh sushchestvitel'nyh so znacheniem sluhovyh vospriyatij* [Semantics and functioning of abstract nouns with the meaning of hearing] // *Aktual'nye problemy sovremennoj rusistiki: tez. dokl. III region. nauch.-prakt. konf.* – Actual problems of modern Russian studies: proc. Report of the III region. scientific-practical conf. Kirov. VyatSHU. 1996. P. 40.

9. Salnikov V. V. *Semanticheskaya klassifikaciya zvukovoj leksiki v hudozhestvennyh proizvedeniyah o detstve (na materiale povestey S. T. Aksakova «Detskie gody Bagrova-vnuka» i A. N. Tolstogo «Detstvo Nikity»)* [Semantic classification of audio vocabulary in works of art about childhood (on the material of novels by S. T. Aksakov "Childhood years of Bagrov-grandson" and A. N. Tolstoy "Nikita's Childhood")] // *Fundamental'nye issledovaniya* – Fundamental research. 2014, No. 9-1, p. 211.

10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. "ITI Technologii" LTD. 2005.

11. Ibid.

12. Ibid.

13. Ibid.

14. Ibid.

Проблема разграничения голоса рассказчика и персонажа в художественных текстах Джейн Остин

Художественный текст Джейн Остин анализируется в публикации как такой способ реализации дискурса, в котором сосуществует множество субъективных голосов. Особое внимание уделяется полифонической организации текста, при которой наблюдается органическое слияние голосов, принадлежащих «Я» рассказчика, и субъективных точек зрения, выражаемых другими персонажами и внедряемых в повествование рассказчика. С этой позиции актуальным предстает вопрос о том, как текст приобретает полифонический характер, выражает его с повествовательной и стилистической точек зрения. Утверждается, что в романах Джейн Остин наблюдается смешение голосов рассказчика и персонажа: речь рассказчика стилизуется под речь персонажа. В связи с этим возникает проблема дифференциации речи размышляющей героини повествования и тех случаев, когда голоса героини и рассказчика оказываются неразличимыми.

Jane Austen's fiction is analyzed in the article as the way of discourse realizing in which the multiplicity of subjective voices coexist. Special attention is paid to the polyphonic text organization where we observe the confluence of voices belonging to Narrator's Self and subjective points of views expressed by other characters and embedded into the narrator's telling. From this position it is actual to investigate how the text acquires the polyphonic character, expresses it from narrative and stylistic points of view. It is stated that in Jane Austen's novels we can observe the confusion of the narrator and character's speech: the narrator's speech is stylized under the character's speech. In connection with it, there appears the problem of differentiating the mediating heroine and those cases when the heroine and narrator's speech turn out to be indistinguishable.

Ключевые слова: художественные тексты Джейн Остин, голос, рассказчик, вездесущность, персонаж, оценочная неопределенность, интерпретация текста.

Keywords: Jane Austen's fiction, voice, narrator, omnipresence, character, evaluative indefiniteness, text interpretation.

Одной из важных проблем интерпретации художественных текстов Джейн Остин заключается в том, что один рассказчик в ходе повествования отдает право голоса другому рассказчику, неоднозначно реагирует на тех или иных персонажей, некоторые события, представлять и описывать которые ему довелось. Повествование в текстах Дж. Остин ведется от третьего лица, рассказчик постоянно проявляет ту или иную степень присутствия в описываемых событиях – от вездесущности до полного неведения. Более того, в процессе разворачивания событий рассказчик время от времени начинает смотреть на определенные явления и действия с позиции других размышляющих персонажей.

В процессе постижения текста читатель стремится определить аксиологический центр повествования, который постоянно смещается или исчезает из поля текущего восприятия. Иногда читателю его все же удается «зацепиться» за этот центр, когда рассказчик проявляет вездесущность, а его мысль свободно движется между прошедшими и будущими событиями. Подобные моменты формируют ключевые, переломные фазы художественного повествования, а поэтому автор стимулирует читателя к соответствующим размышлениям. Реализуя повествование, рассказчик представляет существенные оценки персонажей и их действий, задействует аксиологические оси «хорошо/плохо», «важно/неважно». Особенно ярко эти оценки проявляются в тот момент, когда рассказчик выводит на сцену повествования новых персонажей, излагает читателю информацию о социальном и финансовом положении главных объектов повествования, выдвигает суждения об их моральном облике. Так, в первой главе романа «Разум и чувствительность» сообщаются необходимые психологические данные, которые необходимо знать читателю о Дэшвудах, чтобы впоследствии определить авторскую позицию по отношению к этой семье.

Когда появляется новый персонаж, рассказчик обеспечивает читателя актуальной информацией, которая требуется для первичной ориентации в разворачиваемом сюжете. Если же рассказчик находится «за кадром» повествования, характеризуется автором как молчаливый, то о новом персонаже всегда заявляется посредством некоторых вступительных характеристик. Ср.:

(1) *"Lady Lucas was a very good kind of woman, not too clever to be a valuable neighbour to Mrs. Bennet..."* [1];

(2) *"Mr. Perry was an intelligent, gentlemanlike man..."* [2];

(3) *"Mr. and Mrs. Musgrove were a very good sort of people, friendly and hospitable, not much educated, and not at all elegant..."* [3]

Однако оценочные характеристики персонажей более не актуализуются в последующем изложении событий, и читатель призван полагаться на собственное видение художественной действительности, чтобы их определить. Фактически в каждом романе Дж. Остин после того, как читатель вводится в первичные изображаемые события, рассказчик прибегает к замалчиванию о себе, однако полностью не исчезая.

Время от времени рассказчик оценивает персонажей, события, факты в явной форме. Голос рассказчика начинает звучать с новой силой в заключение определенной сюжетной линии, когда он берет на себя функцию сведения воедино предшествующего хода событий и/или выражает суждения об этих событиях, предвосхищая их последующее развитие. Подобная фаза повествования, как правило, содержит информацию о свадьбе между героиней и ее возлюбленным, между женщиной и мужчиной, которые являются персонажами второго плана. После того как предложение выйти замуж осуществлено, рассказчик предпочитает суммировать накопившиеся факты, делать неявные нравоучительные комментарии к действиям персонажей, а не механически «повторять» сказанное этими персонажами. Ср.:

(4) *"How soon he had walked himself into the proper resolution, however, how soon an opportunity of exercising it occurred, in what manner he expressed himself, and how he was received, need not be particularly told..."* [4];

(5) *"What did she say? – Just what she ought, of course. A lady always does..."* [5]

Суммируя информацию о предшествующем ходе событий, конденсируя сюжетные линии, рассказчик, как правило, прибегает к иронии и выражает благорасположение к персонажам. Это, в частности, имеет место:

- в романе «Эмма» в тот момент повествования, когда критические замечания о свадьбе Эммы и мистера Найтли, выражаемые Миссис Элтон, противопоставляются искренней вере друзей героини и ее возлюбленного в совершенное счастье рождающегося супружеского союза;

- в романе «Мэнсфилд-парк» в тот момент повествования, когда рассказчик говорит о том, что злодеи наказаны и дает свой нравственный комментарий по этому поводу.

В последнем случае рассказчик прибегает к разнообразным оценочным выражениям и словам (*the indignities of stupidity, the disappointment of selfish passion, punishment, conduct, guilt, mortified, reproach*), которые, без сомнения, убеждают читателя в деонтическом характере финального *must*:

(6) *"Mr. Rushworth had no difficulty in procuring a divorce; and so ended a marriage contracted under such circumstances as to make any better end, the effect of good luck, not to be reckoned on. She had despised him, and loved another – and he had been very much aware that it was so. The indignities of stupidity, and the disappointment of selfish passion, can excite little pity. His punishment followed his conduct, as did a deeper guilt of his wife. He was released from the engagement to be mortified and unhappy, till some other pretty girl could attract him into matrimony again, and he might set forward on a second, and it is to be hoped, more prosperous trial of the state – if duped, to be duped at least with good humour and good luck; while she must withdraw with infinitely stronger feelings to a retirement and reproach, which could allow no second spring of hope or character"* [6].

Репрезентируемое видение событий, как представляется, производит на читателя двойственный эффект. С одной стороны, оно формирует в читательском сознании представление о том, что рассказчик неотделим от самого автора, поскольку если точка зрения выражается рассказчиком, ведущим повествование от третьего лица, то она, несомненно, исходно принадлежит автору текста. С другой стороны, указанное видение событий убеждает читателя в том, что выражаемые морализаторские суждения заведомо принадлежат автору или рассказчику.

Однако последнее заключение является не совсем истинным. То, что представляемое мнение принадлежит рассказчику, не может быть явно выявлено из текущего повествования. До конца не является ясным, чьи слова или мысли в этом случае выражаются. Потенциально возможным предстает и то, что эти суждения принадлежат кому-либо из персонажей, диалоги которых составляют значительную часть предшествующего повествования.

Проанализируем случаи, когда оценочные суждения рассказчика характеризуются некоторой недосказанностью и немногословностью, которые явно противоречат его открытости на фазах начала и окончания повествования и наделяют само повествование таинственным характером. Рассказчик не желает раскрывать свои планы, как это наблюдается при реализации эксплицитной оценки тех или иных персонажей, событий, фактов.

В частности, когда Виллоубай впервые появляется в романе «Разум и чувствительность», рассказчик не дает каких-либо этических суждений о персонаже, не оценивает его по аксиологической шкале «хорошо/плохо», не пытается проникнуть в те чувства, которые испытывает персонаж. В результате у читателя может сложиться ложное впечатление, что рассказчик не проявляет искренности по отношению к персонажу.

В романах, написанных в деревне Чоутэн (в которой Дж. Остин провела последние восемь лет своей жизни), сдержанность рассказчика в отношении характеристик персонажей возводится в ранг авторского стандарта. В частности, в романе «Эмма» подобная манера повествования приобретает особую форму: положительные и отрицательные качества персонажей – как и самой героини – не более как перечисляются без каких-либо оценочных суждений. Ср. описание Эммы:

(7) *“Emma Woodhouse, handsome, clever, and rich, with a comfortable home and happy disposition, seemed to unite some of the best blessings of existence... The real evils indeed of Emma’s situation were the power of having rather too much her own way, and a disposition to think a little too well of herself...”* [7]

Приведенный фрагмент из романа непосредственно иллюстрирует второй источник нетипичности художественных текстов Дж. Остин: неясность того, кому принадлежит выражаемая оценка – рассказчику или другому персонажу. В первом предложении рассказчик принимает «внешнюю» точку зрения на героиню, которая позволяет ему сделать определенные предположения о действительном состоянии дел (ср.: *Emma...seemed to unite some of the best blessings of existence*). Во втором предложении рассказчик выявляет собственную повествовательную перспективу, которая дает ему возможность установить порочные проявления в характере героини. В результате читатель не может быть до конца уверенным в том, обладает ли рассказчик фактическими знаниями о моральных устоях героини, прошлых и последующих событиях.

Вследствие сдержанности рассказчика, романы Дж. Остин пронизаны оценочной неопределенностью в плане того, какие характеристики персонажей являются положительными, а какие – отрицательными, какие из этих характеристик оказываются важными для интерпретации персонажа, а какие – несущественными. Фактически то же самое можно сказать и об изображаемых в тексте событиях: лишь в некоторых случаях всеведущий рассказчик информирует читателя о фактах, которые имели место в различных временных пластах повествования, опуская важную информацию о персонажах или не сигнализируя о том, что описываемые детали являются важными для целостной интерпретации персонажа.

Например, в романе «Эмма» читатель узнает о том, что Фрэнк Черчилл и Джэйн Фэрфэкс помолвлены, только к концу романа, хотя косвенные указания на этот факт до этого неоднократно содержатся в тексте. В романе «Гордость и предубеждение» читателю так и не сообщается о том, кто выдал Леди Кэферин секрет Элизабет Беннет и Дарси. А в романах «Леди Сьюзан» и «Доводы рассудка» рассказчик открыто ссылается на тот факт, что он не осведомлен о той ситуации, в которой оказался персонаж. Ср.:

(8) *“Whether Lady Susan was, or was not happy in her second Choice – I do not see how it can ever be ascertained – for who would take her assurance of it, on either side of the question? The World must judge from probability...”* [8];

(9) *“Mrs. Clay’s affections had overpowered her interest, and she had sacrificed, for the young man’s sake, the possibility of scheming longer for Sir Walter. She has abilities, however, as well as affections; and it is now a doubtful point whether his cunning, or hers, may finally carry the day”* [9].

В (8) рассказчик заявляет о своей неспособности догадаться о тех мыслях, которые одолевают персонажа; в (9) он выявляет свое незнание о будущих событиях, с которыми столкнется персонаж. В обоих случаях власть рассказчика над персонажем является ограниченной, как будто он сам является рядовым персонажем текущего повествования.

Индивидуальные характеристики остиновского рассказчика входят в противоречие с присущей ему вездесущностью, о которой он также время от времени заявляет. В одних случаях он воспринимает текущую ситуацию со стороны, как посторонний наблюдатель; в других случаях он находится «внутри» описываемой ситуации, становится участником текущих событий, персонажем, ведущим повествование от первого лица. В данной связи Д. А. Миллер правомерно замечает, что романы Джейн Остин лишены прочного оценочного центра, что объясняется отсутствием рассказчика, непосредственно воспринимающего ситуацию [10].

Если рассказчик выступает как один из многих персонажей повествования, даже если он обладает особым функциональным статусом, его взаимодействие с персонажами, очевидно, уже более не является «вторжением» в их внутреннюю сферу. В этом случае аксиологическая деятельность рассказчика, в частности выражение неопределенных, до конца не ясных оценок предстает для читателя характеристикой рядового персонажа, а не вездесущего субъекта повествования.

Повествователь в прозе Дж. Остин идентифицируется прежде всего с самим автором – как персонажем художественного повествования, так и проекцией имплицитного автора. В этой связи В. С. Бут отмечает, что «прозаическая “Джейн Остин” – в отличие от Джейн Остин реальной – предстает прежде всего нетипичным рассказчиком, подрывающим читательскую веру в целостность реального автора. Однако ее присутствие в повествовании является ключевым структурным элементом текста» [11].

По мнению Е. Блека, вездесущий рассказчик лишается своей авторитарности в тот момент, когда он начинает вести повествование от первого лица [12]. В художественных текстах Дж. Остин отсутствие рассказчика в ситуации, о которой ведется повествование, и его вездесущность, как правило, сопровождают друг друга. В результате рассказчик, ведущий повествование то от первого, то от третьего лица, знающий и догадывающийся, во многом утрачивает свой типичный, достоверный характер. При этом автор повествования обращается непосредственно к своим читателям; рассказчик – к тем персонажам, которых он описывает, таким образом обеспечивая себе позицию одного из персонажей, участвующих в воображаемой ситуации. Ср.:

(10) *“I come now to the relation of a misfortune, which about this time befell Mrs. John Dashwood”* [13];

(11) *“I wish I could say, for the sake of [Mrs. Bennet’s] family, that the accomplishment of her earnest desire in the establishment of so many of her children, produced so happy an effect as to make her a sensible, amiable, well-informed woman for the rest of her life”* [14];

(12) *“...although there doubtless are such unconquerable young ladies of eighteen (or one should not read about them) as are never to be persuaded into love against their judgment by all that talent, manner, attention, and flattery can do, I have no inclination to think Fanny one of them...”* [15];

(13) *“Mrs. Goddard was the mistress of a school – not of a seminary, or an establishment, or any thing which professed, in ling sentences of refined nonsense, to combine liberal acquirements with elegant morality upon new principles and new systems – and where young ladies for enormous pay might be screwed out of health and into vanity – but a real, honest, old-fashioned Boarding-school...”* [16]

Во всех вышеприведенных фрагментах рассказчик, который выступает в качестве самостоятельного персонажа и в читательском сознании ассоциируется с самой Дж. Остин, снимает с себя маску безличности, при этом сохраняя ту или иную степень вездесущности или отказываясь от нее. В (10)–(11) рассказчик, ведя повествование от первого лица, несет полную ответственность за сообщаемую информацию: он осведомлен о том, что уже произошло и что будет иметь место в будущем, а также свободно движется в пространстве сознания других персонажей. В (12) рассказчик лишь выражает свои догадки относительно возможного течения описываемого хода дел, выявляет ограниченное знание о намерениях Фани, исходя из ее социального положения и той ситуации, в которой она оказалась.

Однако во вставочной конструкции содержится авторская импликация относительно того, что рассказчик в полной степени не осведомлен о том, что произойдет, если Генри Кроу настаит на своем, поскольку Фани «не такая уж романтическая», как остальные персонажи повествования. Наконец, в (13) рассказчик, не упоминая себя посредством местоимения *I*, выражает личностное мнение относительно текущего положения дел, связанного с персонажем. В данном случае между самим рассказчиком и реальной Дж. Остин, вне всяких сомнений, можно поставить знак равенства.

Остиновского рассказчика можно также охарактеризовать беспрестанным сдвигом повествовательной перспективы непосредственно от своей личности к другому персонажу или группе персонажей, что также затрудняет читательское определение источника инициации оценок. Роль размышляющего персонажа в этом случае принимает на себя героиня повествования, а само повествование сосредоточивается на данном центральном персонаже, в сознание которого рассказчик имеет возможность проникнуть. Мысли рассказчика и героини образуют такое органическое единство, что не всегда оказывается возможным определить, от кого исходят размышления, поскольку в языковом и стилистическом плане они оформляются однообразно.

Если рассказчик сосредоточивает читательское внимание на сознании персонажа (как это, в частности, имеет место в романе «Эмма»), читатель начинает видеть описываемую ситуацию с визуальной и психологической перспективы этого персонажа. Когда же сознания центрального персонажа и рассказчика образуют нерасторжимое единство, читатель утрачивает возможность понять, кто говорит в данный момент повествования, а неясность того, кому принадлежит выражаемая оценка, достигает своего максимального проявления. Акт проникновения в сознание героини повествования рассказчик фиксирует посредством высказываний, манифестирующих ментальные процессы. Читатель получает информацию о том, что чувствует, думает или воспринимает размышляющий персонаж. За исключением тех случаев, когда рассказчик явно обнару-

живает себя в повествовании, образ героини становится пространственно-временной и психологической осью повествования. В момент описания той или иной ситуации эта ось функционирует в качестве дейктического центра повествования, в которое вклинивается чувственное восприятие этой ситуации героиней. Процесс восприятия при этом не смещается к какому-либо другому персонажу. Например:

(14) *"Fanny supposed she must have been mistaken, and meant to think differently in future; but with all that submission to Edmund could do, and all the help of the coinciding looks and hints which she occasionally noticed in some of the others, and which seemed to say that Julia was Mr. Crawford's choice, she knew not always what to think. She was privy, one evening, to the hopes of her aunt Norris on this subject, as well as to her feelings, and the feelings of Mrs. Rushworth, on a point of some similarity, and could not help wondering as she listened; and glad would she have been not to be obliged to listen..."*

'I think, ma'am,' said Mrs. Norris – her eyes directed towards Mr. Rushworth and Maria, who were parents for the second time – 'we shall see some happy faces again now'...

Miss Bertram did indeed look happy, her eyes were sparkling with pleasure, and she was speaking with great animation, for Julia and her partner, Mr. Crawford, were close to her; were all in a cluster together. How she had looked before, Fanny could not recollect, for she had been dancing with Edmund herself, and had not thought about her" [17].

Рассказчик избирает Фани в качестве субъекта текущих ощущений, затем дает описание некоторой ситуации и приводит разговор таким образом, как его видит и слышит героиня (т. е. читатель воспринимает диалог других персонажей через восприятие Фани). К заключению текстового фрагмента читатель уже не имеет каких-либо сомнений относительно того, что Фани является дейктическим и психологическим центром текущего повествования.

Следовательно, читатель интерпретирует вышеприведенный фрагмент как отражение мыслей героини (как если бы она обратила свой взор на Джулию Бертрам и Генри Кроуфорда с целью прояснить вероятность предположений и допущений своей тети). Для того чтобы лишний раз развеять эти читательские сомнения, в конце фрагмента рассказчик снова делает акцент на том, что Фани предстает субъектом восприятия описываемой ситуации (ср.: *How she had looked before, Fanny could not recollect*): читатель получает напоминание о том, что он воспринимает виртуальный мир повествования глазами героини.

Таким образом, проблема разграничения голосов рассказчика и персонажа встает перед читателем еще более остро, когда повествование «озвучивается» немиметическим размышляющим субъектом речи, а оценочные комментарии невозможно однозначно отнести либо к рассказчику, либо к размышляющему персонажу. Даже в примере (14), который представляет собой немиметическое размышление, определенные словоформы и сегменты высказываний (*indeed, she was speaking with great animation*) не могут быть явно отнесены ни к рассказчику, ни к персонажу (хотя логически их можно рассматривать как речевое проявление образа размышляющего персонажа). В некоторых случаях дифференциация речи рассказчика и персонажа оказывается фактически невозможной для читателя.

Примечания

1. Austen J. *Pride and Prejudice*. L.: Penguin, 2003. P. 12.
2. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 20.
3. Austen J. *Persuasion*. L.: Penguin, 2002. P. 43.
4. Austen J. *Sense and Sensibility*. L.: Penguin, 2003. P. 27.
5. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 53.
6. Austen J. *Mansfield-Park*. L.: Penguin, 2001. P. 18.
7. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 38.
8. Austen J. *Lady Susan*. L.: Penguin, 2002. P. 17.
9. Austen J. *Persuasion*. L.: Penguin, 2002. P. 25.
10. Miller D. A. *Jane Austen, or the Secret of Style*. Princeton, NJ/Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 6–7.
11. Booth W. C. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago/London: University of Chicago Press, 1961. P. 254.
12. Black E. *Pragmatic Stylistic*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. P. 14.
13. Austen J. *Sense and Sensibility*. L.: Penguin, 2003. P. 83.
14. Austen J. *Pride and Prejudice*. L.: Penguin, 2003. P. 31.
15. Austen J. *Mansfield-Park*. L.: Penguin, 2001. P. 24.
16. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 20.
17. Austen J. *Mansfield-Park*. L.: Penguin, 2001. P. 41.

Notes

1. Austen J. *Pride and Prejudice*. L.: Penguin, 2003. P. 12.
2. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 20.
3. Austen J. *Persuasion*. L.: Penguin, 2002. P. 43.
4. Austen J. *Sense and Sensibility*. L.: Penguin, 2003. P. 27.
5. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 53.
6. Austen J. *Mansfield-Park*. L.: Penguin, 2001. P. 18.
7. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 38.
8. Austen J. *Lady Susan*. L.: Penguin, 2002. P. 17.
9. Austen J. *Persuasion*. L.: Penguin, 2002. P. 25.
10. Miller D.A. *Jane Austen, or the Secret of Style*. Princeton, NJ/Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 6-7.
11. Booth W.C. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago/London: University of Chicago Press, 1961. P. 254.
12. Black E. *Pragmatic Stylistic*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. P. 14.
13. Austen J. *Sense and Sensibility*. L.: Penguin, 2003. P. 83.
14. Austen J. *Pride and Prejudice*. L.: Penguin, 2003. P. 31.
15. Austen J. *Mansfield-Park*. L.: Penguin, 2001. P. 24.
16. Austen J. *Emma*. L.: Penguin, 2003. P. 20.
17. Austen J. *Mansfield-Park*. L.: Penguin, 2001. P. 41.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Мария Игоревна – аспирант кафедры германской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: lafruta@mail.ru

ВАСИНА Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.

E-mail: tatjasch@mail.ru

ДОРОЖКИН Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7, комн. 205.

E-mail: hudoznik1@yandex.ru

ЕРМОЛИНА Лидия Анатольевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5.

E-mail: 7144904@mail.ru

ЖЭНЬ Фэй – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

ЗБОЕВ Артем Вячеславович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: zboev.art@mail.ru

ЗЕМЛЯНАЯ Анна Сергеевна – соискатель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

E-mail: annzem@yandex.ru

ЗОРИН Артём Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: arzor@list.ru

ИВАНОВ Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Сургутского института нефти и газа (филиала) Тюменского государственного нефтегазового университета в г. Сургуте; старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета. 628404, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, ул. Энтузиастов, д. 38, каб. 107.

E-mail: 88d@bk.ru

КАЙГОРОВОВА Ирина Николаевна – профессор кафедры общего языкознания и речеведения Астраханского государственного института. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а.

E-mail: kin905@mail.ru

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaa.doc@mail.ru

КРУТОВА Ирина Николаевна – доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Саратовской государственной юридической академии. 414057, г. Астрахань, ул. Куйбышева, д. 1.

E-mail: dartsk@mail.ru

ЛИСИЦЫНА Галина Александровна – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета. 309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, д. 18.

E-mail: gl-88@list.ru

ЛОБАНОВ Сергей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18.

E-mail: sdl-grey54@yandex.ru

РАШЕВСКИЙ Василий Викторович – заведующий мемориальным комплексом геологов-первопроходцев Дом Ф. К. Салманова, Сургутский краеведческий музей. 628400, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, ул. 30 лет Победы, д. 21/2.

E-mail: vasilij_bfmv87@mail.ru

СЕМЕНЕНКО Наталия Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета. 309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, д. 18.

E-mail: nsemenenko@yandex.ru

СИТНИКОВА Екатерина Викторовна – аспирант кафедры археологии, этнологии и культурной антропологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sithnikovaek@yandex.ru

СМИРНОВ Михаил Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социальных дисциплин Московской государственной юридической академии университет имени О. Е. Кутафина (Кировский филиал). 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.

E-mail: VKKOP@ya.ru

СМИРНОВА Анастасия Александровна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: anastasiya848@yandex.ru

СОКОЛОВА Олеся Игоревна – аспирант кафедры истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7, комн. 205.

E-mail: lesyabelikova@mail.ru

СТОЛЕТОВА Анна Сергеевна – аспирант Вологодского государственного университета. 160000, Вологда, ул. Ленина, д. 15.

E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

ТУН Хуэй – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: 13934452428@163.com

ХАЛТУРИН Анатолий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. 163002, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17.

E-mail: aonhalturin@gmail.com

ШУЛЯТИКОВ Иван Сергеевич – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ivanshul.89@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ANDREEVA Mariya Igorevna – postgraduate student of the Department of Germanic Philology of Institute of Philology and intercultural communication of Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.

E-mail: lafruta@mail.ru

VASINA Tatyana Anatolyevna – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of the Department of historical research of Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural branch of RAS. 4 Lomonosov str., 426004, Izhevsk.

E-mail: tatjasch@mail.ru

DOROZHKIN Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, head of Department of history, methodology and philosophy of science at Nizhny Novgorod State University n.a. N. I. Lobachevsky. Room 205, 7 Universitetsky pereulok, 603000, Nizhny Novgorod.

E-mail: hudoznik1@yandex.ru

ERMOLINA Lidiya Anatolievna – Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer of the Department of Philosophy of Moscow State Technical University n.a. N. E. Bauman. 5 2nd Baumanskaya str., 105005, Moscow.

E-mail: 7144904@mail.ru

JEN Fay – postgraduate student on the Department of Russian language of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

ZBOEV Artem Vyacheslavovich – postgraduate student of the Department of General history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: zboev.art@mail.ru

ZEMLYANAYA Anna Sergeevna – postgraduate of the Department of translation and information technologies in linguistics of the Southern Federal University. 105/42 Bolshaya Sadovaya str., 344006, Rostov-na-Donu .

E-mail: annzem@yandex.ru

ZORIN Artem Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of General history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: arzor@list.ru

IVANOV Aleksandr Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Natural-Sciences and Humanities of the Surgut Oil and Gas Institute (branch) of Tyumen State Oil and Gas University in Surgut; senior lecturer of the Department of History of Russia Surgut State University. Room 107, 38 Entuziastov str., 628404, Yugra, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Okrug.

E-mail: 88d@bk.ru

KAYGORODOVA Irina Nikolaevna – Professor of the Department of General linguistics and speech science of the Astrakhan State Institute. 20A Tatishchev str., 414056, Astrakhan.

E-mail: kin905@mail.ru

KOSTIN Aleksey Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Professor, head of the Department of General history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: kaa.doc@mail.ru

KRUTOVA Irina Nikolaevna – Associate Professor of General humanitarian and socio-economic Sciences of Saratov State Academy of Law. 1 Kuybysheva str., 414057, Astrakhan.

E-mail: dartsk@mail.ru

LISITSYNA Galina Aleksandrovna – postgraduate student of Belgorod State National Research University. 18 Solnechny district, 309502, Stary Oskol, Belgorod region.
E-mail: gl-88@list.ru

LOBANOV Sergey Dmitrievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Culturology and Philosophy of the Perm State Institute of Culture. 18 Gazety Zvezda str., 614000, Perm.
E-mail: sdl-grey54@yandex. EN

RASHEVSKY Vasiliy Viktorovich – head of the memorial complex of geologists-pioneers of House F. C. Salmanov, Surgut Museum of local lore. 21/2 30 let Pobedy str., 628400, Yugra, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Okrug.
E-mail: vasiliy_bfmv87@mail.ru

SEMENENKO Natalia Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology of Stary Oskol branch of Belgorod State National Research University. 18 Solnechny district, 309502, Stary Oskol, Belgorod region.
E-mail: nsemenenko@yandex.ru

SITNIKOVA Ekaterina Viktorovna – postgraduate student of the Department of archeology, Ethnology and cultural anthropology of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: sithnikovaek@yandex.ru

SMIRNOV Mikhail Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of General humanitarian and social disciplines of Moscow State Academy of Law University named after O. E. Kutafin (Kirov branch). 99 Lenin str., 610002, Kirov.
E-mail: VKKOP@ya.ru

SMIRNOVA Anastasia Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of Russian history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: anastasiya848@yandex.ru

SOKOLOVA Olesya Igorevna – postgraduate student of the Department of history, methodology and philosophy of science at Nizhny Novgorod State University n.a. N. I. Lobachevsky. Room 205, 7 Universitetsky pereulok, 603000, Nizhny Novgorod.
E-mail: lesyabelikova@mail.ru

STOLETOVA Anna Sergeevna – postgraduate student of Vologda State University. 15 Lenina str., 160000, Vologda.
E-mail: Stoletova-A-S@yandex.ru

TONG Hui – postgraduate student on the Department of Russian language of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: 13934452428@163.com

KHALTURIN Anatoly Nikolaevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor on the Department of Philosophy of Institute of social-humanitarian and political sciences of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. 17 Severnaya Dvina Emb., 163002, Arkhangelsk.
E-mail: aonhalturin@gmail.com

ШУЛЯТИКОВ Иван Сергеевич – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: ivanshul.89@gmail.com

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 12 (2015)

Подписано в печать 30.11.2015 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1000. Заказ № 180.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 208-964

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390